

2017 ГОД

7 ноября 1917

100-лет Великой Октябрьской социалистической революции

4 ноября 1942

75-лет героической гибели Народного героя Югославии Жарко Зренянина

*Героям коммунистам Югославии,
павшим в борьбе с фашизмом посвящается*

Уважаемые и дорогие читатели!

В электронной библиотеке ВИФ2 <http://forums.vif2.ru/showthread.php?t=1162> уже несколько лет размещена книга Предрага Миличевича «Товарищи мои», вышедшая в 1983 г. в московском издательстве «Молодая гвардия». Это автобиографическая повесть об одной из самых драматичных страниц Народно-освободительной борьбы в Южном Банате (Воеводина, Сербия, Югославия) – о молодых и старых коммунистах, молодых членах Союза коммунистической молодежи Югославии – югославских комсомольцах, вдохновленных идеалами коммунизма, свободы, равенства и братства, идеалами, которые несла Великая Октябрьская революция. Эти замечательные люди встали как один на борьбу с фашизмом и в подавляющем большинстве погибли в том, тогда еще неравном бою, до конца 1942 года. Это были наши настоящие братские верные и самые надежные союзники, боевые товарищи Олега Кошевого и всех донбасских молодогвардейцев, всех советских партизан, красноармейцев и всех советских людей, боровшихся за Великую Победу с жестоким и мощным противником.

Герои повести Предрага Миличевича – исторические лица. **Уча** – это **Жарко Зренянин** (родной дядя автора), Народный герой Югославии, коммунист с довоенным подпольным стажем в Королевской Югославии, выдающийся деятель КП и революционного движения Югославии, погиб 4 ноября 1942 года, отстреливаясь до последней пули, в фашистской облаве на проваленной предателями явке, его

молодая жена **Елизавета Беба Петров**, погибшая раньше Жарко, еще в марте того страшного 1942 года, легендарные **Мила Матеич**, **Браца Петров** и другие герои...

О своем дорогом брате Жарко Зренянине еще в далеком 1982 году написала книгу и его сестра и соратница в тяжелейшей борьбе – мама Предрага Миличевича – Анджа Миличевич-Зренянин. Книга вышла в Белграде на сербско-хорватском языке: Anđa Milićević. „**ZRENJANIN. ZVEZDA U SRCU**“ NIRO „ČETVRTI JUL“ BEOGRAD, 1982. Многие герои этой книги – те же, что и товарищи Предрага Миличевича.

«Товарищи мои» - это воспоминания совсем юного комсомольца, а книга Анджи Миличевич – воспоминания уже опытного коммуниста-подпольщика с одной стороны, и любящей нежной сестры, потерявшей своего героического младшего брата, дорогого и любимого еще со времен их деревенского детства.

В посвящении этой книги Анджа Миличевич-Зренянин написала:

*МОЕМУ БРАТУ ЖАРКО И ВСЕМ КОММУНИСТАМ,
ПАРТИЗАНАМ И ПАТРИОТАМ,
ПОГИБШИМ В НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЕ*

АВТОР

Мы присоединяемся к этому посвящению, и к 100-летию Великой Октябрьской социалистической революции подготовили к размещению в интернете в ВИФ2 эту книгу на русском языке. В русском переводе книга называется «**Жарко Зренянин. Звезда в сердце**». Книгу перевела Юлия Миличевич, супруга Предрага Миличевича, невестка Анджи Миличевич-Зренянин. Консультантом по переводу выступила племянница Предрага Миличевича - Федора Лончаревич (рожд. Миличевич), дочь его замечательного и героического старшего брата Слободана Миличевича, внучка Анджи Миличевич-Зренянин. Большую техническую помощь в наборе и оформлении текста оказала дорогая нам Екатерина Поташевская, опытный издательский сотрудник издательства «Весь мир», а в прошлом замечательного советского издательства «Прогресс».

Одновременно с подготовкой книги «**Зренянин. Звезда в сердце**» к 100-летию Великой Октябрьской социалистической революции мы подготовили к размещению в интернете в ВИФ2 книгу «Товарищи мои» на сербском языке. После смерти автора, уже после размещения книги «Товарищи мои» в электронной библиотеке ВИФ2, в архивах семьи Предрага Миличевича была найдена рукопись автора книги на **сербско-хорватском языке**, на котором она называется «**Другови моји**». Эту книгу на сербском языке мы предлагаем вашему вниманию, вниманию историков, филологов, и всех, знающих сербский и хорватский языки, а так же вашим друзьям и коллегам из стран бывшей Югославии. Из какой бы республики они не происходили, они умеют говорить и читать на сербско-хорватском языке (теперь говорят отдельно на сербском и хорватском).

Мы с благодарностью вспоминаем, что еще в далекие 1980-годы первым редактором авторского текста на сербском языке была Вера Джурич, старейший друг семьи Предрага Миличевича, диктор радио «Голос Москвы» вещания на сербско-хорватском языке и супруга Джурича Момчило, легендарного сербского героя партизана, впоследствии доцента юридического факультета МГУ им. Ломоносова, товарища Предрага Миличевича [статью о М. Джуриче см. на странице П.Миличевича <http://forums.vif2.ru/showthread.php?t=190>].

Подготовка текста на сербском языке к размещению в интернете была начата семьей в 2015 году - в год 90-летия со дня рождения автора –Предрага Миличевича. Огромную помощь в подготовке рукописи, корректуру и консультации по сербскому языку и вопросам истории выполнила племянница Предрага Миличевича, Федора Лончаревич.

Уважаемые и дорогие читатели!

Мы живем в пятилетие, каждый год которого – 75-летие грандиозных исторических событий всемирного значения времен Великой отечественной войны, времен Народно-освободительной борьбы в Югославии во Второй мировой войне:

2016 г. – 75-летие Победы в Битве под Москвой;

– 75-летие начала антифашистского восстания 7 июля в Белой церкви в Сербии, образования освобожденных Ужицкой и Дрварской республик на территории оккупированной Югославии.

2017-2018 гг. – 75-летие начала Великой Сталинградской битвы, перелома в войне и славной решающей Победы Красной Армии в этой битве (17 июля 1942 года - 2 февраля 1943. г.);

– 75-летие битвы на Козаре (10 июня – 18 июля 1942 года); образования Бихачской республики, (ноябрь 1942.г.);

2018-2019 гг. - 75-летие битвы на Курской дуге (5.июля 1943.г. – май 1944.г),

- 75-летие битвы на Неретве (февраль - март 1943. г.) и Битвы на Сутьеске (май - июнь 1943. г.)

2019 – 2020 гг. – Юбилейные годы окончательного освобождения Югославии, Советского Союза и всей Восточной Европы

2020 год – 75-летие Великой и Славной Победы Красной армии и всего советского народа над фашизмом.

Этой славной Победе в год 100-летия Великой Октябрьской революции, в год 75-летия героической гибели Жарко Зренянина (4 ноября 1942 года) потомки семьи Жарко Зренянина посвящают первую публикацию на русском языке в интернете книги **«Жарко Зренянин. Звезда в сердце»** Анджи Миличевич-Зренянин и первую публикацию на сербском языке книги **«Другови моји»** Предрага Миличевича.

Мы, потомки Жарко Зренянина, выражаем чрезвычайную признательность Сухомлину Владимиру Александровичу, доктору технических наук, профессору факультета МГУ им. М.В. Ломоносова за предоставленную возможность электронных публикации на страницах ВИФ-2 книг о югославских героях, никогда и нисколько не колеблясь, вставших в один боевой строй с советскими людьми в тяжелой героической борьбе с фашизмом.

*Миличевич Юлия, Миличевич Ектерина, Лончаревич Федора и
вся семья потомков Жарко Зренянина*

ЗРЕНЯНИН ЗВЕЗДА В СЕРДЦЕ

***МОЕМУ БРАТУ ЖАРКО ЗРЕНЯНИНУ
И ВСЕМ КОММУНИСТАМ, ПАРТИЗАНАМ И ПАТРИОТАМ,
ПОГИБШИМ В НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЕ
ЮГОСЛАВСКОГО НАРОДА ПРОТИВ ФАШИЗМА***

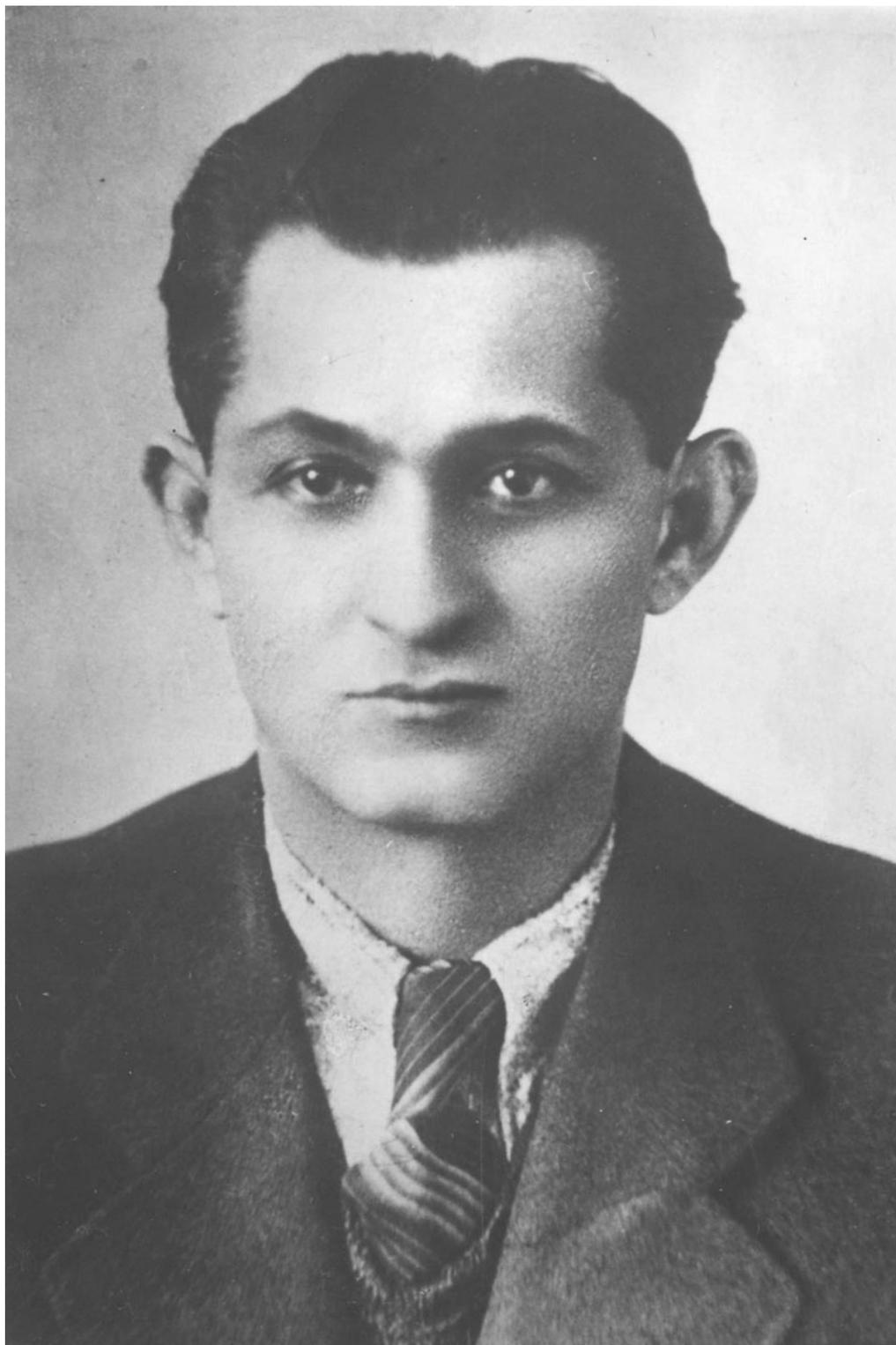
АВТОР, МИЛИЧЕВИЧ АНДЖА

Белград. Библиотека «Лики революции»

**Воспоминания Анджи Миличевич-Зренянин, коммунистки,
подпольщицы, сестры и соратницы Народного героя Югославии
Жарко Зренянина**

Русский перевод Ю.И. Миличевич

Книга Анджи Миличевич-Зренянин, коммунистки, подпольщицы и партизанки,
несгибаемого борца с немецким фашизмом, публикуется на русском языке
впервые.

ЖАРКО ЗРЕНЈАНИН

НАРОДНИЙ ГЕРОЙ ЮГОСЛАВИИ

11 септембра 1902 — 4 ноебра 1942

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРВЫЕ ПОНЯТИЯ О ЖИЗНИ, ОБЩЕСТВЕ, УЧЕБЕ ... ОБРАЗОВАНИЕ	5
«А за что ты, дедушка, борешься?»	5
«Ты будешь вторым Миладиновичем — народным посланником»	10
«Мы тут голодаем, кто в этом виноват!?»	13
«Как бы я хотел прочитать книгу о коммунизме!»	16
«Всех вас, сердечные друзья, ожидает борьба»	19
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖАРКО	22
«Знайте, что пройдет эта мучительная темная ночь»	22
«Школа не может быть изолирована от жизни»	27
«Задача учителя и в просвещении народа»	29
НАЧАЛО ПАРТИЙНОЙ РАБОТЫ...32	
Член КПЮ	32
Идеологическое и партийное просвещение в Избиште	34
Партийная организация в Избиште	37
ПЕРВОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ В ТЮРЬМЕ — МИТРОВИЦА, ЛЕПОГЛАВА	40
Арест	40
«Мы напишем наши правила»	43
«Я восхищался силой Жарко»	46
ПРОДОЛЖЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	48
«Мы, коммунисты, не боимся никаких угроз»	48
Рынок зерна в г. Вршац	51
«Партия — лучший воспитатель людей»	54
Следственный изолятор в Петровграде (Бечкереке)	55
«Теперь у нас нет времени для учебы»	58
Партийная техника в г. Вршац	61
Забота о людях	63
Красная помощь	66
РЕНЕССАНС ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВОЕВОДИНЫ	68
Секретарь КК КПЮ Воеводины	68
Влияние партии через массовые организации	72
Женское движение — секция молодежи	76
Обновленный Союз коммунистической молодежи Югославии	79
ПРОГРЕССИВНОЕ УЧИТЕЛЬСКОЕ ДВИЖЕНИЕ	84
Издательство «Вук Караджич»	84
Учительский конгресс в Баня-Луке	86
«Третья группа» учителей-коммунистов»	87
1939 — 1940	90
«Вот твоя невестка, мама!»	90

«Я здесь не защищаюсь, я обвиняю»	92
АПРЕЛЬСКАЯ ВОЙНА	99
«Лучше война, чем пакт»	99
Бомбардировка и оккупация	101
ПОЛИТИЧЕСКАЯ, МОРАЛЬНАЯ И ВООРУЖЕННАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ ДЛЯ СОПРОТОВЛЕНИЯ ОККУПАНТАМ	102
«В борьбе с фашистами каждый коммунист — крепость!»	102
«Мы, коммунисты, лучше погибнем с честью, чем будем жить в позоре»	107
«Борьба будет долгая, тяжелая и кровавая»	108
Первые акции восстания. Великое всеобщее кровавое наступление на коммунистов и патриотов	111
Банатские партизаны продолжают акции	116
ЖАРКО ВОЗВРАЩАЕТСЯ В БАНАТ	117
«Облава на красного генерала»	117
Приспособление тактики к тяжелым условиям войны	119
Обновление и усиление партийных организаций Южного Баната	120
ТЮРЬМА В ПЕТРОВГРАДЕ	123
Камера № 11	123
Рассказ о семи прутиках	126
«Что хорошего в нашей смерти»	129
«Эх, вот это человек!»	131
НЕЛЕГАЛЬНЫЕ БАЗЫ	132
Алибунар	132
Долово	135
Делиблато	139
Панчево	141
«Я ВИДЕЛ СМЕРТЬ ГЕРОЯ»	143
Измена	143
«Мы потеряли замечательного человека и храброго борца. Герою Слава!»	145
В ОСВОБОЖДЕННОЙ СТРАНЕ	147
Народный герой	147
Последнее прощание с любимым Учей	148
Первое восьмое марта на свободе	149
«Если бы стены могли говорить...»	150
ЗАМЕТКА ОБ АВТОРЕ	157
КНИГИ О ЖАРКО ЗРЕНЯНИНЕ	158
Копии титульных страниц оригинала книги	159

ПЕРВЫЕ ПОНЯТИЯ О ЖИЗНИ, ОБЩЕСТВЕ, УЧЕБЕ ... ОБРАЗОВАНИЕ

«А за что ты, дедушка, борешься?»

Широкая равнина Воеводины, освещенная низким солнцем, простиралась в безграничную даль. Поля Баната, обработанные и плодородные, золотились пшеницей и молодой кукурузой. Отец размахивал кнутом, а два хороших коня тащили телегу по мягкому и утоптанному пути. Мы, дети, сидели за спиной отца, цепенея от возбуждения, так как отправиться в такой путь было необычайным событием, хотя отец каждый год в одно и то же время совершал этот путь, и мы знали всё, что нас ожидает. Отец бы ушел в лес, проверил наш скот, отделил бы то, что на продажу, а потом дальше все бы потекло в обычном порядке, а нашей радости не было бы конца — покупались вещи для дома, книги для нас, одежда, обувь, сладости. Всё — как в прекрасной счастливой сказке.

Мы отправились через банатские поля и добрались до леса на Делиблатских песках, полного свежести, зелени и покоя. Отец ушел от нас по делам, а мы предались буйным играм и надеялись, что наш поход только начинается, и весь день будет радостным. Но вскоре из глубокого леса, откуда-то из его полян, где пасся скот наших сел, появился отец. Он шагал, качаясь, как подкошенный, а кнут в его руках дрожал. Его стиснутые кулаки как будто охватили спазмы, а плечи опустились, как от огромной тяжести, а то, что мы увидели на его лице, было еще страшнее: стиснутые морщины, выражение лица — как внезапная старость — челюсти сжаты так, что казалось вот-вот треснут — и все это под приглушенные рыдания, которые он огромным усилием едва сдерживал в себе. Остановившись перед нами, он охрипшим голосом сказал: «Наш молодняк погиб».

Только позже, когда отец немного пришел в себя, мы узнали, что случилось. В те дни опасное насекомое (голубацкая мошка [**из окрестностей города Голубац. — Примеч. пер.*]) нанесла много вреда скотоводству наших сел. Все, что с таким трудом выращивалось, а для крестьян, имеющих мало земли, было единственным, что можно было продать и так обеспечить скромное существование и платить налог государству, было уничтожено в этом нападении ядовитых насекомых.

Я смотрела на лица своих братьев и сестер, поражаясь их невиданному до сих пор выражению. Это не были лица шаловливых детей, которых я очень любила, а лица мрачных малышей, которых жизнь провела через какую-то тьму. Как будто они, и я с ними, вдруг поняли все страдание и тяжесть сельской жизни.

Может как раз этот день был началом Жарковых мечтаний о необходимости другой жизни, это была первая острая рана в его сердце. Так как вся его последующая жизнь и работа — а тоже было и со мной — как будто вытекали из этого события, это было как первая морщина на его детском лице, и она была первым вестником его последующих забот и протестов.

Возвращаясь домой, мы больше не чувствовали красоту леса, не слышали милый щебет птиц, даже солнце пекло нас как-то очень резко. Жарко сел на переднее сиденье рядом с отцом. Спросил его: «Папа, разве нет лекаря для животных, как для людей?». «Есть, но он не может помочь, так как нет лекарства против яда этих голубацких мушек, — ответил отец. — Помощи нет». После долгого размышления Жарко опять проговорил: «Это так же, как и с фруктовыми деревьями в саду! Я видел, как ураган весной колотил и ломал все те деревья, которые не росли около стен или не имели какой-нибудь опоры». «Точно, — ответил отец. — Так же и с людьми, когда они не имеют защиты, опоры, когда они окажутся поперек ветра, могут пропасть, если их настигнет зло».

Мы добрались домой и Жарко, против обычая, последним сошел с телеги. Глубоко задумался, помог отцу распрячь коня. В том году жилось очень тяжело. Крестьяне помогали друг другу в беде — одалживали продукты, напрягали последние силы, чтобы спасти свою землю, которую могли отнять налоговые власти. Но работа — это была одна сторона их жизни. С другой стороны, их жизнь проходила в затаенном негодовании, возмущении. Возмущались порядками при каждой встрече, жаловались на налоги и на государство, считали, что надо что-то менять, и жизнь должна меняться. Мы, дети, были далеки от всего этого, не могли понять их мысли и желания, но поскольку мы были с ними рядом, то чувствовали их настроение. Когда в том году начались разговоры о каких-то выборах, мы и сами начали ожидать чего-то от этих выборов и как будто стали причастны к чему-то, что нам было крайне непонятно. И сейчас не знаю, как это все было, но вспоминаю, что мы были очень возбуждены, а разговоры о выборах наших отцов и дедов на нас очень влияли.

Обсуждались какие-то партии, объединение избирателей, говорилось о священниках и торговцах, о власти, налогах, об императоре (в то время Воеводина была под властью Австро-Венгрии). И хотя мы из всего этого ничего не поняли, начали впервые ненавидеть и любить, размышлять о людях и их разделять. Однажды, это было

после завершения выборов, меня и брата Жарко мама отправила к деду Васе [Васа Малушев - дед Жарко и Анджи Зренянин по матери. – *Примеч. ред.*], проведать его и отнести ему посылку. Отец моей матери жил на краю села; кроме земледелия он занимался животноводством. Дед всегда нас, детей, встречал каким-нибудь подарком и ласковыми словами, так что мы любили к нему ходить. Мы прибыли к деду и он нас, как всегда, тепло встретил. Жарко ему передал посылку, и дед повел нас посмотреть телят. Он хотел с нами поговорить и показать то, что детям интересно. Но мой брат, видимо, думал по-другому, и как будто телята для него были не на первом месте. Наблюдая за телятами, он перевел свой взгляд на лицо деда и внимательно смотрел на него. Затем он поспешил, чтобы ничего не пропустить, схватил деда за руку и обратился к нему как к своему другу:

— Деда, ты сейчас не такой веселый, как раньше, и не такой добрый.

— Как это, деточка? — встрепенулся дед.

— Деда, ты печален и чем-то очень озабочен, — продолжил Жарко.

Дед вздрогнул.

— Тебе это кажется, детка. Меня мучают кости, кашель по ночам и... но, дай Бог, пройдет.

Судя по всему, он старался избежать серьезного разговора и хотя бы перед нами не показывать свою тревогу.

Но Жарко был настойчив.

— А что там случилось после выборов в Белой Церкви? Я слышал, как отец рассказывал, что на тебя и твоих друзей напали люди попа Миши. Почему?

— А это поп Миша знает, сынок, — отвечал дед, нахмурившись. — Он и его клерикалы. Они считают крестьян скотами, и что с нами так и надо обращаться, как с телятами. Охраняют церковное добро, богатое сословие, привилегии. По их мнению, бедняки могли бы и сдохнуть.

— А за что ты, деда борешься, ты и твои друзья? — вдруг спросил Жарко.

— За бедняков, сынок, за народ. За крестьян, которые живут мучительно. Хотим, чтобы церковное добро отдали народу, чтобы школы были народными, чтобы земли богачей, помещиков принадлежали тому, кто их обрабатывает. Вот, сынок, что мы хотим в Милетичевой народной партии.

Жарко на мгновение умолк. Вероятно, у него в голове перемешалось: понятное и непонятное, и перепуталось многое. Он еще не мог понять, что происходит в мире политики и политической борьбе старших. Но одно ему было ясно. Он живо поглядел на деда и вскрикнул:

— Так это же справедливость, деда, то, за что ты борешься!

— Конечно, сынок, — ответил дед. — Справедливо то, что за народ и за счастье бедняков.

— И ты всегда будешь бороться?! — вскрикнул Жарко.

— Всегда, внучек, всегда, — любезно завершил дед и погладил его по голове. — Давайте я сейчас вам расскажу о телятах и ягнятах...

У деда мы пробыли еще некоторое время, а потом отправились домой. По дороге Жарко все время весело подскакивал.

— Ты слышала, а?

— Слышала, — ответила я.

— Наш дед Васа борется за правду и за бедняков.

— Да, говорю я.

— И это прекрасно, что борется — завершил он.

Мы мчались бегом почти до дома, когда меня Жарко схватил за руку и остановил. Его лицо было очень серьезно, а темные глаза широко открыты и как будто испуганы от чего-то. Потасил меня в сторону, обнял и начал мне таинственно шептать:

— А знаешь ли ты, что дед Марко [Дед Жарко и Анджи Зрениянин по отцу. — *Примеч. ред.*] даже против бога борется? Я слышал, как он говорит, что нет ни бога, ни святых, и что попы это придумали, и рай на небе — тоже. Слышала ли ты об этом? Действительно, я слышала, как дед Марко ругает и бога и попов. Но всегда думала, что это просто так ...

Я вздрогнула и прошептала:

— А как мы можем жить, если нет бога? Жарко вздрогнул:

— Не знаю, — отвечает.

— Лучше не будем говорить об этом. Пошли!

Но все это продолжалось недолго. Когда мы оказались в наших воротах, Жарко посмотрел на деда Марко, который метался по двору, и твердо заключил:

— Слушай, раз дед Марко говорит, что бога нет, он это знает. Тебе не кажется, что он знает все?

Да, таким был наш дед Марко. Его слова были решающими. Он требовал работу и порядок. Вставал утром раньше всех, работал и проверял, как его сыновья Жива и Влада ухаживают за лошадьми, как они накормили скот. Если случалось, что один из них не был на работе, дед громко возмущался: «Только пропащие люди стараются, чтобы кто-то работал вместо них». Его громкий голос долетал до нас и будил нас. Неутомимый работник, неистощимой энергии, представлял авторитет для нас, домашних, а также и для соседей. Все инструменты для работы по дому, в огороде и саду он содержал в абсолютном порядке. Соседям часто давал их взаймы, но требовал возвращать вовремя. А

если случалось, что кто-то из неаккуратных соседей повредит инструмент или не вернет вовремя, больше он никогда их не получал. Дед был особенно строг с зажиточными соседями.

Я помню, как он им однажды объяснял: «Вы — зажиточные люди, почему вы себе не заведете весь необходимый инструмент? Я и мои сыновья имеем гораздо меньше возможностей для этого. Мы должны обрабатывать чужую землю, а при этом поддерживать порядок в своем хозяйстве. Мы бережем свои вещи и не позволяем никому их портить, а особенно вам богачам».

Соседи с уважением слушали его речи и поддерживали с ним приятельские отношения. Очень редко ему кто-нибудь из соседей противоречил. А из нашего дома только баба Бела [Бабушка Жарко и Анджи Зренянин по отцу. – *Примеч. ред.*] иногда с ним резко объяснялась.

Баба Бела была маленького роста, очень энергичная и выносливая женщина. Мы часто ее видели в сумерках, как она, пряча под фартук, носила тарелку с мясом или пирогами какому-нибудь больному бедняку. А когда во двор приходили нищие и просили помощи, она их никогда не прогоняла, помогала, чем могла. Дед Марко считал, что она преувеличивает в благотворительности, но баба Бела спорила с ним и говорила, что беднякам живется хуже, чем нам. Однажды они поссорились так сильно, что мы, дети, задрожали от страха.

В коридоре нашего дома, на маленьком стуле, сидел наш сосед дядя Раде Бежинаров, держа на коленях «Святое Писание». Он нам его читал громко и объяснял, как бог создал мир за шесть дней, как... вдруг появился дед Марко. Прослушав последние слова, он закричал так сильно, что мы все вздрогнули, а у «миссионера» чуть не выпала книга из рук.

— Слушай, ты, суботар [Так называли в православной Сербии сектантов-адвентистов – *Примеч. ред.*], сейчас же убирайся отсюда, иначе!..

Дед, сжав яростно кулаки, помчался за Радой, и тотчас вернулся, злой на бабу Белу. Баба стала перед ним.

— Ты странный человек, Раду еще никто не выгонял из дома. Он говорит о боге и Иисусе Христе...

Но дед Марко разошелся.

— Где это ты и твой суботар видели бога?! Даже попы не говорят, что его видели! А я не верю в то, что я не видел. Затем он подошел к бабе Беле, потряс ее за плечи и строго приказал:

— Если этот суботар придет еще раз читать вам те глупости, перебью ему ноги, а и тебе будет не лучше! Какой ураган поднялся в доме, когда баба Бела закричала:

— В этом доме и я хозяйка!

Так это и закончилось, но только на момент, так как скоро после этого опять поднялся шум. Дед Марко не отступал, а баба Бела и не думала сдаваться. Нас, детей, это забавляло, но и удивляло. Такие события помогали нам открывать не только отношения между людьми, но и их отношение к непознанному в нас и над нами, что оставалось и дальше таинственным и недоступным. Это столкновение между дедом и бабушкой умирал, как обычно, наш отец, а Жарко мне сказал: «Ты слышала это — дед прав, что касается бога!» Так Жарко приобретал первые понятия о жизни, обществе, политике...

«Ты будешь вторым Миладиновичем — народным посланником»

В основной школе Жарко и я учились вместе, между нами была разница в возрасте — два года. Из того времени у меня в памяти остались многие дорогие моменты, но один был особенный.

Однажды в школьном дворе во время перемены подбежал ко мне Жарко и положил в мою руку конфету. Я поглядела и удивилась. Жарко между тем умчался дальше, а я пыталась угадать, кто ему дал эту редкую «шелковую» сладость. Дома он мне рассказал, что ему конфеты дала учительница Ольга. Но лишь когда учительница рассказала нашему отцу об одном событии в классе, тогда стало ясно, откуда у Жарко конфеты. А было так. В этот день ученики перед приходом учительницы в класс уронили классную доску, при этом поднялась жуткая пыль, и начался страшный шум. Учительница остановилась в дверях, посмотрела на класс и придумала следующее: она проверила у всех домашние задания. Тех, кто их не выполнил, отправила в угол. Затем она спросила, кто уронил доску, их тоже отправила в угол. За партами осталось мало учеников. Учительница сказала, что такое больше не должно повториться, а виновных надо наказать. Скинула со шкафа прут и стала бить по ладоням тех, кто стоял в углу. Послышались вскрики и плач. Затем она приказала подойти Жарко Зряннину. Жарко встал, но не пошел. Спросил: почему я? Учительница повторила — подойди сюда! За спиной она держала прут, обматывая чем-то ее край. Жарко храбро пошел к учительнице. «Протяни правую руку», — потребовала она. Жарко, глядя ей в глаза, прошептал: «Я ни в чем не виноват». Подходя к

нему, учительница сказала, мягко улыбнувшись: «Ты не только ни в чем не виноват, ты всегда аккуратно выполнял домашние задания и никогда не участвовал в таких беспорядках». Затем она взяла его руку и в нее опустила на конце прута какой-то пакетик. «Это награда таким ученикам, как ты». Это был пакетик «шелковых» конфет.

Жарко был не только отличный ученик и заботливый брат, но и настоящий друг. Он обычно раньше меня убежал в школу, чтобы помочь друзьям сделать домашнее задание, которое они из-за болезни или других причин не смогли выполнить. Мы закончили младшие классы основной школы. Наша семья была небогатой и не могла обеспечить нам дальнейшее обучение, но мы все-таки обучение продолжили, благодаря двум благоприятным обстоятельствам.

В наш дом часто приходил Жива Груич, родственник деда Марко. Он был писарем, (натарош) [*писарь. — *Примеч.пер.*] в общине. У него были родственники в селе, но он был более близок к нашей семье. Она ему казалась пчелиным ульем, трудолюбивым и аккуратным. Особенно он ценил деда Марко и бабу Белу, но всегда подчеркивал доброту нашего отца. Особенно ему было симпатично, что отец интересовался книгами и газетами. Груич был членом партии Милетича, которая в то время была самой популярной в Воеводине. Он часто рассказывал отцу о важных событиях в борьбе с властью, клерикальной партией. В селе была сербская читальня и хоровое общество. Чтобы участвовать в этом, надо было иметь деньги, платить взносы. Груич знал, что у нас нет достаточного количества денег и давал постоянно нашему отцу определенную сумму, чтобы он мог стать членом и хорового общества, и читальни. Однажды зимой, перед Новым годом, Груич принес нам книгу Виктора Гюго «Отверженные». Это была первая книга такого содержания в нашем доме. Лицо отца светилось радостью. Он долго искал место для книги в комнате, чтобы она не испачкалась и не повредилась. Каждый вечер в течение зимы он читал нам по одной главе из книги, а мама в это время ткала или шила что-нибудь около керосиновой лампы. Все эти радостные минуты были связаны с дедом Груичем, и мы всегда весело бежали ему навстречу, когда он нас посещал.

Груич был членом школьного попечительского совета, был председателем комиссии на экзаменах в школе. Он говорил нашим родителям, как гордится нашими ответами на экзаменах и как он нам с большим удовольствием преподносит в награду книги и серебряную крону. Особенно он любил Жарко. В том году, когда Жарко окончил основную школу, Груич советовал деду Марко и нашему отцу продолжить образование Жарко. Зная наше материальное положение, а сам, будучи старым и больным, он решил оставить Жарко сто крон, что представляло большую помощь для его дальнейшего обучения. В тот день, когда он только что сообщил нашему отцу и деду о своем

завещании, во двор с поля влетел Жарко с ягнятами. Груич его нежно погладил по голове, и сказал возбужденно: «Ты будешь второй Миладинович, народный посланник». Жарко учтиво поцеловал его руку (тогда был такой обычай), не понимая до конца его слова. Назавтра был еще один радостный день. Распаленное июльское солнце с раннего утра плыло в небесной голубизне над полями Избишта и над дворами нашего села. Сельскохозяйственные машины уже урчали по селу. Дед Марко спешил со своими конями во дворе обмолотить ячмень и овес, пока не прибыла молотилка. Так он мог сберечь деньги, а кроме того пораньше успеть на базар в город Вршац, когда ячмень и овес продаются подороже. Держа крепко уздечки, чтобы кони в одинаковом ритме кружили по снопам ячменя, разложенным на крепкой почве гумна, и, поворачиваясь с конями на месте, дед Марко из-под круглой шляпы с тревогой глядел на небо. Потихоньку насвистывал любимую мелодию песни: «Бедняга, узник темницы...» о Светозаре Милетиче — руководителе передовой Народной партии. Оттенок печали той мелодии гармонировал со стихами, которые дед Марко глубоко чувствовал. Его голубые глаза искрились как всегда, когда хотя бы что-то упоминалось об узниках или бродягах без родины, или о героях, которые погибали за правду.

Дед Марко был человеком крепкого характера и, казалось, иногда был грубым, а в сущности имел доброе сердце. Об этом говорила его песня и его любовь к внукам. Он был особенно нежен с Жарко. Никто не мог бы ему тогда сказать, что его любимый внук, когда вырастет, станет борцом за те идеи, которые он инстинктивно предчувствовал тогда, будет проходить через тюрьмы и опасные ситуации, а затем прославится как герой — революционер!

Вдруг из ворот позвали деда Марко и нашего отца. Глашатай из общины принес какой-то акт. Дед прекратил работу и пошел во двор. Даже не присел, чтобы отдохнуть, а так, стоя выслушал письмо управы Сербско-банатского интерната в Сегедине, в котором было процитировано решение управы. Оно гласило, что Анджелке Зренянин, ученице 2-го класса гимназии, выделяется стипендия в связи с ее отличными успехами в учебе, в сумме, достаточной для полного проживания в Интернате. Все сразу посмотрели на меня, а потом на нашего старейшину — деда Марко. От неожиданности мы замерли, а мне казалось, что у меня подскочила температура. Кровь прихлынула к моему лицу от большой радости и сознания, что я и Жарко будем продолжать учебу. Дед поцеловал меня в лоб, а Жарко обнял и сказал:

— Теперь нет преграды для твоей учебы.

В то время в гимназии преподавание шло на венгерском языке [*Банат входил в Австро-Венгрию. — *Примеч.пер.*]. Для нас, детей из сербской школы, это было очень тяжело. Поэтому отец отвел Жарко в венгерское село Скореновац, где бы он учился в пятом классе основной школы, чтобы хорошо выучил венгерский язык перед поступлением в Сегединскую гимназию. Там он жил в семье бедного инвалида. Отец и мать постоянно носили ему продукты и платили хозяину за угол и услуги.

Жарко очень ответственно отнесся к своей учебе и был отличным учеником [*В 1958 году венгерская газета «*Modjorso*» напечатала интересный и содержательный очерк о том, как в селе Скореновац вблизи Ковина было проведено школьное торжество, на котором местной школе было присвоено имя Жарко Зренянина, и на входе в школу была торжественно прикреплена мемориальная доска с его именем. Все село знало, что это имя маленького ученика-серб Жарко Зренянина, который когда-то учился в этой школе. Директор на этом торжестве показал гостям большой список, в котором по алфавиту фамилия Зренянин была записана на последней странице в первом ряду. Он указал на еще одно имя на предыдущей странице, тоже в первом ряду. Это было имя бывшего фашиста, который учился в той же школе и в то же время, что и Жарко. Директор заявил, что вся коллегия учителей предложила вычеркнуть имя фашиста из списка, чтобы имена их не соприкасались даже на бумаге. Присутствующие ответили на это предложение аплодисментами, встали и на родном венгерском языке кричали: «Слава Жарко Зренянину, Народному герою!» На этом торжестве выступила старая женщина, у которой жил Жарко во время учебы. Она рассказывала: «Как только Жарко возвращался из школы, он рубил дрова, так как мой муж был тяжело болен, а сын мой был в армии. Все тогда было невероятно дорого, и жизнь очень тяжела. Жарко знал, что я иногда ела его продукты, было очень голодно, а Жарко, завершив отлично полугодие, писал родителям: «Я сейчас резко расту, много занимаюсь. Мне теперь нужно лучше питаться. Отец, если можно, привези побольше продуктов». Я видела, как этот ребенок благороден, имеет доброе сердце, да и отец у него такой же». Затем выступал крестьянин возраста Жарко, его школьный друг. «Жарко спас жизнь моему младшему брату. Мы играли с ним в нашем дворе. Моя мама громко плакала над моим братом, у которого была высокая температура. Отец хотел его сразу же везти к доктору в Ковин. Мама растерялась — у брата не было чистой рубашки, была единственная на нем, не очень-то чистая. Жарко услышал, тут же скинул свою белую чистую рубаху, дал моей маме и поторопил ее поскорее ехать к врачу. Врач сказал отцу и маме, что они привезли ребенка в последний момент, иначе он бы не смог его спасти». — *Примеч.авт.*].

«Мы тут голодаем, кто в этом виноват!?»

В Сегедине Жарко с широко открытыми глазами впитывал новые впечатления, и всегда у него была обо всем масса вопросов. В школе он успешно учился. Когда началась Первая мировая война, Жарко был на втором году обучения. Школы в Австро-Венгрии

продолжали работать и сербские дети из Баната, которые жили в Сербско-банатском интернате в Новом Сегедине продолжали регулярную учебу. В Сегединской гимназии национальная нетерпимость, подогретая войной, отравляла отношения между учениками. В III классе, где было большинство учеников из Сербии, было несколько шовинистов-венгров. Среди них особенно выделялся сильный, упитанный сын фабриканта. Он часто раздавал оплеухи ученикам-сербам, унижал их, называя их «раци» [*Рац — презрительная кличка сербов. — *Примеч.пер.*]. Лишь одного он не смел бить и унижать, останавливало его смелое поведение и отважный взгляд черных глаз ученика — Жарко Зренянина.

Однажды в школьном дворе этот громила напал из-за спины на ближайшего друга Жарко. Мальчик упал на бетон, разбил голову. Жарко увидел кровь своего друга, быстро подскочил и сильно ударил нападавшего. Он рухнул и залился кровью. Жарко со всех ног прибежал ко мне и сказал об этом. Началось следствие. Ученики выступали в защиту Жарко, а профессора разделились во мнении о вине Жарко. И лишь когда один прогрессивный профессор при поддержке управляющего интернатом, подчеркнул значение товарищества, дружбы, гуманизма, национального сознания и личного мужества отличного ученика Зренянина, как его достоинства, которые педагогическая наука и школа стараются развить в своих учениках — тогда было отвергнуто предложение директора гимназии об исключении Жарко Зренянина из всех школ.

Этот профессор был членом Соцпартии Венгрии, а управляющий интернатом, хорват Янош, симпатизировал этой Социалистической партии.

Об этом инциденте я узнала от Ирены, учительницы венгерского языка и воспитательницы интерната, и притом детально. Прогрессивный профессор с риском для себя открыто и энергично заявил для протокола: «Мы здесь приняли решение», — сказал профессор Берки, — но безответственно. И вот почему. Требуется исключение из нашей школы отличного ученика, второе — он в защите своего друга показал чувство товарищества и любовь, показал национальное самосознание, и четвертое — человеческую жертвенность, так как ударил более сильного противника, а защитил смело более слабого. Если мы примем во внимание все эти особенности, мы видим, что это — достоинства, которые мы должны воспитывать во всех наших учениках. И если мы сейчас так сурово накажем ученика Жарко Зренянина за эти достоинства, мы совершим негативный поступок как педагоги». Таким своим поведением профессор Берки завоевал поддержку большинства своих коллег, и Жарко был оправдан.

Наше питание в интернате было очень скудным. Военное положение, говорили наши начальники, если возникал вопрос. Мы уже не были маленькими детьми, но положение страны во время войны все же не понимали так хорошо, как взрослые. Жарко

однажды с возмущением начал разговор: «Мы не знаем, почему идет война, почему она продолжается так долго? Люди погибают на фронте. Боюсь, как бы жандармы не схватили нашего отца и дядю и их не расстреляли бы. Мы здесь голодаем. Кто во всем этом виноват?»»

Я с беспокойством смотрела на худое и бледное лицо Жарко. Писала об этом домой. Из дома нам посылали посылки с продуктами, но у Жарко были друзья, которым ничего не присылали, и он с ними делился своими продуктами. Как только мы встречались с ним в школьном дворе, он говорил, что голоден. Чашка чая с кусочком хлеба — завтрак, жиденький суп и овощи — в полдень и вареная картошка — на ужин с капелькой масла, очень редко кусочек мяса — этого было очень мало для мальчиков, которые в этом возрасте бурно росли.

Однажды я ему сказала, чтобы он каждый день после обеда и ужина из столовой приходил в маленький коридор, который соединял два здания, а я бы ему там передавала хлеб и все то, что у меня оставалось от еды, т.е. то, что я откладывала для него. Он посмотрел на меня с удивлением и спросил:

— А что ты будешь есть?

— Мне достаточно половины порции, — отвечаю ему уверенно.

Он хотел еще что-то сказать, но замолчал. На другой день я узнала, о чем он промолчал. Пока он торопливо глотал кусочек хлеба и мяса, говорил обеспокоенно: его друзья еще больше голодны, чем он, Славко Срданович болен и ему врач советовал более калорийную пищу. Я беспомощно смотрела на его взволнованное лицо, а затем у меня в голове вдруг сверкнула мысль — согласиться давать уроки ученице из 3-го класса гимназии, чтобы от своего гонорара выделить помощь Жарко. Когда меня директор, хорват, спросил несколько дней назад, не согласилась ли бы я на эту работу, я сказала, что мне надо подумать. В сущности, я боялась этого задания, так как условия выглядели тяжелыми — ученица лежала больная дома, она была дочерью аптекаря в Новом Сегедине, была единственным ребенком в семье и очень избалована. За несколько месяцев мы должны с ней усвоить весь материал. Они — венгры, я — сербка... Но после того разговора с Жарко, я решилась, несмотря на все трудности, взяться за эту работу. Я сообщила о своем решении директору, и он очень обрадовался, потому что аптекарь был его приятелем. Занятия шли с трудом, а времени было недостаточно. Я не могла позволить себе запустить и свою учебу. Но все-таки мы обе успевали. А что было самым важным, я давала Жарко деньги каждый месяц, чтобы он в городе купил хлеба, овощей и другие продукты.

Когда я ему показала первый гонорар, он долго смотрел на меня, не мигая. Затем спросил меня: не можем ли мы из этих денег отложить маме на туфли, у нее нет обуви? И кое-что купили бы деду и бабушке, они все тяжело работают, чтобы мы могли здесь учиться, и оплачивают нам все. Я его обрадовала своим ответом. А особенно он радовался, что я ему дала денег для его больных товарищей.

Так проходили дни войны. Так как мы сейчас имели немного денег, мы покупали газеты. Читали о событиях в России, об Октябрьской революции. Из реакционной печати ничего особенного узнать мы не могли. Однажды Жарко с радостным лицом рассказал мне, что узнал в городе Сегедине юноша Славко Срданович.

Это были радостные вести — война скоро завершится, а в России победили рабочие и бедные крестьяне, они свергли власть буржуазии, а революционеров там зовут большевиками. Вспомнил он и имя Ленина — вождя российского пролетариата. Мы чувствовали, что нашей фантазии недостаточно, чтобы все это понять до конца. Около нас не было никого, кто бы помог нам во всем этом разобраться.

— Помнишь ли, что нам говорил дед Васа? — спросил меня Жарко.

— Но та Милетичева партия не свергла богачей и патриархов, все осталось по-старому. А смотри, что совершили большевики в России! Они самые настоящие защитники бедняков. Я это скажу деду Васе и деду Марко.

Он это проговорил на одном дыхании и помчался на занятия, так как услышал звонок.

«Как бы я хотел прочитать книгу о коммунизме!»

Наконец окончилась Первая мировая война. Наша семья собралась вместе и с воодушевлением стала размышлять о будущем. «Освободили нас сербские войска, — говорил отец. — Этих сербских воинов, нам очень дорогих, надо угостить. Теперь мы будем жить в новой державе сербов, хорватов и словенцев. Постараемся жить лучше».

Летом мы опять собрались всей семьей. Я и Жарко уже тогда были намного взрослее. В село возвращались те, кто был в плену в России и рассказывали о свержении царя, о большевиках, о Ленине. Жарко, ему было всего шестнадцать лет, заслужил их доверие. Он им ставил толковые вопросы, старался побольше от них получить информации.

Его любознательность больше всего удовлетворял Васа Дакич, очень толковый крестьянин. Самые подробные сведения об Октябрьской революции и участие в ней

югославов Жарко получил позже от Векослава Смоляна, который и сам участвовал в революции. О своих новых познаниях Жарко интенсивно размышлял. Он это обсуждал и со своими сверстниками, а также то, что он прочитал о тех событиях. Книги, которые мы до сих пор читали, были исключительно школьной литературой.

— Я полюбил книги, — говорил Жарко. — Как бы я хотел прочитать книгу о коммунизме!

Уже в то время в наш край доходили вести из Белграда о забастовках рабочих.

Сербская молодежь в Воеводине была воодушевлена освободительной миссией сербской армии, как и идеей объединения южных славян. Такое же настроение было и в Избиште. Так Жарко и я решили после завершения учительской школы отправиться на службу в Сербию, родители с этим согласились.

Мы поехали в Белград. В министерстве просвещения наши заявления передали начальнику. Просьбы были краткими. Мы просто написали, что ищем работу учителя и нам все равно, куда нас распределят. Это удивило начальника. Он позвонил персональному референту.

— Был ли у тебя случай, когда кто-то с отличными оценками приходит без претензии и просит работу в любом месте страны? — спросил начальник. — Вот у нас один такой случай. Посылаю тебе учительницу Зренянин, чтобы ты ей подобрал хорошее место, я за нее ручаюсь. Тут и ее брат, ученик гимназии, который может работать и.о. учителя.

Начальник лично нас принял, хотел показать свое внимание, затем нас любезно принял референт. По предложению начальника меня должны были направить в село Драгине в Мачве. Но это место было уже занято. После долгих поисков по книге, нас спросили, согласны ли мы поехать в село Бусур. Мы с Жарко с радостью согласились и получили направление на места учителей в это село.

* * *

Бусур, валахское село вблизи Петровца на Млави в цепи Гомольских гор. Полная противоположность банатским селам. Бедные домишки около школы и один цыганский шатер были нам первыми соседями. К этой общине и школе присоединили маленькое сербское село Джуринци. В школе было мало учеников, которые могли сами приобрести учебники, тетради и прибор для письма, мало их было и по-человечески умыто и одето, было немало больных, покрытых коростой. Я обдумывала, как бы было необходимо

созвать их матерей и научить их элементарной гигиене. Жарко часто посещал их семьи. Однажды он меня застал, когда я что-то писала.

— Что ты делаешь? — спросил он меня.

— Готовлюсь рассказать матерям о гигиене.

— Ты хочешь им прочитать лекцию, а у них дома нет ни кусочка мыла, ни раковины...

Он остановился, задумался.

— Завтра я в Петровце куплю много мыла, так как мы завтра получаем зарплату.

Это он сделал. Принес полный мешок мыла, ручки и тетради для учеников; носил этот груз на своих плечах 30 километров.

Распределили мы все это между самыми бедными учениками. А разговор с родителями о гигиене был успешным — школьный комитет поддержал нас и одобрил нашу акцию. Жарко часто разговаривал с крестьянами, знакомился с их проблемами, он видел, что они одиноки в своей борьбе против тучи общинских чиновников и адвокатов, против их шантажа и вымогательства, против несправедливости. Для них он бесплатно составлял жалобы, заявления и просьбы. Жарко почувствовал, какое зло — неграмотность и об этом мне часто говорил. Он пытался понять и себя, и мне объяснить окружающую ситуацию, и что ввергает человека в невероятную беду. Он считал, что учитель, народный учитель, может очень во многом помочь беднякам, и решил, после завершения шестого класса гимназии, продолжить учебу в учительской школе.

Наше понимание социальных проблем углублялось во многом благодаря встречам и беседам с прогрессивными учителями сел округа. В мае месяце нашу школу в Бусуре часто посещали учителя сел Шетонье, Лаола и других. Среди них был и Чедомир Миличевич, учитель передовых взглядов и человек, преследуемый в то время как коммунист. Он работал в селе Грабовици. Его посещения вносили в наше общество дух революционных идей. Миличевич для Жарко и меня приносил прогрессивную литературу, и это была первая литература такого содержания в наших руках. Его дискуссии с нами значили для нас очень много. Он говорил с нами обо всем: о рабочих, крестьянах, бедноте, несправедливости, об Октябрьской революции и о том, как бы могли решать социальные и общественные проблемы. Тогда мы поняли, что рабочий класс — это сила, которая предназначена для решения социальных проблем пролетариата, и она завоеует лучшую жизнь для трудящихся. Я вышла замуж за Чедомира Миличевича этой осенью, а проблема дальнейшей учебы Жарко тем самым была решена. В течение лета мы были у родителей в Избиште. Жарко не выпускал из рук «Горский Венац» Негоша. Я ему сказала:

— Ты это сдал на отлично в июне на экзамене в шестом классе гимназии в Панчево.

Жарко глянул на меня.

— Разве это была не твоя оценка? Помнишь, из-за занятости в Бусуре и огромного материала для моего экзамена, я не успевал тщательно проработать «Горский Венац»? Ты мне написала краткое содержание и «шпаргалки», которые я держал в кармане и все время по дороге в поезде их изучал. Тема для письменного экзамена была как раз «Горский Венац», и я с твоей помощью сдал ее на отлично. Теперь я должен оправдать эту оценку, а кроме того я просто полюбил Негоша и это его произведение.

Меня очень обрадовала эта его добросовестность.

«Всех вас, сердечные друзья, ожидает борьба»

Осенью этого года Жарко уехал в Сомбор для завершения учительской школы. Мы с Чедомиром оплачивали интернат, так как наши родители должны были платить за обучение еще троих младших детей. Чеда и я постоянно переписывались с Жарко. Мы познакомили Жарко с редактором «Учительской искры», а затем и с редактором «Стражи», Драгишем Михайловичем, а также с директором прогрессивной библиотеки «Будущее» Милошем Янковичем, он от них получал журналы и книги. Из писем Жарко и бесед с его друзьями у нас складывалась ясная картина современного состояния Учительской школы и интерната.

Жарко приняли в третий класс (гимназии). В интернате он сразу как старший ученик стал старостой в комнате младших учеников. Это означало, что его задачей было поддерживать дисциплину и порядок в комнате.

Интернат находился на главной улице. Комнаты учеников выходили окнами во двор, а квартиры директора и воспитателя выходили на улицу. Ученики чувствовали себя как в тюрьме.

Однажды в полдень, когда воспитатель как обычно приказал им идти на прогулку отрядом по два человека, как арестантам, они все дружно отказались это делать. Это выглядело как взрыв, первый такой в интернате, что разозлило директора и воспитателя и они потребовали исключить непослушных воспитанников. Но директор все же передумал, не из гуманных соображений, а из расчета. Среди учеников было значительное число тех, кто оплачивал учебу и интернат. «Облагодетельствованных» было меньше. Жарко быстро понял мотивы директора и воспитателя.

Вечером в спальне он обратился ко всем: «Я бы как староста должен был рассердиться на вас. Но не могу. Вы, конечно, нарушили правила интерната, но между тем вы совершили и геройское дело». Ученики внимательно смотрели на Жарко. Он подходил к ним, разговаривал с ними, спрашивал, что они читают, и заинтересовывал их рассказами Льва Толстого.

Директор гимназии, господин Барачки на экономику интерната смотрел как на свою вотчину. Это было открыто довольно скоро, хотя он очень хитро скрывал следы своих краж. Питание учеников было очень скудным, дети худели, больничная комната пополнялась. Барачки изображал, что он обедает со своей семьей в ученической столовой и ест те же продукты, что и ученики. Жарко от поварихи узнал, что в квартиру Барачки передают совсем другие продукты. Ученикам надоела ежедневная квашеная капуста и немного мяса в ней. Старшие ученики однажды мирно и без слов встали из-за стола и вышли из столовой. Это было очень необычно для всех. Особенно для Барачки. Он нервно метался туда-сюда, протестуя против «бунтарей». Внимательно следил за учеником Зреняниным. Так как шли разговоры по интернату, что прошлой ночью Жарко выступил с горячей речью и сообщил своим соседям по комнате, что повариха хочет подтвердить свои слова против Барачки, если начнется следствие. Жарко напомнил также, что в группе есть предатели и они всё доносят Барачки. По предложению Жарко был выбран комитет, который будет обо всех важных вопросах договариваться вне интерната.

«Борьба началась, это — главное. Борьба неравная. Мы еще пока слабы. Есть предатели. Но мы будем бороться до конца. Виноват не только Барачки, мы с ним начали разбираться. После него очередь дойдет и до остальных. Будет работа и для вас, молодых, когда мы завершим учебу», — сказал Жарко друзьям.

В эти дни состоялось ежегодное заседание ученической дружины «Натошевич». На нем критиковали всех учеников, профессоров и директора. На этом заседании критиковали прошлогоднюю работу, а самым острым критиком был Жарко. Его критику признали справедливой и согласились с его предложением ввести в совет и младших учеников. А затем случилось что-то неожиданное. Однажды в столовой учеников встретили чистые скатерти на столах, теплая печь и необычный обед. Ученики еще больше удивились, когда в столовую вошла комиссия попробовать обед. Директор, член комиссии, поблагодарил Барачки за такое отличное руководство интернатом. Старшие ученики не выходили из комнат в этот день и о чем-то там договаривались. Вечером Жарко спросил одного из самых надежных младших учеников: «Эй, малыш, как тебе понравилось это представление в полдень? Здорово, правда, же? Это только первое

отделение. Мы жаловались в министерство просвещения. Сегодня написали жалобу. Об этом, малыш, никому ни слова».

Это был первый акт борьбы против самовластия в интернате. Перед самым Рождеством и каникулами произошел второй акт. Опять во время обеда на столе лежали чистые скатерти — все как и в прошлый раз. В столовую вошел пожилой господин. Ничего не говорил, только все осматривал. Вошел и Барачки. Этот ему протянул руку, на столе уже стояло второе блюдо. Ученики переглянулись, предполагали, что этот человек мог быть из Министерства. Барачки гостя сразу представил. После полудня все время продолжались испытания учеников из 4-го класса гимназии. После ужина Жарко был задумчив. Когда его «малыш» спросил, как дела, он ответил: «Как дела? Что может шут против рогатого дьявола?» Жарко говорил друзьям, что этот из Министерства не приехал разобраться в жалобе, а хотел успокоить учеников. Еще он сказал, что Министерство абсолютно доверяет Ненаду Барачки. Барачки в тот вечер закатил для посланника и профессоров богатый пир.

— Мы будем бороться и дальше, мы не сдадимся! — сказал Жарко.

Друзья его поддержали. В школе тоже было много проблем. Ученики повели борьбу против несправедливых оценок и некорректного отношения к ним преподавателей. Но без успеха. Лишь все больше ширился список попавших в «черную книгу». Барачки как поп преподавал в школе закон божий и церковное пение. Было известно, что ученики, которые уходят из интерната, получают двойку по его предметам. Так же себя вел и профессор Никола Лагетич. В июне 1921 года ученик Ягош Попович покончил жизнь самоубийством из-за плохих оценок по церковному пению. Это опечалило и сильно огорчило учеников. Одна группа передовых учеников поехала в Белград в Министерство просвещения, чтобы подробно сообщить о положении в интернате и школе начальству. Но они были там «очень хорошо» встречены. Помощник министра их выгнал как бунтовщиков. В течение всего года передовые ученики под руководством Жарко интенсивно работали на поле политического просвещения и организации учеников. Обеспечили библиотеку современной литературой, получали журналы «Искра» и «Стража» и книги из библиотеки «Будущее», которые для Жарко высылал мой муж (Чедомир). На школьных праздниках Жарко читал доклады о просветительской роли Доситея Обрадовича, Негоша и других великанов нашей культуры, а на более узких встречах говорил и о том, как должна бороться наша молодежь, как она борется в целом мире. Говорил и о двух классах людей: об одном, малочисленном, который держит все богатства, власть и угнетает остальной народ, и о другом классе — многочисленном, которого первый класс постоянно грабит. Говорил и о борьбе, которую ведет угнетенный

рабочий класс. Жарко объяснял, что будущий народный учитель должен делать в своих селах. Давал друзьям практические советы по основанию читальных залов и привлечению к ним молодежи. И как нужно бороться с трудностями. Влияние ученика сомборской учительской школы ощущалось во многих школах и селах по всей Воеводине. Каждый раз, когда наступали каникулы, возникали новые читальни в некоторых селах Бачки, Срема и Баната.

Окончив школу Жарко отправляется на первую серьезную учительскую должность. Расставаясь с друзьями, он обращается к ним с ободряющими словами: «Нам не все равно, что мы расстаемся, но мы не женщины, чтобы плакать. Будем мужчинами и запомним вот что: всегда голову вверх, даже когда нам очень тяжело, не поддавайтесь унынию и не избегайте борьбы! Борьба закаляет человека. Особенно народного учителя. Видите, наша борьба с Барачки не закончилась, она только начинается. Представьте себе, как бы вел себя Барачки, если бы не наша борьба! А как бы себя вел Лагетич? Если мы так будем относиться к тому, что происходило, значит наша борьба успешна. Она успешна, независимо от того, что мы получили тройки по поведению. И даже независимо от того, что директор под влиянием Барачки напишет в своем извещении Министерству, что мы «антидержавники» и опасны. Всех вас, дорогие друзья, ждет борьба. Вступайте в борьбу и ведите ее честно и до конца. Это наши первые шаги. Я буду следить за вашей борьбой. Мы будем переписываться и я буду помогать вам» [*Достоверность выступления и поступка Жарко мы находим в дневнике Симы Цуича, писателя, который был и сам ученик учительской школы в то время. Дневник напечатало издательство «Просвета» («Просвещение») после освобождения страны по предложению Йована Поповича, писателя. Дневник назывался «Первые шаги». — *Примеч. авт.*].

Дома мы радостно отметили успешное окончание школы Жарко. Чедомиру и мне он подробно рассказал о ситуации в интернате и школе [*Учительская школа в Сомборе в 1953 году отмечала юбилей — 175 лет своего существования и в связи с этим школе было присвоено имя ее бывшего ученика Жарко Зренянина. — *Примеч. авт.*].

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖАРКО

«Знайте, что пройдет эта мучительная темная ночь»

Пока Жарко посещал сомборскую учительскую школу в 1922–1923 годах, Чедомир и я уже были два раза перемещены в другие села — сначала из Каоне в Нерсницу (Звижд),

а затем в Михаловац вблизи Смедерево. Но и здесь мы долго не задержались. Служебный лист, досье, все время отмечал факты о Чединой политической активности, начиная от Грабовици и во времена Обзнаны [Обзнана - антикоммунистический и антирабочий декрет правительства М. Веснича, запретило деятельность КПЮ. — *Примеч. пер.*] Наша внешкольная работа по просвещению народа — подготовка к основанию читален и книжных магазинов в селах, покупка прогрессивных книг — всё это власти старались прекратить, для этого нас постоянно перемещали. Когда Жарко после защиты диплома был направлен учителем в Македонию, мы в это время были переведены в село Враново. Во время каникул он приехал к нам. Рассказывал нам много о тяжелой жизни бесправного македонского народа, но наиболее четко я помню такие рассказы.

Пришел мальчик в школу. Заплаканный, взволнованный.

— Что случилось, детка? — спрашивает его Жарко.

— Пришли жандармы в дом, — отвечает малыш, весь в слезах, — бьют деда!

Жарко взял малыша за руку и пошел к нему домой. Перед домом — женщины, плач, стон. Народ собрался, не верит своим глазам. Жандармы грубо разгоняют детей, женщин, стариков. Хозяин дома, турок, ухватился за голову и стонет:

— Сынок мой, сынок!

Бегают вокруг колодца, где лежит его мертвый сын, отец маленького ученика. Жарко спрашивает, что случилось. Один из жандармов ему объясняет — они не хотят убираться из этого дома.

— С чего бы это они должны были покинуть свой дом? — спрашивает молодой учитель.

— В этот дом должен вселиться я со своей семьей, — отвечает жандарм. — Этот дом немного лучше остальных, построил старый турок со своим сыном для его многочисленной семьи.

Жандармы нагло решили поселить в этот дом своего человека, а крестьянин пусть живет, где хочет. В суматохе, которая возникла, жандармы столкнули сына хозяина в колодец. Это произошло в селе Канатларцы, район Прилепский, округ Битольский, куда Жарко Зренянин решением Министерства от 2 июля 1923 года был направлен штатным учителем. (В те времена македонцы были угнетены, а турки — и того больше.)

В Канатларцах Жарко учительствовал три года. Там он познакомился с бедами и радостями македонского народа, хорошо понял мучительную жизнь безземельных и наемных крестьян, всю тяжесть национального угнетения и бесправия. За его доброту и честность полюбили его и дети, и взрослые. Он не жалел труда, чтобы сблизиться с народом, завоевать его доверие. Бывало, подойдет к соседу или малознакомому

крестьянину, прикурит от его сигареты и начнет разговор на первый взгляд об обычных делах. Или отправится на прогулку за село и заметит, как крестьянин мучается с деревянным плугом. Подойдет и без слов поможет ему с плугом и пойдет дальше. Так было в начале его работы в селе. Прошло совсем немного времени, и крестьяне стали сами к нему обращаться. Как вспоминал Жарко, нужен был целый первый год, пока он сблизился с крестьянами по-настоящему. В этом ему очень помог Андон Алексовски, директор школы в Канатларцах, по убеждению – социалист. Он вместе с Жарко распространял социалистические идеи в народе. Сначала в Канатларцах, а затем в окрестных селах. Замечена политическая деятельность Жарко в районах так называемого Бакарного гумна: Тополчани, Тройкрст, Загорани, Весельчани, Ерековци, Мусинци, Слепче, Демир Хисарско, Трояци, Белаводица, Марково, Добрушево, Прилеп и Крушево. В Добрушеве он работает с учителем Миланом Стояковичем, в Маркове — с учителем Стеваном Павловичем, в Трояцах — с учителем Николой Ачковичем, в Плетваре — с председателем общины Рампом Доповым, в Крушеве — с учителем Войом Дамьяновичем и доктором Йорданом Ачимовичем, в Прилепе — с учителем Богданом Вешовичем, в селе Фрековци — с крестьянином Атанасом Бошколским, в Тополчанах — с учителем Ристом Спасеским. Большое внимание он уделяет селу Тополчане, потому что там была расположена община и собирались люди из близлежащих сел и хуторов.

Власти записывают Жарко в «черную книгу», постоянно вызывают на допросы, наказывают и несколько раз арестовывают. Но он тверд, полон энергии и непоколебим. В течение двух лет он организует празднование Первого Мая в Канатларцах. И оба раза при полной поддержке директора школы Алексовского и коллег организует празднование для учеников и крестьян.

В школе Жарко основал драматический, хоровой и фольклорный кружки. Организовал учеников так, чтобы они приносили букеты полевых цветов и украшали ими школу и сцену. С ученическим хором исполнял Интернационал и выступал с докладом о важности этого международного праздника трудящихся. Жарко проводил открытую борьбу против религиозной отсталости и суеверий, против религиозных постов и среди мусульман, и среди христиан. Отговаривал людей от соблюдения отсталых традиций, колдовства, магии, лечения с помощью амулетов. Село было отсталое и в нем всего этого хватало.

Он часто и даже в мелочах доказывал, что задача народного учителя состоит в том, чтобы он был как можно тверже, был связан с людьми, которым очень нужны его знания. Жарко тщательно изучает турецкий язык, чтобы с крестьянами разговаривать на их родном языке, читает им лекции и проводит с ними часы отдыха на склонах холмов.

Организует курсы ликбеза (ликвидация безграмотности), фотографируется с крестьянами, одетый в народные костюмы их края. К нему домой, молодому учителю, заходят серьезные, честные, простые люди. Жалуются на насилие и несправедливость председателя общины Талета Шиклеского, которому власть обеспечивают жандармы. Жалуются на огромные налоги, частые обыски и грабежи по их домам, которые совершают жандармы.

У Жарко все время перед глазами стоит страшная картина — отчаянный крик старика, который бежит вокруг колодца и оплакивает убитого сына. Жарко часто пишет бесплатно крестьянам жалобы и просьбы и советует им, как бороться за свои права. Председатель общины Шиклеский враждебно относится к молодому учителю и только выжидает момент, чтобы его арестовать и выгнать с работы. Однажды, по словам учителя Станка Поповича, Жарко пошел с коллегами и друзьями в поход до самого верха горы, которая находилась в пограничной зоне. Они встретили патруль жандармов, которые им в грубой форме приказали убираться. Дошло до драки, но постепенно все смирились. Шиклеский решил этот инцидент использовать против молодого учителя, обвинить его в том, что он якобы поднимает бунт среди крестьян. Точно так он ему и сказал:

— Занимайся своей школой и не смей поднимать бунт среди крестьян!

— Задача учителя состоит в том, чтобы помочь народу, просвещать его, — спокойно ответил Жарко.

— Ну нет, не будешь ты мне их поднимать на бунт, — закричал Шиклески и приказал жандармам арестовать Жарко.

Эта весть молнией пронеслась по селу. Школьники вернулись домой и сообщили родителям, что их учитель арестован. Самым быстрым был один ученик 4-го класса, сын кузнеца, македонца. Этот кузнец был очень сильным и крупным человеком. Он был очень храбрым и уважал Жарко. Выхватив тяжелый молот из кузницы, он вместе с ближайшими крестьянами отправился к школе. Увидев, что учителя там нет, они отправились к общине. Председатель перепугался, когда его кузнец громогласно спросил, где учитель Жарко Зренянин. Председатель нагло ответил ему, что это его — кузнеца не касается.

— Еще как меня касается, и всех крестьян и всех учеников! Отвечай, где учитель? Иначе... и пошел на председателя, подняв свой огромный молот.

Шиклески воскликнул:

— Это невидано в нашем селе, но мы об этом поговорим позже, а пока расходитесь, учитель сейчас придет.

Крестьяне не разошлись, пока не появился учитель.

Как-то осенью в 1924 году опять произошло столкновение с председателем общины Талетом Шиклеским и учителем, великосербом [Великосербство – сербское националистическое движение – *Примеч. пер.*] Тодором Мицковичем. Началось это в селе Тополчане, куда поехали директор школы Алексовски и Жарко, чтобы встретиться с группой учителей и крестьян из окружных мест. После завершения разговора, свернули в корчму и тут встретили Шиклеского и Мицковича. Разговор с крестьянами начал Жарко. Это не понравилось председателю общины. Он вздумал унижить молодого учителя, нахмурился, стал перед Жарко, заглянул ему в глаза, ударил себя кулаком в грудь и закричал:

— Я — коммунист, а не такие, как ты!

Жарко окинул его взглядом и промолчал. Управитель школы рассмеялся и добавил Шиклескому в лицо.

— По мне так, ты слишком глуп, чтобы быть коммунистом.

Крестьяне рассмеялись от души. Шиклеский и Мицкович вылетели из корчмы. На окраине села Жарко встретили жандармы. Потребовали документы, хотя его отлично знали. Когда он передал им документы, они их даже не посмотрели. Управителя школы отпустили, а Жарко арестовали.

Погода была холодная. На термометре было -12°C , необычайно низкая температура для ноября в этих краях. Жарко всю ночь просидел в тюрьме. Северный ветер наносил снежинки через закрученные металлические прутья тюремного окна, холод был невыносимый, а у Жарко не было даже одеяла. Когда утром пришли стражники, а с ними и председатель общины что бы увидеть Жарко, уверенные, что он весь скрутился от холода и сдался на их милость, Жарко встретил их стоя, отвечал звонким голосом, как победитель.

— О чем вы размышляете, господа? Я не спал, я бодр, знайте, что пройдет эта мучительная темная ночь, настанет день, выглянет солнце и увидимся тогда в свете дня!

Жарко как будто готовился к будущим испытаниям и мучениям на каторге. Он еще в школе никогда не ночевал в спальне, он себе устроил кровать в дополнительном помещении, в котором не было целых ни окон, ни дверей. Поэтому он так перенес холодную ночь в тюрьме.

Талета Шиклеского наследовал Тодор Мицкович, хотя на выборах победил кандидат Демократической партии Мирче Янчевски, которого и Жарко поддерживал. Уездное начальство в Прилепе не признало выборы, сменило Янчевского, а на его место поставили проигравшего Мицковича. Новый председатель общины, и сам учитель, предпринял все меры, чтобы избавиться от Жарко Зренянина. Хотя земляки Жарко из

Избишта требовали, чтобы Жарко остался у них еще на два года, Жарко по просьбе крестьян остался на один год в Канатларцах.

Между тем Мицкович решил его выжить. Для этого он собрал группу своих сторонников из богатых жителей и заставил их написать жалобу на учителя Жарко Зренянина. В этой жалобе было написано, что у Жарко неправильные отношения с учителями и родителями, что он выступает против обычаев и веры и тому подобное. И Жарко оказался на скамье подсудимых в прилепском суде. Но группа честных крестьян, которая его сопровождала, опровергла клевету на Жарко, и его вынуждены были выпустить.

И опять жители Избишта потребовали, чтобы учитель Жарко Зренянин был направлен на работу в Избиште, в родное место. Министерство просвещения согласилось удовлетворить просьбу крестьян и решением от 29 июля 1926 года переместило Жарко Зренянина на должность учителя основной школы в Избиште, Белоцерковского района. Расставание с друзьями из Канатларцев и окружающих сел превратилось в небольшое торжество. Крестьяне еще раньше для этого торжества засеяли участок табака, а сейчас весь урожай подарили своему учителю, чтобы он передал это как поклон своим родителям, которые воспитали такого учителя, и поклон жителям Избишта за такого земляка. Расставание прошло за торжественным обедом с друзьями, с песнями, дружескими беседами с людьми этого края, которых Жарко любил независимо от их веры, национальности, профессии. По дороге до железнодорожной станции в селе Тополчане Жарко провожала группа неразлучных друзей и более пятидесяти крестьян. Вместо Жарко в Канатларци приехал его земляк, молодой учитель Жива Йованович (командир Южно-банатского партизанского отряда, погиб в 1944 г.). Он жил, работал и дружил с людьми, как и Жарко.

Этим летом я и Чеда были вместе с Жарко у родителей в Избиште. Он нам рассказывал обо всех этих событиях, часто получал письма из Канатларцев и близлежащих сел и всегда с удовольствием им отвечал на турецком языке.

«Школа не может быть изолирована от жизни»

Отец был счастлив, что осуществилась его мечта — его дети будут просветителями народа. Чеду и меня опять переместили. На конкурсе мы потеряли места своей службы в Вранове. Тогда мы служили в селе Баваниште. Часто ездили в Избиште. Нас очень интересовали успехи Жарко в учебе и во внеклассной работе. Основная школа в Избиште

имела шесть подразделений и шесть учителей. Директором школы был Бранко Горонич. Система работы была устаревшей, отсталой, а для модернизации ее не было никаких материальных средств и возможностей.

Все-таки Жарко старался изо всех сил передать ученикам знания, сам покупал учебные пособия или изготавливал их. Его класс являлся примером для коллег в селе и окрестностях. В это время он уже говорит на немецком, венгерском, турецком, кроме родного языка, выписывает передовые педагогические журналы. Я помню литературу на немецком языке из «Глеколовской рабочей школы в Вене», эти журналы мы вместе переводили на сербский. Жарко каким-то образом доставал литературу о современной школе в Советском Союзе. Он основывает вместе с учениками классный совет, который занимается вопросами дисциплины. Сотрудничает с учительскими журналами и газетами «Искра» и «Стража».

Вот, например, одна из его служебных характеристик как учителя в 1928 году:

- а) очень маленький процент второгодников в классе, общий успех учеников — отличный;
- б) воспитание без физических наказаний;
- в) отношение между учениками — гуманное, уважение и любовь учеников к учителю;
- г) правильные отношения между коллегами;
- д) очень теплое отношение к народу, полное самопожертвования, уважения, любви, преданность народа учителю.

Жарко выступает против устаревших методов обучения и их неактуальности. Подчеркивает, что школа не может быть аполитичной, оторванной от жизни, так как такая школа — ложь и лицемерие. Жарко убеждает, что учебный материал и работа в школе должны быть связаны непосредственно с жизнью, реальной жизнью, лишь только так могут быть воспитаны молодые поколения. Принцип Жарко — не украшать действительность, а видеть ее реально, знакомиться с реальными условиями жизни через практические задания, и все ученики должны пройти это вместе с ним. В школьный комитет он вносит дух бодрости и доверия. Все больше его ценят и уважают коллеги-учителя. Он вскоре заменяет врача в селе. Многим бедным крестьянам, заболевшим, он сразу же приходит на помощь, из своей скудной платы покупает им лекарства. Сидит всю ночь около заболевшего малыша и выполняет все советы врача, к которому он срочно отправляется на велосипеде в ближайший поселок Ульма. Нередко и в лютый мороз. Жарко учился благородству и самопожертвованию у своих старших товарищей-предшественников, которых очень уважал. Старый учитель Васа Бранков в селе заменял

ветеринара, учитель Бранко Горонич основал и руководил хором и струнным оркестром. Но когда их люди спрашивают, что им делать со своими бедами и проблемами, они только лишь пожимают плечами.

Жарко часто говорил коллегам в школе, что свои права они могут отстаивать лишь в упорной борьбе. Они убедились в его правоте, когда он как секретарь школьного комитета составил и отправил протестное заявление учителей в общину в связи с тяжелым положением жилья для учителей и когда комитет общины его заявление одобрил.

«Задача учителя и в просвещении народа»

В один из рабочих дней мы с Чедомиром приехали в Избиште поздно вечером. Жарко в это время обычно бывал в читальне, и мы отправились туда. Мы шли по главной улице и увидели человека, который шел со стороны школы и нес большую школьную доску.

— Это Жарко! — воскликнул Чедомир.

— Точно, — засмеялась я. Что это все значит!?

Раньше Жарко нас догнал молодой человек Ниса Ничифоров и поздоровался с нами.

— Так Уча каждый вечер приносит школьную доску для курсов ликбеза, — сказал Ниса и побежал помогать Жарко.

В читальне был такой шум, как в улье. За одним столом сидели и молодые и старые люди с букварем и тетрадкой перед собой. За другим столом собралась молодежь, которая хотела закрепить основы арифметики. В другом отделении молодые и пожилые люди читали газеты и журналы. Перед ними стоял высокий стройный молодой человек, разбирая книги. Когда он оглянулся на нас, я узнала Бату Велимира Стефанова, школьного друга Жарко, который часто бывал у нас дома. Его теплые глаза улыбались радостно, а тихий голос приветствовал нас.

— Видишь, — говорит Бата, — получили новую партию книг. И протягивает нам книгу «Luga Jana» с радостью и гордостью библиотекаря. — Жарко мне пересказал содержание, и я не дождусь, когда ее всю прочту. Все эти книги передовые и для нас, крестьян, просто необходимы. Дома мы читаем и кое-что другое, — продолжил он тихо, — книгу «Мать» Максима Горького, — а глаза его таинственно заблестели.

— Как хорошо, что вы переселились в этот просторный дом, там, в маленькой читальне не было довольно места, — сказала я, подходя к книжным полкам.

— Конечно, — сказал Бата. — Это просто счастье, что Жарко сумел убедить старого учителя Джуру Крачунова, чтобы он свой старый дом не оставил церковной общине, а передал просветительской организации.

Вошли люди, чтобы найти себе книги для чтения, а Бата своим хорошо поставленным голосом рекомендовал каждому книгу, которая ему бы подходила. Люди брали книги, долго читали плакаты на стенах «Книга наш преданный друг», «Книга открывает ворота света и знаний», «Смело шагаем к свету и любим книги от всего сердца». Талантливые аккуратные руки Жарко успевали со вкусом написать эти плакаты, подумала я, разглядывая тетрадь на столе.

— Это лично мое, Анджа, — сказал Бата, улыбнувшись мне. — Я туда записываю все, что нельзя забывать.

— А можно я посмотрю?

Четкие буквы отличного ученика основной школы выстроились как бисер на линиях тетрадки. На другой стороне я тут же прочитала: «Истинная мораль видна в деле. Твердость морали и идейных убеждений должны быть видны в деятельности человека, в его ежедневном поведении».

Бата видел, что я читаю, подошел ко мне и тихо сказал:

— Это я переписал из тетради Жарко, которая лежала на его столе в учительской квартире. Переписал, потому что это великая истина, которую он всей своей жизнью и работой доказывает. Знаешь, Анджа... — и он замолчал, увидев в дверях Жарко.

— Где мои гости? — спросил Жарко и повел нас посмотреть, как неграмотный народ усваивает грамматику, литературу, арифметику, как поднимает свою грамотность.

Жарко основал Народный университет в Избиште в 1927 году. В читальном зале организует дискуссии, обсуждения книг, перетягивает к себе гостей кафе. Собирает молодежь, взрослых и пожилых людей. А женщины все в большем количестве приходят слушать лекции по гигиене, уходу за младенцами, а также по вопросам, связанным с сельским хозяйством. Уча в Университет приглашает преподавателей, профессоров из г. Вршац и из Белградского университета, с которыми он поддерживает связь, где и сам часто выступает. Назавтра, в воскресенье, состоялась лекция на тему «Уход за больными и смертность младенцев». Выступал доктор Шошкич, врач из Ульмы. Поразило его большое количество женщин на лекции. Они слушали, стоя в коридоре, так как зал был переполнен.

— Неужели все лекции так переполнены слушателями? — спросил доктор, когда мы возвращались домой к Жарко.

— Да, — ответил Жарко.

— А точно так же много слушателей и на других лекциях? А те лекции, которые читают профессора из Белграда по вопросам сельского хозяйства?

— Конечно, конечно, всегда зал полон. — Жарко хотел что-то спросить, но профессор его опередил.

— Поэтому ничего нет удивительного в том, что «Политика» напечатала ту статью, где говорится, что Народный университет один из самых лучших в Воеводине [* О работе и успехах Народного университета в селе Избиште писала «Политика» в одной заметке в декабре 1927 года. — *Примеч. авт.*].

По тону их разговора было видно, что они давно знакомы. Затем они вдвоем пошли проведать маленького больного, которого лечил по просьбе Жарко доктор Шошкич из Ульмы.

Доктор Шошкич вовремя принял меры и мальчик без последствий перенес воспаление легких. Дети в бедных семьях не имели ни чая, ни теплого молока, когда болели. Жарко продолжал помогать малышу — носил ему молоко из своего дома, еду, ухаживал за ним [*Этот мальчик Слободан Николич, в то время, когда Югославия освобождалась от фашистской оккупации, добровольно, как уже зрелый юноша отправился на Сремский фронт. Там был тяжело ранен в грудь. В больнице под бинтами спрятал школьную фотографию, на которой видно, что он сидит на коленях у Жарко. Эту фотографию он носил с собой все время после гибели Учи. В больнице Слободана посетили офицеры как одного из храбрейших воинов и спросили, знал ли он, что может погибнуть в этой битве. Слободан ответил: «Знал, конечно, но если наш замечательный учитель Жарко Зренянин отдал свою жизнь в этой борьбе, почему же я буду прятаться?» Очень аккуратно достал спрятанную фотографию и передал ее офицерам. Об этом случае рассказали генералу Косте Надю, а когда в г. Зренянин в 1952 году был открыт памятник Жарко, маршал Тито говорил и об этом случае, как о примере любви молодежи к своему Уче. — *Примеч. авт.*].

Забота Жарко о людях распространялась на все село. Его острые глаза замечали все — тирания одного молодого человека, которого считали самым сильным в селе, он как садист избивал многих более слабых людей. Жарко слышал, как молодежь жалуется на этого бандита, и они старались не попадаться ему на пути. Однажды, направляясь в компании нескольких человек к общине, Жарко заметил на площади как бандит бьет кого-то более слабого и гоняется за ним. Он обратил внимание прохожих на этот эпизод, быстро снял пальто, передал его кому-то и быстро подбежал к нападавшему.

— Ты что творишь? — спросил он строго.

— Этот не хочет соревноваться со мной, потому что я самый сильный в селе.

— А ну-ка посмотрим, действительно ли ты самый сильный, — сказал Жарко, засучил рукава и начал борьбу. Бандит смутился и начал отступать из-за Учиного авторитета. Но Жарко схватил его еще крепче. Собралась толпа зрителей, которые

поддерживали Учю, но побаивались, как бы его не свалил мощный задира. В это время Жарко мощным рывком свалил задиру на землю.

— Эй ты, поднимайся, бедный силач, — говорит Жарко. — Теперь ты видишь, что не ты самый сильный, а если бы даже ты был таким, не смеешь избивать более слабого. Это отвратительно. Используй свою силу на что-нибудь полезное.

«Заносчивый задира» удалялся, опустив голову.

НАЧАЛО ПАРТИЙНОЙ РАБОТЫ.

Член КПЮ

Жарко и в Избиште тщательно изучал передовую марксистскую литературу. Его квартира учителя всегда была открыта приятелям и доброжелательным людям. Мы часто его заставляли сидящим до поздней ночи рядом с керосиновой лампой за столом, переполненным книгами, газетами.

— Что это ты читаешь, — спросил его однажды ночью Бата Кевин Стефанов, его ровесник, крестьянин доброжелательного вида, культурный, скромный и большой любитель книг и знаний.

— Читаю, учу! — ответил Жарко. — Я ищу и исследую, откуда появляется зло, несчастья и несправедливость в жизни большинства людей. И тебе надо учиться.

С тех времен сохранилась тетрадь с голубой обложкой, в которую Жарко вносил свои записи. Своим красивым почерком он записывал то, что считал важным для нахождения истины: «Пролетарии всех стран соединяйтесь!», «Наука для Маркса была та сила, которая выдвигает истину и утверждает ее!», «Наука не может быть просто наслаждением. Те счастливые люди, которые могут посвятить себя науке, сначала должны свои знания поставить на службу человечеству».

Жарко систематически работает над собой, не забывая о практической работе с людьми, которая на первый взгляд кажется не очень важной. В течение двух лет на курсах было обучено чтению, письму, арифметике 39 крестьян. Они сделались постоянными членами читальни — и не только чтобы не забывать то, чему научились, но и чтобы расширять кругозор и стать просвещенными людьми.

При испытании знаний по арифметике, Жарко собирает около 60 крестьян. Однажды вечером к нему обратился Бранко Басараба [*Басараба погиб в Народно-освободительной борьбе в 1943 году. — *Примеч. авт.*].

— Жарко, да что же ты мучишься с этими пустяками. Пусть сами головы разбивают об эту арифметику.

Жарко ему мягко отвечает:

— Никогда не отрекайся от малого в работе. Из малого вырастает большое, Бранко. Это великая ленинская мысль.

Так же как он посещал и раньше село Бакарно гумно, Жарко обходит и другие ближайшие села: Ульму, Загаицу, Делиблато, Ясеново, Маргиту, Потпорнье, Суботицу, Алибунар...

Везде успевает. Летом он занимается на педагогических курсах. Один из которых — «Работа современной школы» он изучает в Белграде на улице Моше Пияде [Улица после войны была названа в честь Моше Пияде – извещенного югославского деятеля коммунистической партии, теоретика ЦК КПЮ – *Примеч. пер.*], в школе, которая носит сейчас его (Жарко Зренянина) имя.

Успевает вечером встретиться на улице с собравшимися людьми, побеседовать с ними о событиях дня, о какой-либо радиовести, прокомментировать эти события. И все это ненавязчиво, естественно, также как люди разговаривают за бокалом хорошего вина. Он посещает вновь организованное Общество пожарников, Спортивное общество, а чаще всего Земледельческую общину. Благодаря своей многосторонней активности Жарко в 1927 году вступает в Коммунистическую партию Югославии (КПЮ) при партийной организации в г. Вршац. Между ним и человеком, безгранично преданным коммунистической партии немцем Рудольфом Корнауэром возникает крепкая дружба так же, как и с Вьекославом Смольяном, старым коммунистом, участником Великой Октябрьской Социалистической Революции. В г. Вршац опять встречается со своим старым школьным другом Славком Срдановичем, который его еще во время школьной учебы познакомил с социалистическими идеями. Через Анджу Йованович, свою младшую землячку, рабочую-текстильщицу, он поддерживает связь с белградской партийной организацией. Анджа Йованович знакомит его со своим будущим супругом Александром Ранковичем [Александр Ранкович до и во время войны убежденный коммунист, а после войны соратник Тито, поддержавший его в политическом развороте против СССР, в союзе и блоке с Западом, в особенности с Великобританией, организованном еще Черчиллем в течение войны, и в разгроме коммунистов Югославии - *Примеч. пер.*].

Идеологическое и партийное просвещение в Избиште

Жарко проводит идеологическую и партийную пропаганду в Избиште, и после тщательной подготовки 20 декабря 1928 года в своем доме организует первую партийную ячейку в селе. Влияние партии в Избиште очень скоро стало чувствоваться в каждой мелочи жизни в этом селе. Особенно это ощущалось в школе в Избиште благодаря деятельности Жарко. Школьная коллегия становилась все более боевитой, особенно, когда речь шла о правах учителей. Так, например, когда община возражала против отопления учительских домов, коллегиум провел собрание, на котором постановил, чтобы постоянно удовлетворяли бытовые потребности учителей (в том числе и отопление).

Об этом свидетельствует сохранившийся протокол этого заседания от 1 сентября 1928 года, который хранится в Музее г. Вршац. Протокол заседания записывал Жарко Зренянин. В повестке дня — и важный вопрос отопления зданий, так как крестьяне, члены школьного комитета не согласны выделить средства для отопления зданий учителей. Цитирую часть резолюции, которую приняло учительское собрание: «Члены школьного комитета не признают основания и некоторые законы управления, которые имеют силу. Учителя этой школы живут в тех же условиях, как и наши крестьяне и знают и полностью понимают мотивы, которыми руководствовались члены школьного комитета при составлении бюджета на этот год, но при этом они считают, что самые необходимые нужды учителей нужно постоянно оплачивать. Наши крестьяне находятся под тяжелыми экономическими ударами уже много лет. Тяжелую бедность, в которую попали наши крестьяне, народные учителя видят и понимают. И так крестьянин, находящийся под давлением сельскохозяйственных неудач и провалов, старается защититься от всех бед, которые падают на его голову. Не зная, откуда идет это зло, он пытается спастись тем, что уменьшает свои расходы, которые идут на их обеспечение и развитие своего собственного просвещения, реализуемое в его собственной школе, хотя эти расходы по сравнению с остальными — минимальны. В этом последнем параграфе учителя показывают, что данный поступок местного школьного комитета они не считают неприятельским жестом по отношению к ним, учителям лично, а считают это защитой их (крестьян) собственного существования. Но мы не можем быть до такой степени сентиментальны, чтобы ради иллюзорных достижений оставить без внимания и без бюджета самые необходимые школьные потребности, а кроме того мы не можем допустить, чтобы наши, и без того мизерные потребности, противозаконно узурпировали».

* * *

Положение большинства крестьянства и в Избиште из-за аграрного кризиса, который охватил всю Югославию, становилось все более тяжелым. Цены на сельхозпродукты постоянно падали. Цена на пшеницу, например, с 417 динаров за метрический центнер в 1924 году упала до 240 динаров в 1928 году. Крестьяне все в долгах. Каждая официальная продажа земли, домов, недвижимости сопровождается проклятиями в адрес Аграрного банка с дурной репутацией. Правда, в Избиште была Первая Сербская сельскохозяйственная кредитная община, которая своих членов, главным образом беднейших крестьян, экономически поддерживала.

Но так же, как и в других местах, в Воеводине в ее руководстве командовали богатые крестьяне. Конечно, они в первую очередь, обеспечивали свои интересы. Во главе общины был Арса Джурич, самый богатый на селе, и очень самовольный. Поэтому передовые крестьяне из бедных семей во главе с Учей основали другую общину. Борьба между ними продолжалась очень долго, так как первая придумывала интриги, всякие сложности, чтобы не дать развиваться второй общине. Председателем новой общины был Жива Йованчич, секретарем Лаза Русович, а председателем народного комитета — Жарко Зренянин. В Избиште в июле 1930 года по инициативе партийной организации проведена акция по строительству мельницы при общине. Жарко в газетной статье («Банатски лист»; Вршац, 27. VII.1930) пишет: «Приветствуется новая полезная акция. Появилась необходимость промышленный отсек индустрии постепенно перевести на общинную основу. Это доказывает, что общинная система хозяйствования — единственная возможность сразиться с бедностью, кризисом».

В этом же году коммунисты в Избиште организовали еще одну полезную акцию. «Банатский лист», № 17, от 27. IV.1930 пишет: «Жители Избишта для пострадавших от наводнения французов. По инициативе передовых людей из Избишта и при поддержке Народного университета через Жарко и Тошу Искрулева, секретаря, собрали добровольную помощь для пострадавших от наводнения французов в размере 3465 динаров. Этим доказана дружба и международная солидарность гуманистов».

* * *

Жарко был активен и в Учительском объединении в Вршаце. Это тоже была часть его партийной работы. Он выделялся своей активностью, особенно в области

просвещения села, а также в уже зрелых статьях, докладах и дискуссиях на собраниях, ему было предложено членство в Новом управлении Объединения учителей Белоцеркванского района в 1930 году. На выборном собрании в г. Вршац одна группа учителей, приверженных режиму, была против его кандидатуры. Старый учитель из Избишта Бранко Горонич подошел к той группе и спрашивает:

— Что вы имеете против этого молодого человека?

— Ну, коллега, Зренянин, видно, левый! Разве мы можем выбрать его в Управление? И при том, как вы и сами говорите, он слишком молод.

Учитель из Ульмы добавил:

— Нам нужны представители, которые умеют отстаивать наши права. Коллега Зренянин знает, как это делается и умеет это делать.

На вопрос председателя провести выборы открытым или тайным голосованием — из первых рядов раздался дружный крик — открытым! В этот момент у стола появился Жарко.

— Коллеги, — начал он мирно и уверенно, — думаю, что и вы разделяете мое мнение, выборы Управления нужно проводить тайным голосованием. Это демократический принцип и наше право...

— Тайное голосование! Тайное голосование! — откликнулся зал.

На тайном голосовании Жарко был избран председателем объединения. Он сразу же включился в работу по повышению профессионального и идейного уровня членов объединения, предложил коллегам района пользоваться его библиотекой, журналами, брошюрами и прогрессивными книгами из его собрания книг в Избиште в читальне. Начиная от Црвене Цркве и Врачев Гайа, через Петровград, Бечкерек до Ульмы во всю ширь района стала распространяться прогрессивная литература.

Жарко везде, где мог и как мог, распространял свое влияние коммуниста. В следующем году на внеочередном заседании конференции доверенных лиц Сербии, Жарко как делегат своего района с большинством учителей выступил против реакционных планов диктатуры по отношению к учителям. Но власть была сильнее. Институт доверенных лиц Сербии был упразднен.

На заседании Союза учителей Югославии в Белграде в 1932 году, где присутствовал и Жарко как делегат, председателем навязали комиссара Дамьяна Рашича. В один из моментов произошла заминка и толкотня. Жарко воспользовался этим и быстро добрался до сцены. По рассказу учителя Милоша Б. Янковича, который тогда занимался библиотекой «Будущее», Жарко изо всех сил как мог громко обратился к председателю: «Как вы руководите собранием?! Вы предаете интересы учителей! Так поступали слуги

Франца Иосифа [*Император Австро-Венгрии – *Примеч. ред.*]. После первых сказанных Жарко слов зал замер. Один учитель из председательствующих схватил свой зонт и замахнулся на Жарко. Но, рассказывает Милош Б. Янкович, Жарко не моргнул глазом, а на агрессора поглядел таким острым взглядом, что он смутился и опустил зонт. Этот инцидент придал храбрости учителям, которые восстали против интриг комиссара Рашича, который хотел спустить на тормозах справедливые требования учителей.

Партийная организация в Избиште

Первую партийную ячейку в Избиште представляли собой Жарко Зренянин — учитель, Бранко Овчарев — столяр и Велимир Бата Стефанов — крестьянин. Секретарем был Жарко. Здесь же и в тот же день была сформирована вторая ячейка в составе: Милан Малушев и Милутин Малушев — бедные крестьяне, секретарем был избран Жарко. Первые члены партии в Избиште были быстро проинформированы, что такое компартия, каковы задачи ее членов. Жарко на собраниях говорил о равноправии людей, об эксплуатации трудящихся, об устаревшем обществе, которое надо сменить передовым социалистическим обществом, где жизнь трудящихся будет лучше и достойнее. Он читал брошюру «Цена крови», где говорилось о достойном поведении коммунистов перед полицией, объяснял, как коммунисты должны влиять на других порядочных людей в селах в своей партийной работе.

В течение 1929 года произошло расширение партийной организации. Первые ячейки сразу же после своего основания приняли меры по организации новых ячеек. Так в течение первой половины 1929 года основаны еще 4 ячейки в присутствии Жарко. Первая ячейка: Душан Белин, Светислав Русовац и Бранко Овчаров — руководитель. Вторая ячейка — Младен Бранков, Бранко Бранков и Бранко Овчаров — руководитель. Третья ячейка Мита Момиров, Светислав Йованов — руководитель и Жарко Зренянин. Четвертая ячейка — Бранко Басараба, Бранко Станишич и руководитель Велимир Стефанов. Встречи руководителей проводились один раз в неделю, причем всегда в новом месте: в школьной квартире Жарко, в доме Велимира Стефанова, в винограднике Душана Белина, летом — в поле пшеницы, «За кирпичным заводом» или «На хуторе». На встречах прорабатывали директивы, информацию о международном рабочем движении, о ситуации в мире, а больше всего о Советском Союзе. Обсуждали и книгу Джека Лондона «Железная пята», которую распространили в селах в количестве ста экземпляров. При встрече руководителей в 1932 году присутствовал и товарищ Йованович из Белграда —

член ЦК КПЮ. После его отъезда всем раздали журнал «Коммунист» — об этом мне рассказывали Велимир Стефанов, Бранко Овчаров и Милан Малушев. А затем в партийные ячейки были приняты лучшие — те, у кого твердый характер, жертвенность, пролетарское происхождение, у которых могло развиться классовое сознание и решительность в борьбе до победы. В 1933 году партийная организация в Избиште имела 21 члена. Среди них бедных крестьян — 5, середняков — 6, более зажиточных — 3, рабочих — 3, ремесленников — 2, учителей — 2.

Во время шестиянварской диктатуры и кровавой расправы режима с коммунистами, благодаря строгой конспирации, партийная организация в Избиште не только не претерпела убыль, но стала более массовой и повысила свою активность. Этому способствовала и Жаркова политическая сметливость. Жарко умел сдружиться и поддерживать приятельские отношения с демократически ориентированными писарями и секретарями в селах – Искрулиевым, а затем и Калчовым, которые его предупреждали о намерениях полиции. Именно поэтому партийная организация в г. Вршац и пережившие террор руководители групп коммунистов в Белграде полностью доверяли организации в Избиште. Так в селе в течение февраля и апреля 1931 года базировался Средое Немчев рабочий-кожевенник из Меленаца. [*Немчев в 1929 году окончил четырехгодичную школу Коминтерна в Москве, затем был направлен на партийную работу в Югославию. Его арестовали, но в январе 1931 года до суда, он совершил побег из тюрьмы. Окружной комитет в Вршце его перевел в Избиште; жил он в доме Перы Илича до начала апреля, когда через Великий Гай был переброшен в Румынию. Немчева судили в его отсутствие в государственном суде. Постановлением 2241 от 26 марта 1931 года он был осужден на шесть лет каторги. — *Примеч. авт.*].

* * *

В то время, когда партийные организации в Белграде были разрушены, а их техника уничтожена, особое значение имело техническое оснащение партии, организованное в Избиште, в декабре 1932 года по решению Окружного комитета (ОК) КПЮ Южного Баната. Жарко в 1930 году становится членом, а потом секретарем ОК КПЮ в г. Вршац, но при этом остается на должности учителя в Избиште, так что он непосредственно руководил партийной организацией в селе и использованием партийной техники.

Партийная организация в Избиште и в самые тяжелые дни диктатуры Петра Живковича смогла сохранить своих членов и технику. Когда Жарко стал секретарем ОК КПЮ в г. Вршац, руководство КПЮ, т.е. оставшиеся коммунисты в Белграде из группы «Ленинист» обратились за помощью и сотрудничеством к ОК КПЮ в г. Вршац, к самой

надежной организации в Избиште, и просили помочь партийной техникой. За технику партии отвечал Бранко Овчаров. Материал частично переносили из Белграда из группы «Ленинист» через Анджу Йованович Ранкович, т.е. через ОК в г. Вршаце, а таким же образом пересылали нелегальную газету «Ленинист» и другие материалы в окрестные области и в Белград.

«Ленинист» был первой нелегальной газетой, которую редактировал Жарко, а печаталась она в его учительском доме в Избиште. Эта газета вышла в трех экземплярах. Перед выпуском в феврале 1933 года в доме у Жарко под его руководством состоялось совещание секретарей партийных ячеек. Там присутствовали Бранко Овчаров, Велимир Стефанов, Прока Милин и Душан Белин, а также Димитрие Йованович-Ванча из Белграда, член группы «Ленинист». Обсуждали состояние партийной организации и договорились о выпуске газеты «Ленинист».

Первый номер газеты был напечатан в 500 экземплярах. Передовица гласила: «Присягаем! Ленин нам завещал беречь единство партии как зеницу ока. Поклянемся Ленину честно выполнить этот его завет».

Эта газета, размноженная на шапирографе, вышла на шести страницах. Сжатым и ясным стилем Жарко пишет статьи: «Ленин о крестьянстве», «Что такое экономический и аграрный кризис у нас?», «В чем и где находится зло?!», «Новый налог на крестьянина», «Кто хочет войны?».

В марте 1933 года вышел из печати второй номер со статьями: «Германия перед революцией», «Карл Маркс», «Статистика политических убийств», «Кто поджег Парламент в Германии», «Из Советской России», «Из партии». Этот номер газеты имел четыре страницы большого формата.

Третий номер был посвящен вопросу «Новый налог на крестьянина — новый грабеж». Десяток экземпляров отвозила Анджа (Йованович Ранкович) в Белград. Остальные номера принимали партийные организации в Избиште, Вршаце, Белой Церкви и окрестностях, как и организации в Северном Банате и дальше. Газеты, предназначенные для Вршаца и его окраин, переносил наш отец в свой дом в Вршаце и передавал их нашей маме. Это был обычный пакет с рубашками Жарко, которые мама приводила в порядок. Этот пакет мама открывала, доставала газеты «Ленинист» и прятала в условное место, о котором знал только Жарко. Из-за густой шпионской сети и для строгой конспирации Жарко не мог путешествовать с таким пакетом. Он брал у мамы поступившие экземпляры и передавал дальше.

На этой же партийной технике в Избиште размножали и газету «Ударник», который издавала группа активистов КПЮ в Белграде. Коммунисты в Избиште изучали

добросовестно нелегальную литературу, а также очень тщательно и марксистскую литературу.

ПЕРВОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ В ТЮРЬМЕ — МИТРОВИЦА, ЛЕПОГЛАВА

Арест

6 апреля 1933 года чисто случайно произошел провал нелегальной цепи с партийной техникой и Жарко был арестован.

Наша семья из-за этого случая оказалась в очень тяжелом положении. Во-первых, мы опасались больших провалов и тяжелых последствий, так как мы тогда не могли предвидеть, как некоторые наши крестьяне будут держаться перед полицией, а, во-вторых, очень опасались за жизнь Жарко, учитывая психоз, который возник в городе вследствие его ареста. А случилось вот что.

Наш отец [Жива Зренянин – *Примеч. пер.*] 3 и 4 апреля находился в Избиште из-за своей матери, которая была при смерти. Когда он возвращался в Вршац, то посетил Жарко в школе на уроке, не сказав ему, что он всю ночь просидел около умирающей матери. Жарко быстро приготовил замаскированный пакет, как и раньше, и отец понес с собой этот пакет. Когда он сел в поезд, его укачало, он же не спал всю ночь, а когда он выходил из поезда полусонный, он забыл пакет. Когда опомнился и вернулся за пакетом, его уже забрали и передали полиции. Полиция заметила, что отец что-то ищет и его арестовали. Между тем он не признал, что ему принадлежат нелегальный материал и пакет. Его мучили и истязали, но он стоял на своем. Однако полиции нетрудно было догадаться откуда этот материал. Отправились в Избиште и окружили дом Жарко. В это время Жарко был на пути в Белую Церковь, где как председатель Учительского объединения должен был участвовать в заседании. Вблизи Потпорня его коллега Путник сообщил, что его отец арестован в Вршаце. Жарко ловко выскочил из поезда на повороте и на машине из Потпорня примчался в Избиште. Но уже было поздно. Жандармы обыскали весь дом и погреб и нашли часть партийной техники. При помощи писаря Милорада Йованова полиция смогла арестовать Жарко. Я очень четко помню тот день. Жандармы вели его со связанными руками, а крестьяне выходили на улицу — некоторые прибежали даже со

своих нив — и все выражали свое огромное возмущение и огорчение действиями полиции и жандармов. Члены партии и сочувствующие во главе с Милутином Малушевым были готовы кинуться на жандармов, но во взгляде Жарко они не нашли одобрения.

Возбужденные и разгоряченные люди провожали глазами Жарко и его легкий прыжок в полицейскую машину, хотя его руки были связаны веревкой и затянуты до крови.

Машина помчалась вниз по улице. На углу другой улицы, с обеих сторон — полно народу. Мата Ничифоров, самый старший из группы, приблизился к машине, скинул шапку с головы в знак уважения Учи, и горячая слеза капнула ему на белую рубашку. На следствии писарь записывал показания, он сам был симпатизер движения, звали его Юстин Французски. От сильного возбуждения он побледнел, и руки его заметно дрожали. Полиция из-за этого его исключила из комиссии, а позже его перевели в другой городок из Избиште. В книжном магазине и читальне провели жестокий обыск. На основании доносов предателей были арестованы и Бранко Овчаров, Васа Дакич, Прока Милин, Милутин Малушев, Пера Илич, Светозар Русовац, Душан Бельин, Драгутин Попов, Хенрик Никола и еще некоторые люди из Избишта — всего около 60 человек.

Арестован и Славко Срданович, адвокат из Вршаца. Эти люди на вопрос судьи, что они могут сказать об учителе Жарко Зренянина, ответили: «Я знаю только то, что мой отец и мой дед не помнят лучшего учителя в нашем крае»; «Мой сын — ученик Жарко. Он полюбил школу, книги и стал хорошим мальчиком. Об Уче могу говорить только хорошее»; «Меня Уча научил читать и писать в нашей читальне. Из-за бедности я не мог учиться в школе»; «Жизнь моему ребенку спас Уча, так как вовремя привел врача и сам ему заплатил за лечение»; «Мы благодарны Уче за то, что он помог нам организовать общину для наших беднейших крестьян».

Этот протокол был прочитан потом в Государственном суде в Белграде, на котором я присутствовала.

В Следственном Белоцеркванском местном суде Жарко продемонстрировал свою позицию коммуниста по отношению к следователям властей как к классовому врагу. Этим расследованием власти хотели уничтожить корни просветительского, политического, коммунистического влияния Жарко Зренянина, которое в селе Избиште и окрестностях уже широко распространилось.

На процессе в здании Государственного суда по защите государства в Белграде зал был набит битком работницами, студентами, работниками просвещения, среди которых было и достаточно коммунистов. Процесс люди слушали с глубоким вниманием. Мы наняли двух адвокатов для защиты осужденных.

Жарко энергично опровергал каждое обвинение и связь с «сотрудниками», но сказал, что по убеждению он коммунист, и начал излагать свои убеждения. Председатель его постоянно перебивал, но из зала слышались крики: «Хотим слушать!».

Убедительно и категорически Жарко заявил, глядя судье прямо в глаза, что его убеждения связаны с его совестью человека и народного учителя. Адвокаты настаивали на том, чтобы вслух прочитать все семьдесят заявлений допрошенных крестьян и учителей района. Прочитана лишь часть этих заявлений.

Мы все равно ощущали моральное удовлетворение, хотя решение суда гласило: три года тюрьмы и пять лет лишения гражданских прав. Распрощались мы с Жарко с грустью, а он нас еще и подбадривал. Из зала суда, окруженный жандармами, он вышел с высоко поднятой головой.

В Избиште и в Вршаце и во всех окрестностях — всюду слышны были комментарии этого события – кто-то шепотом, кто-то громко, кто-то доброжелательно, а кто-то злонамеренно. «Почему арестовали Учю?» — спрашивали люди, а другие, более грамотные политически, отвечали: «Если бы королевская власть и правительство были бы на стороне трудящихся, они бы Учю наградили за его самоотверженную работу и просветительство, а не посадили в тюрьму». Писаря М. Йованова, прислужника режима и полиции люди не замечали, не здоровались, отворачивались, проходя мимо него, бойкотировали предателя. Арса Джурич, кулак, непримиримый политический противник Жарко Зренянина, заявил открыто: «Как жаль, что Учя коммунист и что он не наш человек».

В Вршаце меня люди останавливали на улице и спрашивали: «Правда ли, что в квартире Жарко было найдено оружие для революции?» Другие расспрашивали о красном знамени, а некоторые относились к этому событию, как к сенсации.

Но трудящиеся и передовые люди в городе относились совсем по-другому и обсуждали событие. Они с гордостью говорили о том, как Жарко храбро держался на суде и перед полицией. Говорили и о том, что полиция от него не могла ничего узнать, ни единого слова — ни об организации, ни о соратниках. Однажды пригласил меня аптекарь Шандор Йованович, у него в это время был и Мата Матеич. Они спрашивали меня, что бы они могли сделать, чтобы спасти Жарко от каторги. Я почувствовала, как они ценили и уважали Жарко. Они договорились, что через меня будут посылать для Жарко в тюрьму пакеты. Помощь быстро ширилась. Чеда и Спаса, наш брат, организовали систематическую доставку пакетов Жарко в тюрьму в Сремской Митровице — и для Жарко, и для его арестованных друзей.

«Мы напишем наши правила»

Прошел месяц, даже чуть больше, с тех пор как мы перед Государственным судом в Белграде расстались с Жарко. Не было никаких вестей о нем. Мы знали только, что он переведен в Сремскую Митровицу в тюрьму и что нет возможности его видеть и передать ему продукты и одежду.

Я все-таки решила использовать юбилей со дня рождения Йована Йовановича Змая [*Змай Йован Йованович — знаменитый сербский поэт. — *Примеч.пер.*] — этот юбилей должен был пройти в Сремской Митровице, а я была делегатом на торжестве от Учительского союза, и решила использовать это, чтобы повидать брата и постараться вручить ему пакеты с продуктами и теплой одеждой на осень, которые подготовила мама.

Когда поезд прибыл в Митровицу, я была так возбуждена, что не помню, как вышла из вагона и направилась в сторону тюрьмы. Я решила сначала обратиться за информацией к одному нашему земляку, он после окончания гимназии получил рабочее место в Митровице. Он немного смутился, когда меня увидел, но так как ему было жаль Жарко, он мне подробно объяснил, как я могу войти в тюрьму.

Он предупредил меня, что Жарко не имеет права на получение передач и на свидания, так как он еще находится в одиночке. Перед воротами здания — два огромных каменных льва, «королевские церберы», подумала я. Прошла мимо них. Но тут же послышался какой-то ужасный шум и я остановилась. Голос раздавался по пустым коридорам. Мне показалось, что рычит какой-то зверь. Я отступила на шаг назад и стала ждать, пока не затихнет этот рык, а затем я пошла быстро по ступенькам на второй этаж. Когда я открыла дверь управника, увидела огромного человека в темной офицерской форме и в сапогах.

— Как это вы сюда попали? Откуда? — спросил он меня с удивлением с вытаращенными глазами.

Я подумала, что этот рык, который я слышала он и издавал. Я быстро ответила, откуда я и что хочу. Он посмотрел список на столе и сказал строго:

— Ваш брат — коммунист. Он — в одиночке. У него нет права на свидания и передачи.

Я ему сказала, что наша семья это не знала, а я принесла только самые необходимые вещи на эти холодные дни. Он посмотрел на меня еще строже, я ожидала самый грубый ответ. Из моей сумки выглядывала газета «Политика». Вдруг мне в голову пришла идея. На первой странице «Политики» в поезде я прочитала статью в связи со

100-летием смерти какого-то сербского князя. Там было описано и то, как его однажды в изгнании посетила сестра в Вене. Там, перед крепостью, жестокие люди чуть не развернули ее, но один человек широкой души и благородных взглядов, постарался помочь сестре повидаться с братом. Я протянула «Политику» сердитому, надутому управнику.

— Видите, какие люди были и в чужой стране!

Он посмотрел текст и фотографию женщины в сербской одежде тех времен и заколебался. Но опять разозлился.

— Нельзя, — говорит, — здесь свои правила и дисциплина.

— А откуда я знаю, жив ли мой брат? Что я скажу матери и отцу? — процедила я сквозь зубы.

Он посмотрел на меня. И пока я напряженно ждала его окончательное решение, вошел почтальон и передал ему какие-то посылки. Управляющий сразу стал разделять полученную почту: письма в одну сторону, документы — в другую сторону. Было видно, что он был очень доволен одной передачей и с улыбкой аккуратно положил его в свой карман с улыбкой. Это придало его лицу вид жабы.

— Ну ладно, пусть будет, как вы просите. Увидите брата, но не смейте с ним разговаривать. Можете только передать ему пакет.

Я собрала все силы, чтобы успокоить свое возбуждение и радость. Управляющий вышел и быстро вернулся. Пока я раздумывала, где он был, слышались шаги. Двери открылись полностью и заслонили меня. Я Жарко увидела раньше, чем он меня смог заметить. Его широкие плечи в суконном одеянии показались мне еще шире. Огромные опанки [*Сербская народная обувь, плетеная из лоскутов кожи. — *Примеч.пер.*] на ногах были без ремешков. Он шагнул уверенно, направляясь прямо к столу, как будто бы наступил момент расплаты. Я шагнула в его сторону. И он меня увидел. Управляющий что-то сказал. Жарко вопросительно глянул на меня — откуда ты здесь? Может быть, ты унижалась перед ними и их умоляла? И пока он своим острым взглядом проникал мне в душу, я попыталась объяснить, в чем дело.

— Ни слова, я вам запретил говорить! — завопил управник на меня.

Жарко сам догадался и обнял меня по-братски. Когда я ему передала пакет, управник взбесился, ударил кулаком о стол.

— Правила это запрещают!

Когда он открыл рот, чтобы заорать снова, Жарко повернулся к нему и энергично со всей силой ненависти спросил:

— Что это за правила? Это вы их написали? Мы их запретим, вы это увидите. Мы напишем наши правила.

Управник вскочил, надавил на кнопку звонка и заорал:

— Я с вами сам буду разговаривать, — а потом повернувшись ко мне. — Видите, вы не заслужили, чтобы вам это позволили.

Вооруженный жандарм увел Жарко, а я поспешила выйти из этой крепости. Возвращаясь домой, я чувствовала, как на меня подействовала гордость и отвага Жарко. Родителям и семье я принесла радостную весть — Жарко получил пакет и теперь у него будет теплая одежда на зиму, а также он получил сладости, которые уже давно не пробовал, и они будут ему напоминать нашу семью. Мама и отец после этого почувствовали некоторое облегчение.

* * *

Текут серые дни обычной ежедневной жизни, принося с собой все новые заботы и неприятности.

В Германии к власти пришел Гитлер. У нас «пятая колонна» уже пускает свои корни, а буржуазные партии укрепляют свою власть.

В городе Вршац коммунисты серьезно отнеслись к ситуации и оказалось, что они быстрее созревали идеологически и политически. Арест Жарко их еще больше закалил и укрепил классовое сознание. Они перед собой имели пример, как нужно держаться и бороться. Среди интеллектуалов были и малодушные люди и оппортунисты. Это был страх перед тюрьмой, преследованиями, что иногда приводило некоторых к отказу от борьбы.

Славко Срданович, адвокат из Вршаца, партийный функционер, очень много приложил сил, чтобы облегчить положение Жарко в тюрьме. Он любил Жарко еще с самого детства и говорил мне: «Настоящее наслаждение наблюдать идеологическое развитие Жарко, его страсть к знаниям, его боевитость. Его надо сберечь от нападений полиции». Славко не был мирным ни одного момента. Мчался на машине, поездом или на велосипеде от Вршца до Избишта и Белой Церкви и настаивал, хотя безуспешно, при помощи школьных друзей, судей в Белой Церкви освободить Жарко из тюрьмы. А позже, когда он узнал о всех ужасах, через которые прошел Жарко по тюрьмам и казематам, он испугался. Отошел от движения, так как не имел силы для бескомпромиссной

революционной борьбы. Тормозили его участие в наших делах и семейные проблемы, и семья его жены, они его уговаривали, чтобы он не погиб зря.

Все же, было много и того, что придавало нам смелости.

В Избиште партийная организация продолжила свою нелегальную работу в связи с Вршацем. Я ездила в Избиште и разговаривала с самыми близкими партийцами — Батом Стефановичем, Нисом Ничифоровым [**Героически погиб в Народно-освободительной борьбе. — Примеч. авт.*]. Сообщала им информацию о Жарко, о ситуации в Сремской Митровице.

Тогда я еще не была членом партии, кроме того из-за строгой конспирации мы встречались по двое или трое. Читала им статьи из передовых журналов, рассказывала о ситуации в Германии, о том, как Гитлер пришел к власти и что готовит империализм и фашизм. Почувствовала в течение этих разговоров их твердую преданность Коммунистической партии. Во время наших бесед я заметила, как то один из них, то другой глубоко задумывались — вероятно перед их глазами возникал образ Жарко. Они его чувствовали, слышали, хотя его здесь не было. Чувства свои они выражали сердечно и непосредственно. Жарко действительно очень сильно влиял на этих людей, которые стали приверженцами рабочего класса и его борьбы, и позже это доказали.

После ареста Жарко в нашей семье в г. Вршац настала тяжелая материальная ситуация. Младший брат Спасое (Зренянин) и сестра Любима (Зренянин Перович) были уволены со службы, которую они совсем недавно получили после окончания профессиональной школы. Чеда (Миличевич) и я также были уволены. Только Вера (Зренянин Бранков)[**У нее были золотые руки — все умела: шить, вязать, вышивать, готовить. — Примеч. пер.*], вторая младшая сестра, кое-что зарабатывала. Она открыла пошивочный салон, завершив соответствующую школу. Отец и мать продали наш дом и остаток земли в Избиште, а в Вршаце купили дом на улице Темишварской, 32.

«Я восхищался силой Жарко»

Что в это время творилось в тюрьме, рассказывал нам и сам Жарко, после возвращения оттуда. Нас больше всего интересовала борьба с помощью голодовки. Рассказывая нам об этой акции, Жарко не подчеркивал свою роль, а больше говорил о товарищах, о всем коллективе, чьим членом он был.

Вот что рассказывал один из друзей Жарко по тюрьме Дидо Демайо:

«При объявлении заключенными голодовки товарищи оценили Жарко, как самого верного борца. Он дольше всех держался без еды — 14 дней. Лицо у него почернело, а в

больницу он перешел одним из последних. И когда этих забастовщиков переносили в больницу, он, собрав последние остатки сил, поднялся и пошел, опираясь на стены, медленно, тяжело, но таким образом назло неприятелям.

Во время демонстрации в 1935 году управа тюрьмы наказала нас тем, что уменьшила количество воды. Прошли два дня и две ночи без капли воды и нам стало очень тяжело, особенно больным людям. Вообще 1500 человек без воды — дело серьезное.

Жарко совсем не спал. Все время думал, как добиться воды и вдруг его осенило — в радиаторах должна быть вода. В нашей камере было большинство больных. У нас нет никаких инструментов, даже никакого твердого предмета, который бы мы могли использовать. Жарко сам ухватился голыми руками за чугунную конструкцию. Собрал все свои силы и после огромного напряжения при раскачивании чугунных труб, смог их оторвать от земли.

В резервуарах была вода.

Я восхищался Жарковой силой, его мощными руками, а еще больше его находчивостью и упорством.

Возникла проблема — как передать воду в другие камеры? Двери на замке, в коридоре — стража, на окнах решетки. Жарко опять задумался, как быть? Ему удалось вытащить железные трубчатые решетки, что нам дало возможность через окно передавать воду товарищам и влево и вправо.

После демонстрации большинство наших перебросили в Лепоглаву, где снова пришлось биться за основные права человека. И опять здесь дело дошло до бунта.

Управа тюрьмы, взбешенная, как дикие звери, послала жандармов, чтобы нас избить. Мы слышали крики о помощи товарищей из соседней камеры и решили всеми своими силами не пускать жандармов в камеру.

Нас было восемь человек. Большинство — больные от голода и длительного заключения. Жарко был самый сильный и быстро решил вопрос распределения сил около двери, оставляя себе самое опасное место. Он держал руками и корпусом ту часть двери, где был замок, и выглядел, как столб, который не сдвинешь. Жандармы угрожали, ругались, лупили по двери, толкали ее, но дверь осталась неподвижной. Вообще, когда бы наша группа не вступала в переговоры с управой по тем или иным проблемам, всегда все кончалось нашей победой, так как мы на переговоры обязательно посылали Жарко. Мирные дни в тюрьме посвящались учебе и чтению. Жарко нас учил разным предметам...»

В Сремской Митровице Жарко оказался между очень известными коммунистами-заключенными, такими как Моша Пияде, Иван Милутинович, Павле Пап, Отокар Кершовани, Огњен Прица, Йован Веселинов... Политическую жизнь заключенные так организовали, что тюрьму превратили в марксистский университет. Жарко успешно завершает все ступени идеологических курсов. Совершенствует знания русского, немецкого, венгерского и турецкого языков. Жарко помогает Моше Пияде в переводе «Капитала» К. Маркса. Работает над переводом с русского языка книги М. Шолохова «Поднятая целина», с венгерского на сербский переводит прогрессивные книги. Он с успехом руководит начальными курсами для тех политических заключенных, которые были осуждены на короткие сроки. Когда проводился фундаментальный анализ ситуации в стране, а также организационного состояния в партии, Жарко и Йован Веселинов провели тщательный анализ опыта партийной работы в Воеводине. Жарко все время поддерживал связь с товарищами на свободе через курьеров (членов нашей семьи — отец Жива, брат Спасое, сестры: Анджа, Вера и Любима). Они и товарищи, за которыми не было слежки, как за коммунистами, часто носили пакеты с продуктами заключенным в Сремской Митровице. При кратких встречах с Жарко получали указания, которые передавали в определенные места в Воеводине.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

«Мы, коммунисты, не боимся никаких угроз»

Это было 6 апреля, когда Жарко вернулся после трехлетнего заключения в тюрьме. Мы его ждали в Избиште, на встречу вышли почти все жители села. Это событие, вопреки жандармам, секретарю и полиции, опровергало пословицу: «Нет пророка в своем отечестве». Люди ежедневно спрашивали, когда точно вернется Жарко. По нашему мнению, это должно было произойти около 2 апреля. Мы ему выслали деньги на оплату дороги и новую одежду. А Жарко те деньги оставил друзьям в тюрьме, а сам поехал в сопровождении стражи бесплатно. Нам он сообщил, что приедет примерно 6 апреля.

Жарко приехал поездом в полдень на ульманскую железнодорожную станцию. На станции было очень много народа. Жарко выскочил из вагона, не дожидаясь остановки поезда. Глазами искал нас, своих самых близких, а мы все от возбуждения чувствовали мурашки по всему телу. Вдруг я увидела жандармов и забеспокоилась. Что сейчас будет? Сестры и брат тоже заволновались. А тут появились стройные, крепкие фигуры Нисы, Баты, Велька, Бранка. Они спрыгнули со своих парадных коней, сами были красиво и торжественно одеты, подбежали к Жарко и стали его крепко обнимать. Жандармы исчезли. Жарко был жизнерадостен и улыбался, вся его фигура излучала силу — этого у него неприятель не мог отнять. Когда он обнял меня, шепотом сказал: не надо плакать. Мои дети Слободан (Миличевич) и Предраг (Миличевич), уже ученики I и II класса, повисли на шее и плечах Жарко, крепко обнимая его своими слабыми детскими ручками. Он их поднимал высоко, а сам спрашивал:

— Научились читать?

Горячие вороные кони несли своих кавалеристов и перед и после парадной повозки, разукрашенной и торжественной, в которой сидел Жарко с отцом и дядей. В Избиште толпы взрослых и детей стояли, начиная от первых домов. Долетали крики «Добро пожаловать, Уча!». А когда мы входили на нашу улицу, путь был посыпан зеленой травой и весенними цветами — первое поздравление Жарко принял от своих бывших учеников. Они стояли, как на страже, с обеих сторон улицы, взволнованные девочки и мальчики, которые три года назад остались без своего Жарко, как сироты. На первом углу одна женщина посыпала путь житом из сита и призывала всех: «Женщины и мужчины, соберем денег для Жарко, пусть он поедет в Россию, чтобы его здесь эти мерзавцы не мучили».

Перед нашим родным домом горел костер. Ворота были широко распахнуты. В просторном дворе наша тетя поставила большой стол, как для свадьбы, праздника, обручения и вынесла праздничные угощения для всех, кто пришел. Во время паузы за столом уже было полно людей, Жарко шутливо спросил: «А где ваши жандармы?» Раздался смех и шутки. Кто-то из крестьян ответил: «Этим вечером их было около десятка, а сейчас их нигде нет!»

Начались разговоры. Жарко рассказывал о жизни в тюрьме. В селе было очень оживленно. Хотя был рабочий день, народ не пошел в поле, завершалась подготовка к вечернему торжеству и к спектаклю «Барсук перед судом».

На праздник пришел и дядя Веля, священник, он рассказал нам, как его по дороге перед общиной, спросил писарь Миле — куда ты идешь? Когда он ему ответил, что идет на праздник и спектакль, писарь ему сказал, что это — коммунистический праздник в

честь Учи. Дядя Веля ему ответил, что это ему не мешает, он знает Жарко с детства, Жарко рос вместе с его детьми и что он не имеет ничего против такого коммунизма, который Жарко исповедует. Дядя Веля наслаждался программой, он и сам был музыкант-любитель. Он единственный угадал песню без слов, которую сыграли музыканты-тамбураши, это была песня «Митровчанка».

* * *

Прошло немного времени, и власти перебросили Жарко из Избиште в г. Вршац, чтобы им было легче его контролировать.

Жарко между тем продолжал прежнюю работу. Собирал около себя людей, разговаривал, объяснял непонятные вещи, сообщал им новости и свои соображения о ситуации.

Обычно он ездил на велосипеде, считая, что в таком случае ему легче уйти из-под надзора полиции. Но все-таки однажды его вызвал шеф полиции и строго запретил ему двигаться по городу и встречаться с людьми.

Жарко, глядя ему прямо в глаза, напомнил о конституции и о законах.

— Мы, коммунисты, не боимся никаких угроз и давления. Вы начинаете бесполезную борьбу. Я подчиняться не буду.

Сказав это, он на велосипеде отправился прямо в отель «Сербия», где он довольно долго разговаривал с адвокатом Александром Жижем, депутатом от демократов.

Полиция сделала вид, что смирилась с этим, но предпринимала все меры, чтобы выяснить, что делает Жарко и о чем разговаривает.

Следили за ним на каждом шагу, но Жарков велосипед был быстрее. Навести порядок в партийной организации, привлечь туда больше людей, сообщать им о главных событиях — это была работа, которую он должен был совершать быстро и оперативно.

Чтобы избежать провокаций и провалов, Жарко и в партийную работу вносил новые необходимые методы нелегальной борьбы. Все встречи организовывал в темное время суток. На них присутствуют симпатизирующие рабочие, которые еще не были проведены в дело. В мрачном зале люди не узнавали друг друга, ни Жарко, который выступал. Этот метод работы не смогли открыть жандармы до конца, а он служил более быстрому объединению прогрессивных людей.

Об этом я сейчас ничего бы не знала из-за строжайшей конспирации, если бы однажды летом 1936 года, Жарко не попросил у меня ключ от нашего небольшого домика в виноградниках и, улыбнувшись на мой удивленный взгляд, сказал несколько слов о

необходимости собраний в темное время суток. Известно мне, что и в этих целях использовался дом Матеи Матеича (промышленника из Вршца), а также и его дом в винограднике на горе в г. Вршац.

И дом наших родителей на Темишварской улице, 38 был на службе партии. Отец там, в своей маленькой лавке, принимал поручения, которые Жарко передавали его товарищи. Это было очень удобно, так как полиция не могла непрерывно следить за домом и записывать, кто приходит и кто уходит, кто из большого количества покупателей подозрителен, а кто — нет. А люди к Жарко приходили все чаще, подпольщики смешивались с покупателями табака, соли, муки, они и сами кое-что покупали, а в сущности дожидались удобного момента, чтобы подойти к отцу и спросить о Жарко. Этот маленький магазинчик служил и для хранения нелегального материала. Часто и я приходила сюда, если успевала.

Рынок зерна в г. Вршац

Жарко работал, как говорится, днем и ночью. Люди приходили к нему и в дом наших родителей. Он часто вставал сразу после полуночи, сон его длился едва 4 часа, и он куда-то уходил. Мама меня в то лето и в начале осени всегда с беспокойством спрашивала: «Что ты думаешь, куда Жарко уходит так рано каждое утро до утренней зари?». Я и сама не знала и решила его спросить. Мы со страхом думали, что его могут опять арестовать и мучить.

Однажды я из школы пошла прямо к нему. Он как раз работал над переводом венгерской художественной книги «Игра вихрей», как мне помнится. Он мне обрадовался, так как сам собирался меня поискать.

— Посмотри эту книгу. Ничего особенного, обычная вещь, но издатели печатают сейчас только это. Я взялся за перевод только из-за гонорара.

Я с ним согласилась и предложила свою помощь. Тогда я его и спросила, куда он уходит из дома рано утром и не опасно ли это. Он меня по-братски обнял и говорит: «Раз тебя это интересует, приходи в 2 часа ночи на ярмарку зерна, подойди к каменному столбу. Я буду там стоять».

Около двух часов я вышла из дома и пошла по главной улице Вршца. На углу магазина обуви «Бата» большая лампа освещала витрину. Свет разливался и по базару. А там, вдали, на каменном тротуаре, полумрак. Видно было, что там стоит высокий столб. Около столба темные фигуры людей. Одни стояли, другие сидели у подножья памятника

погибшим в венгерской революции 1848 года. Слышно было, как они переговариваются. Я поискала глазами Жарко. Легко заметила его стройную, высокую фигуру. Я к нему подошла. Он разговаривал с людьми. На морщинистых лицах крестьян были видны следы бессонных ночей и тяжелого труда. Через плечо у них висели кожаные сумки. В них — хлеб, немного сала или шкварок. Большинство говорили на венгерском языке. Они жаловались, что им снизили плату за труд. Их слова были полны печали, но также и возмущения. Жарко внимательно слушал. Группа около столба все время росла.

Занимался рассвет. Подходили и богатые виноградари – известные в Вршаце немцы. Здесь, на рынке зерна, продавалось не только жито, продавалась и покупалась рабочая сила. К группе подошел полный человек. Он выглядел безмятежно. Широкая золотая цепь блестела на его огромном животе. Подойдя к группе крестьян, он стал рассматривать их, оценивая физическую силу. Было видно, что у него есть в этом опыт. Ему нужна была рабочая сила, и он хотел, чтобы тот, кого он наймет, имел мощные широкие плечи. Подошел к юноше среднего роста с широкими плечами и стал его спрашивать:

— Как тебя зовут?

— Джордже, — отвечает молодой человек.

— Иди со мной! Сегодня я плачу по 7 динаров за день, до захода солнца, — почти приказал немец.

Юноша колебался, а все-таки пошел за работодателем. И другие посредники выбирали себе работников. Всегда отбирали тех, кто помоложе и покрепче. Женщинам предлагали работу за половину платы. Использовали их тяжелое положение, которое стало критическим из-за засухи. Сбор винограда начался раньше, чем обычно. Жарко смотрел на меня. Около нас стояла молчаливо группа людей. Мы подошли к ним ближе. Я заметила женщину с маленьким черноглазым ребенком на руках.

— Подорожал хлеб, госпожа, — обратилась она ко мне, — а осень только начинается.

Вместо ответа я засмотрелась на малыша. Я хотела ее спросить, есть ли у нее молоко для ребенка, но у меня слова застряли в горле. С этой женщиной надо совсем по-другому говорить.

— Сколько дней вы без работы? — спросил Жарко.

— Всего два или три дня в неделю работаем, — отвечала женщина. — Если б у меня не ребенок, было бы легче и по-другому. Самое тяжелое то, что сегодня у меня в доме нет ни крошки хлеба. — Она опустила голову, как будто что-то ищет. Лицо у нее было бледное.

Люди стояли на площади как потерянные. Некоторые ходили от одной группы к другой без цели. Мне казалось, что они обескуражены, унылы, как будто раздавленные муравьи и не знают, что делать, куда им деться.

— Хочешь работать — тебе не дают, голоден — а хлеба нет, и так всю жизнь.

Женщина с ребенком пошла дальше. Куда? — подумала я, у нее в голове только пустой дом без хлеба. Я давно знаю эти дома. Они в «Балате», старые, дряхлые, промокают под дождем. Это северный район г. Вршаца, где живут наемные рабочие, не имеющие земли, люди всех национальностей, все жадно ждут хоть какой-то работы и хлеба. От этих мыслей меня отвлек Жарко.

— Анджа, если у тебя есть при себе деньги, сходи в пекарню и купи хлеба на всех людей, которые тут стоят.

Дорогой голос моего брата! Я знаю, что он меня не просил бы, если бы сам имел деньги. Заглянула в свой кошелек. Из пекарни ширился запах свежего хлеба. Я позвала людей с собой. Мы вошли в пекарню. Один малыш схватил румяную булочку. Бабушка его поругала, а сама не могла оторвать глаз от огромной горы больших батонов.

— Возьми, возьми, — сказал Жарко мальчику, передав ему булочку прямо в руки, по которым его бабушка только что шлепнула.

Слышалось лишь возбужденное дыхание людей. Жарко каждому вручал по батону. А я заметила, что они не удивились этому угощению. Я подумала, что это не первый раз происходит. Жарко, когда мог, делал это, чтобы хоть как-то помочь людям. Когда я подошла к пекарю, чтобы заплатить за хлеб, он мне показал книгу, где было записано довольно много долгов Жарко за хлеб. Эти долги оплатили мой муж и я из наших учительских зарплат. Я вышла из пекарни — голодные люди жадно ели булки. Жарко и я отправились ко мне домой.

— Ну вот, теперь ты видела, как выглядит один день жизни наемного работника, — говорит мне Жарко. — Чтобы ты сказала, если бы видела все их дни жизни? А если бы сама оказалась в их положении?

На улице уже во всю рассвело. Люди шли по городу туда-сюда. Некоторые с нами здоровались. Жарко заметил на моем лице, что я еще мысленно на базаре зерна. Он знал, о чем я думаю и что чувствую.

— Ты слышала там, как Краус снизил плату наемным работникам, — говорит Жарко. — Его самодурство подхватили и другие владельцы. Крестьяне должны организовать, это ясно. Им нужно помочь в этом деле. Видишь, как связана наша революционная теория с практикой.

«Партия — лучший воспитатель людей»

Однажды мама, вернувшись из города, почти сердито обратилась к Жарко:

— Я проходила мимо кафе, буфетов, пивных. Там звучала песня и гармоника.

Гуляли рабочие, притом те, с которыми Жарко часто разговаривал. Видела и Джордже, абсолютно пьяного. Ты ему даешь книги, чтобы он их читал и стараешься из него воспитать просветителя, а он — кутила, а ты в это время подвергаешься преследованиям и мучениям. У тебя нет времени даже выспаться. Их не волнует, что тебя может убить полиция! Задумываются ли они, за кого ты борешься? Я считаю, что такие пьяные ни о чем не думают.

Жарко внимательно слушал эту грозную мамину речь, обнял ее и тихо сказал:

— Мама, я все это знаю, но я знаю и почему пьют эти рабочие, и почему Джордже все еще напивается. Пьяницей был и его отец, и его дед. Они очень бедная семья, очень тяжело живут. Джордже никто не воспитывал. Он — пролетарий. И он, как и весь пролетариат, должен бороться за лучшую жизнь. Из-за этого я так к ним внимателен и лично стараюсь их просветить. Этим занимается и наша партия. Партия — самый лучший воспитатель народа. Ты скоро увидишь, что Джордже и остальные перестанут быть пьяницами. Они станут честными и трезвыми работниками.

Мама лишь посмотрела на меня недоверчиво, пожала плечами и пошла домой переодеться, а Жарко и я разговаривали о необходимости достать подходящую литературу для Джордже и его друзей. Я восхищалась безграничной верой Жарко в этих людей и старалась тоже в них поверить. Искала всевозможные факты для этого, а потом я поняла, что Жарко знает что-то о них намного больше меня, и этому я должна научиться. Однажды я проходила мимо двора владыки и видела одного рабочего, как раз это был Джордже, как он косит траву и приводит в порядок цветник. Владыка прогуливался по дорожке, наслаждаясь и разговаривая о чем-то с Джордже. Я замедлила шаги, чтобы услышать, о чем они говорят. Не могла я слышать каждое слово, но то, что я расслышала, было для меня важно.

Владыка спросил у Джордже, почему он требует более высокую плату. Лицо Джордже, румяное, круглое, типично банатское озарила улыбка, а черные его глаза заблестели, когда он смотрел на владыку.

— Сейчас все сильно подорожало, а мы, крестьяне, работаем лишь в сезон.

— Даст бог и опять все станет дешевле, — говорит владыка.

Джордже засмеялся и говорит:

— Бог никакого отношения к подорожанию не имеет, этим занимаются спекулянты и богачи.

Владыка вздрогнул и удалился.

На следующий день я это все рассказала Жарко. А он мне говорит:

— Джордже и остальные крестьяне, конечно, пролетарии этого города. Они принадлежат к рабочему классу, представляют ее большую часть и от них зависит многое. А то, что некоторые из них пьют ракию [*Сербская водка. — *Примеч.пер.*] и вино, а иногда напиваются — это не только их вина. Современное государство и общество о них не заботится, не просвещают их, не создают им условия жизни, достойные человека. Мы им поможем и в смысле просвещения и классового сознания. Это — задача партии. Если кто-то оторвется от нас, придут другие, передовые. Они будут отличными борцами, ты это увидишь.

Мы расстались с братом, я обо всем этом думала и почувствовала, что и я поверила в силу пролетариата в первый раз. По дороге я думала о подчеркнутом слове Жарко «мы». Это, наверное, из-за конспирации, думала я, чтобы не говорить, кто еще.

Следственный изолятор в Петровграде (Бечкереке)

Неожиданно в один из холодных ноябрьских дней 1936 года полиция арестовала много рабочих и студентов из г. Вршац и округа. Среди них — и Жарко. Отправили их в Петровград. Там уже долгое время шло следствие по делу арестованных из Кумана, Меленача, Бечея — около 120 человек из Воеводины. Весной 1937 года 56 человек из них предстали перед судом. Сорок — были осуждены, а среди освобожденных из-за недостатка доказательств был и Жарко. Он нам позже рассказал, что это был провал в партии в ее верхушке, даже в Вене. Жарко рассказывал нам, как полицейские мучают людей. Привязывают человека к двум железным кроватям и бьют его все по очереди, кричат оскорбления в их адрес, а потом привязывают его так, чтобы можно было бить по подошвам ног и по почкам какими-то проволоками, пока человек не потеряет сознание.

Руди Корнауэр, и сам побывавший в тюрьме, после освобождения рассказывал нам: «Полицейские камеры были переполнены людьми. Каждый день — допрос, пытки, опять допрос. Ясно, что цель была измучить людей, деморализовать их и заставить предать товарищей — сказать все, что они знают о нелегальной работе. А когда человек начнет

говорить, тогда все катится вниз. Прижали и группу в г. Вршац. Некоторые слабаки начали сотрудничать с полицией и давать ей кое-какую информацию, или всё, что знали, как сделал Воя Завишин. Нависла опасность, что будет открыта организация.

Однажды поздно вечером мы увидели через открытую дверь, как один человек очень тяжело движется по коридору, опираясь и на руки, и на ноги одновременно. Лицо его было черным, а опухшие уши, как черные волдыри висели в разные стороны.

Когда мы слышали теплый голос «товарищи», и на нас посмотрели два черных глаза, только тогда мы узнали товарища Жарко.

— Не соглашайтесь ни с чем на допросе, сколько бы вас ни мучили! Это все провокации. Все это расскажем на суде...

Охранник потащил Жарко в его камеру, так как боялся, что его увидит другой охранник, более жестокий.

В ту ночь мы не сомкнули глаз. Каждый из нас набирался новых сил для завтрашней борьбы.

— Как это Жарко сумел привлечь на нашу сторону охранника? — спросил меня юноша-сосед по камере, вздрагивая от возбуждения».

Другой рабочий из той группы Сава Мунчан, рассказал нам: «Переместили нас в одно помещение судебного здания из-за каких-то ремонтных работ в полицейской тюрьме. Это был какой-то зал. Огромный, просторный, а в середине большой стол. Мы все расположились вокруг на полу. Полицейские следили за нашими движениями. Ночью, когда полицейская слежка уменьшилась, Жарко осторожно и медленно подползал к каждому из нас. Двигался он с большим трудом после пыток, которым его подвергли. У него отекали и руки, и ноги, и голова. Но, несмотря на боль он упорно в течение всей ночи под предлогом, что ему надо зажечь сигарету, добирался до каждого человека, которому надо было прошептать два-три слова в связи со следствием, о том, как держаться и в связи с предстоящим судом. Я смотрел на него с восхищением и удивлением. Неужели в эти моменты, когда после ужасных мучений наши жизни, как я думал, висят на волоске, у Жарко есть силы ободрять нас всю ночь и вселять надежду, давая нужные нам советы. Я думаю, что любой человек на его месте больше всего хотел бы, чтобы его оставили в покое и дали спокойно умереть — и ничего больше. Его поведение было выше человеческих сил».

Марко Перович пишет: «Я был в той же группе. Закончилось следствие. Мы ожидали суда, который наступил не так быстро. За это время товарищи оправались от избиений, чему во многом способствовала организация передач продуктов с воли. Доставка продуктов производилась тяжело, как только можно себе представить. На

свободе оставалось очень мало членов организации. Человек тут в тюрьме себя чувствовал, какой он сильный, непобедимый, когда рабочий народ ему помогает и подключается к его борьбе, как к своей, и когда видит, как рабочие люди находят возможность и пути, чтобы оказать помощь и включиться в борьбу в таких тяжелых условиях. Постепенно исчезли следы избиения и другие проблемы, продукты и остальное сделали свое дело. Товарищи переключили все внимание на теоретическую работу для поднятия своего уровня грамотности. Проводили дискуссии, происходили горячие споры о многих вещах, так как мы еще очень плохо знали науку марксизма-ленинизма.

И пока мы по своим камерам читали лекции, проводили дискуссии по многу часов, Жарко готовил материал для преподавания. Писал этот материал, точнее сказать, писал его своей рукой печатными буквами на папиросной бумаге и на той бумаге, в которую были завернуты продукты, переданные нам с воли от наших товарищей. Он эту бумагу сначала сушил, потом прессовал. Затем своими руками печатал буквы на ней.

В нашей комнате, насколько я помню, это была комната 47, развернулась дискуссия об организационной структуре нашей партии и о задачах ячеек и некоторых форумов. Дискуссия длилась долго, а особенно горячо мы обсуждали задачи окружного комитета. Я помню заключение — из-за несогласия в дискуссии во время «прогулки» мы должны обратиться к Жарко и, по возможности, послушать его мнение об организационных вопросах КПЮ. Это задание получили два товарища. Один из них был Деян Бранков. На первой прогулке после нас произошло именно то, на что мы надеялись. Дело дошло до контакта с Жарко и это помогло выполнить поставленную задачу. На нашу просьбу Жарко ответил очень коротко:

— Завтра получите ответ на все ваши вопросы.

Мы, конечно, не догадались, что речь идет об уже написанном реферате «О ячейке и ее задачах», где он обработал материал, посвященный вопросу организационной структуры партии, и где говорилось о задачах МК (Местного комитета), ОК (Окружного комитета) и т.д.

Мы с нетерпением ждали завтрашнюю «прогулку». Все повторилось и на следующий день, как в прошлый день, т.е. опять случилась встреча с Жарко, когда круг замкнулся. Жарко дал нам знак, что хочет что-то вручить, использовав момент при входе в ворота при возвращении с «прогулки». Улучив момент, очень ловко Жарко положил одному товарищу в карман какую-то бумагу. Когда мы поднялись по лестнице и вошли в свою камеру, а по звуку замков и ключей мы поняли, что стражник сделал свое дело, мы достали полученную от Жарко бумагу. Сколько радости и воодушевления вызвала в нас эта бумага, на которой красивыми печатными буквами было написано все то, что мы

хотели узнать! Наступила тишина, но все-таки было что-то слышно, прочитанное шепотом, а мы замерли, стараясь не пропустить ни одного слова, которое было сказано самым тихим шепотом, но достаточным, чтобы было слышно всем.

Мы читали, потом анализировали фразу за фразой. Каждое предложение было так сформулировано, что оно охватывало по одной из задач ячейки. Особый случай был при чтении той части реферата, который говорил о личности коммуниста. Мы читали и сравнивали с тем, что раньше утвердили в дискуссиях. Один из товарищей дал наивысшую оценку нашим выводам, когда сказал:

— Товарищи, мы видим, что еще даже букву “А” не выучили из науки марксизма-ленинизма.

Благодаря Жарко, его рефератам, напечатанным и дальше его буквами на бумаге для заворачивания продуктов, все товарищи в тюрьме могли многое изучить, и что особенно важно, правильно понять. Так это и было.

Эта работа Жарко, его храбрость, смелость, его веселый жизнерадостный дух и смех, его достойное поведение, твердые шаги, его взгляд, который как чистый горный воздух освежал душу — все это вливало веру в достижение цели — освобождение трудящихся от ярма эксплуатации, а, с другой стороны, это его превратило в любимца и ценного друга людей.

Несколько позже мы узнали, в каких условиях Жарко писал эти рефераты. И мы поняли, что никто из товарищей на его месте не смог бы преодолеть все преграды, которые стояли на его пути» [*Из книги «Svedocanstva I dokumenta» (Свидетельства и документы). Prosveta (Просвещение), 1951. — *Примеч. авт.*].

«Теперь у нас нет времени для учебы»

После возвращения из Петровградской тюрьмы Жарко сразу продолжил начатую работу, даже не отдохнув. Я его нашла дома, сидит и что-то пишет. Он работал у окна в кухне, где хозяйничала мама, поглядывая во двор. Я заметила, что дыра в стене была замаскирована доской, которую Жарко при необходимости мог быстро вытащить и спрятать туда рукопись.

— Что это? Опять переводишь что-то с венгерского, — спросила я.

— Как видишь, это перевод с русского, — отвечает он и подает мне рукопись, улыбнувшись. Поразило меня то, что он в тюрьме выучил русский язык.

— Мы учили русский язык коллективно. Получалось легко, совместной волей, помогали любовь к языку Ленина, языку большевиков и великого русского народа.

— Вы с Чедой тоже должны учить русский язык. Каждый день понемножечку, потому что вы работаете, заняты, но учите упорно и систематически, так что через какое-то время будете читать на прекрасном русском языке.

— Я бы хотела. Может быть ты бы мог организовать курс русского языка, — говорю я с воодушевлением. Эта инициатива поднимает мое настроение. (Курс русского языка мы организовали в 1939 году в рамках женского прогрессивного движения, который, к сожалению, полиция быстро запретила.)

— А что это за книга? — спрашиваю с интересом.

— «Аграрная политика немецкого фашизма», автор Сегал.

Я поняла, что не знаю, кто такой Сегал, это понял и Жарко и тут же мне объяснил. Он подчеркнул, что это единственная книга, разоблачающая немецкий фашизм.

— Эту книгу мы размножим и распространим среди рабочих и симпатизирующих нам по всей Воеводине, — добавил он.

Тем временем Жарко встречался все с большим числом людей — обувщиками, металлистами, студентами, учителями и другими. Они не задерживались надолго. Жарко их научил дисциплине, оперативности и другим полезным навыкам в работе при выполнении порученных им заданий. Жарко часто приходил к Чедо и ко мне на улицу Стевана Високог, 8. Дом стоял на отшибе, так что можно было входить в него незаметно. Дом был очень подходящим для нелегальной работы. Кроме того, мы со всех сторон у нас были очень хорошие соседи, среди которых были немцы, венгры и было много родителей наших учеников.

Так Жарко мог приходиться тогда, когда ему было нужно. Обычно он появлялся около полуночи, чтобы вместе слушать радио Москвы. Для нас тогда это было очень важно для организации коммунистов. Согнувшись над радиоаппаратом на низком столике, он слушал внимательно тихие звуки кремлевских курантов и мелодию песни: «Вставай страна огромная...», в этой песне в финале сияет заря свободы, и нас охватывала энергия веры в победу, а лицо Жарко сияло чудесным светом.

Однажды вечером он начал разговор о нашей учебе на философском факультете заочно.

— У нас сейчас нет времени для учебы, — сказал он нам.

— Я понимаю, что вы использовали первую возможность, когда учителям разрешалось поступать в университет. Ваша профессия — педагогика, а немецкий и французский языки вы знаете, поэтому вы бы получили университетское образование,

несмотря на все ваши остальные должности и дела. Два семестра у вас уже пройдены. Но наша борьба требует высокой активности и каждый момент времени от коммунистов и сочувствующих, а так же всех передовых людей и патриотов.

Чеда и я согласились с ним. Жарко попросил нас любым способом найти время по вечерам и помочь растиражировать книги Сегала, что мы и начали делать через несколько дней.

Весь материал стоял уже подготовленный в доме наших патриотов в кладовке под верстаком. В кухне был разложен большой стол, а в печке зажгли огонь — на всякий случай. Собрались помощники: Марко Перович, студент, коммунист; Васа Вргович, обувщик, наши брат Спасое и сестры Любима и Вера, Петар Фолян, венгр, наш кассир (он у рабочих собирал по динару для передач, которые мы посылали в тюрьму Жарко и его товарищам, он и сам давал щедрые взносы, продукты — сало, копченое мясо...).

Помощников было достаточно, и я обычно раньше возвращалась домой, а Чеда оставался до конца. Возвращаясь, я всегда искала маму и отца; они у нас стояли на страже — мама у окна в комнате, а отец — около ворот во дворе. Тиражирование происходило с утра до поздней ночи, а затем — упаковка.

Петар Фолян упаковывает в свой меховой полушубок огромное количество книг, а Жарко подсказывает, как их сложить и связать, закрепить в этом полушубке, когда он поедет в Белград. Это была непростая работа. Я только зашивала отдельные места. Жарко два раза испробовал на Петаре этот груз, а потом дал ему указание, как вести себя в поезде, объяснил ему, как найти аграрный банк в Белграде, где его ждет человек с паролем. Петар должен был десять раз повторить пароль. Этой ночью я совсем не могла заснуть. Петар отправился ранним утренним поездом. Назавтра Жарко не было дома. Сестра мне сказала, что он ночью уехал куда-то на велосипеде. А когда Петар Фолян вернулся, ему было что нам рассказать.

Он рассказывал на венгерском языке: «Хорошо добрался до этого аграрного банка. Заметил молодого человека, который смотрел на меня. Вдруг заметил около себя с правой стороны велосипед. Смотрю — Жарко. Закружился около меня весь Белград. Поэтому мокрому снегу и ветру он 90 километров сопровождал поезд и меня, чтобы оказаться рядом со мной, если понадобится помощь».

Петара мы поздравили с успешным завершением задания.

Партийная техника в г. Вршац

В апреле 1936 года после возвращения из тюрьмы из Сремской Митровицы, однажды в разговоре Жарко мне говорит:

— Нужно срочно найти займы или купить исправную пишущую машинку, но такой марки, которая самая распространенная в г. Вршац. И ты ее перенесешь в ваш дом, а объяснишь это тем, что вы с Чедой будете перепечатывать учебник, рукопись которого вы готовите.

Вскоре как раз такую машинку «Adlericu» [Адлерица – *Примеч. пер.*] я смогла найти у одного адвоката — Богандфия, венгра. Эту машинку отнес куда-то из нашего дома Браца Петров, ученик гимназии. Жарко мне не сказал, где она и для чего нужна, я и сама об этом не спрашивала, уважая партийную конспирацию. В разговоре с Жарко я много узнала о борьбе в Испании [Республиканцев против фашистов – *Примеч. пер.*] и о планах немецких фашистов, а также о борьбе коммунистов у нас в стране.

Так мне ситуация и в Вршаце стала яснее. Я хотела, чтобы это было ясно и другим порядочным людям. Решила договориться с Жарко, что я напечатаю на машинке нелегальный материал. У меня уже был опыт работы с нелегальной печатью: тиражирование книги Сегала, а до этого – газеты «Ленинист», которые готовил Жарко и размножал в Избиште. Целые брошюры и листовки были написаны рукой Жарко. Он писал четкими правильными буквами и ряды слов выглядели как в напечатанном тексте, а строчки все ровные и одинаковые. Такое письмо рукой было очень медленной работой, она продолжалась часто и ночами. Но для рабочих и коммунистов эти буквы были дороже и милее, чем напечатанные, а кроме того и легче для чтения. Жарко их писал чернилами, специальным карандашом и это давало возможность их размножить на шапирографе. Это было великое достижение на ниве пропаганды и идеологического роста сельских и рабочих масс, когда связи с центральным руководством были прерваны, когда партийные организации после монархо-фашистских погромов переживали кризис. Жарко также написал и размножил брошюру «Национальный вопрос». В то время, когда силы фашистской оси оккупировали малые страны и когда гитлеровская национал-социалистическая политика нагло угрожала славянским народам физическим уничтожением, маленькая брошюра учила сербов, хорватов, словенцев, македонцев, черногорцев, албанцев, русинов, венгров и румын — что такое национальный вопрос, как он может быть решен в Югославии, а особенно в Воеводине, где наиболее сложная ситуация из-за большого количества национальных меньшинств.

Брошюра охватывала следующие главы:

I — В чем сущность национального вопроса (с шестью подзаголовками).

II — Лозунги национально-освободительной борьбы.

— Право народа на самоопределение.

— Экономическая политика и эксплуатация.

— Аграрный вопрос.

— Свободное развитие национальной культуры.

— Выход (Отсоединение) — это право, а не обязанность.

— Не всякое национальное движение прогрессивно.

— Окончательное решение национального вопроса.

III — Национальный вопрос в Югославии.

— Освобождение и объединение в Югославии.

— Сербская буржуазия угнетает и обирает народы Югославии экономически, культурно и политически.

— Отсоединение не всегда в интересах одного народа.

— Народное согласие – решающее при разработке крупных вопросов.

IV — Национальный вопрос Воеводины (в заглавном тексте).

Брошюра «Сельский вопрос» — тоже Жаркова теоретическая работа, учила коммунистов, что крестьянство — самый важный и необходимый союзник рабочего класса в борьбе против капитализма-империализма. Это марксистско-ленинская теория, которая уже была реализована на практике в СССР. А в старой Югославии буржуазная печать не доносила истину об Октябрьской революции, о растущей мощи СССР. КПЮ поэтому должна была через нелегальную печать, рефераты и дискуссии объяснять, в первую очередь, своим кадрам, а через них и широким массам, что такое аграрный вопрос и почему так важно его правильное решение.

Брошюра содержала следующие главы:

— в чем заключается эксплуатация крестьян капитализмом;

— о положении крестьянства;

— о феодальных помещиках и аграрной реформе;

— о привилегированном Аграрном банке в Воеводине;

— о рабстве с помощью налогов, ростовщиков и банков;

— о политике цен, экспорта, пошлин, перевозок;

— об аграрном кризисе;

— о борьбе крестьянства и борьбе коммунистов;

- о крестьянстве, как союзнике пролетариата в буржуазно-демократической революции Югославии;
- о решении крестьянского вопроса в СССР и в других странах.

Ни одна из этих брошюр не попала в руки неприятеля и не была открыта врагами [*Сейчас все упомянутые теоретические работы Жарко находятся в музее г. Вршац. Брошюры «Аграрный вопрос» сохранил Душан Йованов, крестьянин, коммунист и в то время секретарь партийного комитета района из Маргите. Он в начале войны эти свои брошюры закопал в землю, а после освобождения передал их мне. — *Примеч. авт.*].

Не были открыты неприятелю даже те сотни экземпляров книги Сегала, которые я и Чеда в чемоданах поделили между передовыми учителями на конгрессе Учительского общества в Баня-Луке в 1939 году. На том конгрессе были и учителя реакционных взглядов, лояльных режиму, но учителя-коммунисты те книги очень искусно и незаметно распределили между собой. Это все организовали Велько Дугошевич, Миладин Иванович, Милисав Миошкович и еще некоторые молодые учителя-коммунисты. Партийная техника все больше развивалась и распространялась, так как и задачи партии были все сложнее и объемнее. Пропагандистский материал распространялся по Южному Банату и Воеводине, и все больше по другим районам страны. Самый объемный и значительный вклад был внесен с 1936 по 1939 год в Темишварской улице, 32; в Спаичевой, 3, куда переселились наши родители и Жарко; затем на улице Високог Стевана, 8; на Стериинной улице рядом с гимназией, в доме Обрада и Аны Бранков, как и в доме Косте и Эмилии Грубачич на Стериинной улице, 87. Материал мы прятали в винограднике Мате Матеича. Технику мы берегли как зеницу ока. Жарко необычайно быстро и точно оценивал, когда полиция была возбуждена, когда она теряла голову из-за какого-нибудь крупного внешнеполитического события. Например, когда случился «аншлюс» Австрии, Жарко у себя дома спокойно занимался нелегальной работой и подготовкой выборов. Самый важный нелегальный материал Жарко прятал в дупле верхней части ворот. С наружной стороны дупло было заделано и выглядело как украшение, а со двора забито доской и хорошо замаскировано. Полиция много раз проводила у нас обыски, но так и не открыла наш тайник.

Забота о людях

Жарко непрестанно заботился о людях, особенно о своих соратниках и их семьях. Однажды он мне велел, когда я получу зарплату, чтобы половину отнесла маме Анджи и Исы Йовановичей. На улице Йована Йовановича «Змая» в г. Вршац в квартире на 1-м

этаже я застала их маму в кровати, больную. Она, увидев меня, подумала, что к ней пришла ее землячка, но когда я ей передала привет от Жарко и конверт, в котором были деньги, пожилая женщина заплакала от радости, что есть люди, которые заботятся о ней и о старом дяде Матее.

Когда партийная работа стала развиваться, и ее результаты чувствовались в городе все больше, полиция стала все чаще арестовывать не только коммунистов, но и прогрессивных людей. Арестовывала кормильцев семей, как зимой так и летом. Жарко считал своей важной задачей заботиться о беспомощных матерях и детях. Он, кроме организации материальной помощи, часто навещал обеспокоенных и горюющих родственников арестованных товарищей, навещал их родителей, жен, детей. Он постоянно интересовался, как они себя чувствуют, и как живут. На человека он никогда не смотрел как просто на средство для борьбы и работы. Часто цитировал Максима Горького: «Человек — это звучит гордо!». В то время к рабочим часто относились очень несправедливо. Жарко интересовался такими случаями и часто лично добивался справедливости для тех людей, которые пострадали.

Он постоянно заботился и о нашей семье. Сколько бы Жарко ни был занят своими делами, он всегда находил время помочь матери в ее домашних делах: принесет сноп клевера из сада или окрасит старые яблони во дворе. А когда мама заболела ангиной, Жарко всю ночь не отходил от нее. Чистил ведра около ее кровати до блеска, когда мама, потерявшая много сил и с высокой температурой, хоть ненадолго, засыпала. В этом же году заболела и младшая сестра Вера азиатской холерой. Болезнь обнаружилась поздно вечером. Вера потеряла сознание, давление сильно упало, а температура не дала возможности Вере самой сходить к врачу. Заказать фиакр — очень дорого, а помощь нужна была срочно. Жарко поднял сестру на плечи и так нес ее более километра к врачу. К счастью, врач успел принять меры в последний момент.

Однажды Жарко застал меня в обеспокоенном состоянии. Дело в том, что мои сыновья входили в подростковый возраст, а я думала, что из-за работы и моих дел я их забросила и они не подготовлены к этой фазе жизни. Об этом периоде я много читала и слушала. Рассказывали и о каких-то тяжелых последствиях и случаях, когда дети в нужное время не подготовлены к этому периоду жизни.

— Избегай пустого теоретизирования советами. Видишь, мальчишки здоровы, дружат со скоевцами. А пример — один из важнейших факторов воспитания. Энергия у них направлена в сторону культуры. Передовая мысль, книга, борьба за идею наилучшая защита от нежелательных явлений переходного возраста, — посоветовал мне Жарко по-братски.

Каждое чужое мнение или предположение об определенном человеке, которое навязывалось как справедливое суждение, Жарко лично проверял. Наивные предположения или выдуманные интриги рассыпались очень быстро под острым взглядом Жарко и его незаурядным умом. Особенно внимательно следил Жарко за появлением новых коммунистов и партийных кадров. Большое внимание он уделял воспитанию ответственности и бдительности каждого коммуниста, поэтому часто лично контролировал выполнение порученных им заданий. Я помню, однажды на стенах домов появились голубые листовки, в которых сообщалось, что фашистская Германия напала на братскую Чехословакию. Случайно я в это время была у Жарко, когда он разговаривал с обувщиком, которого звали «дядя Васа». Жарко его спрашивает:

— Доволен ли ты тем, как выполнил свое задание?

— Ну, я прилепил все те листовки, которые ты мне дал. И никто меня не схватил.

Жарко посмотрел на него мягко и напомнил ему, как он у того и того угла не посмотрел ни налево, ни направо, как это было необходимо. Васа вздрогнул. Ему стало ясно, что его отслеживал Жарко, а вместо него там мог оказаться другой человек, который бы его мог выдать. Жарко его опять спросил:

— А ты прочитал листовку до того, как пошел на улицу?

— Нет, — ответил Васа.

— Э, видишь, ты распространяешь листовки для народа, а сам не знаешь, что в них написано. Теперь ты знаешь, как надо работать в будущем.

Однажды в мой дом пришли один за другим — Елизавета Беба Петров, Деян Бранков и Неца Анкуцич. Они были молчаливы и взволнованы. Спросили меня, приходил ли Жарко. При этом они переглядывались, как бы подбадривая друг друга. Ждали некоторое время, а затем Беба и Неца ушли. Деян, когда провожал, сказал им:

— Ну, что вы так испугались? Мы признаем все, а потом видно будет.

Вскоре появился Жарко. Разговаривал наедине только с Деяном. После разговора ушел, а Деян задержался. Глаза его сияли как горящие угольки, щеки пылали от возбуждения, пока он ходил по комнате. После длительного раздумья он рассказал мне.

— Сегодня я пережил нечто редкое и великое. Знаешь, мы в партийной организации совершили большую ошибку. Жарко был строгим, и нам стыдно было появиться перед ним. Он меня спокойно выслушал, а затем задал такие вопросы, на основании которых мне стало ясно, что он знал все в деталях. Из этого разговора, из моего изложения он убедился, что я был искренен. А чтобы я как можно полнее почувствовал свою вину, указал мне на весь вред этой ошибки. Мне захотелось сейчас же провалиться сквозь землю. Жарко это почувствовал и продолжил другим тоном подчеркивать мои

хорошие качества. Вытащил меня из пропасти, и я опять увидел солнце. Я уверен, больше никогда не совершу таких ошибок. Это очень важное чувство, — заверил Деян уже более мирно и с лучшим настроением.

Красная помощь

Авторитет коммунистов возрастал, их влияние ощущалось все больше в массовых организациях и на выборах, на многочисленных митингах и демонстрациях. И аресты были все чаще. Многие семьи оставались без своих кормильцев. Материальная помощь движению была все более необходима, красная помощь, как ее называли. За ее организацию была ответственна и я. Однажды в самом начале этой своей активности, я получила задание посетить доктора Кобиляка, адвоката Стояновича, инженера Бокура и еще некоторых людей. Я их посетила и поговорила с ними, но денег у них не просила, так как это было неудобно при первой встрече. Когда я это сказала Жарко, он посмеялся и сказал мне:

— Это слишком медленная работа. Большие увертюры тут не нужны. Это симпатизирующие движению и порядочные граждане, такие же, как Шандор Йованович, аптекарь, который постоянно передает деньги через тебя. Надо сразу переходить к делу. Деньги для потребностей движения и партийных организаций срочно нужны.

Все наши симпатизирующие, которые участвовали в красной помощи, хотели подробнее поговорить с теми, кто собирал деньги. Это был хороший предлог для их политического просвещения. А это было тоже очень важное партийное задание, как и сбор денег красной помощи. Кроме того, красная помощь имела и более широкое политическое значение. Особенно в то время, когда идея о Народном фронте находит все более широкую поддержку в рядах демократов и прогрессивных граждан. Собранные средства для красной помощи создавали возможность более интенсивной организационной работы и более тесный контакт партии с народом. Все собранные средства я передавала Милану Трнянцу [**Расстрелян фашистами в Петровграде в 1941 году. — Примеч. авт.*], обувщику, члену МК КПЮ, который был моим связным с местным комитетом. Время было полно опасностей. Полиция арестовывала членов партии и ей симпатизирующих, часто и без всяких предлогов и доказательств, что тяжело ударяло и по партийцам, и по их семьям, и по нашему движению.

Режим преследовал и активистов красной помощи на основании закона о защите державы. Из-за этого нужно было работать нелегально и закамouflированно. Так и я

работала в Вршаце. Ко мне прикрепили круг интеллектуалов, я к ним обращалась за материальной помощью. Это были адвокаты, аптекари, промышленники, просветители и врачи [*Вспомню хотя бы некоторых из них. Доктор Мане Будисавлевич, хирург (убит усташами в 1942 году в Осиеке); Мата Матеич (умер в 1950 году, будучи мэром города Вршац); Йова Джурич, адвокат (сейчас судья Верховного суда, на пенсии); фабрикант Весл (убит, так как был евреем); Шандор Йованович, аптекарь (он был в Будапеште во время революции Белы Куна и участвовал в ней); Никола Милошев, адвокат; Богдан Стоянович, адвокат. — *Примеч. авт.*]. Только один их взнос часто был равен моей трехмесячной плате. А взнос фабриканта Весла был и того больше.

Посещая фабриканта Весла и его жену, которая помогала женскому движению (они — родители моего ученика), я носила с собой и пропагандистскую литературу, например «На Западе что-то новое» Вольфганга, и переводила им на венгерский язык, устно, целыми разделами; это было как дополнение к дискуссиям и обсуждениям немецкого фашизма и того, что ждет евреев в Югославии.

Однажды в 1939 году товарищ Милан Трнянац и я получили задание — одну часть взносов красной помощи отнести в Нови Сад. На станции нас ожидала женщина, которая знала меня, и отвела нас в нужное место. В дом мы входили с большим интересом: прошли первые ступеньки с промежуточного этажа, а потом наш гид открыл дверь, и мы вошли в неосвещенное помещение, в котором был слышен тихий говор. Наш проводник оставил нас здесь и пошел вперед в глубину комнаты. Глаза у меня быстро привыкли к темноте, и я посмотрела в ту сторону, куда пошел наш проводник. Дневной свет продирался в комнату через узкие полоски между темными занавесками, так что я могла увидеть бледный контур человека за столом. Проводник быстро вернулся и подвел меня к столу. Я почувствовала крепкое, теплое рукопожатие. По голосу сразу узнала Соню. Передала ей деньги и пакеты с одеждой, бельем и обувью, все то, что мы принесли в чемоданах. Наше собрание проходило во тьме. Если бы я не знала, как и почему мой брат Жарко проводит встречи во мраке, тогда бы я очень удивилась и смутилась. А так мне это было известно, и я была спокойна и сконцентрирована. Но когда Соня Маринкович приветствовала присутствующих и объяснила значение красной помощи для членов партии, рабочих, крестьян, которые находятся в большой нужде и нищете — мое сердце сильно застучало в груди. Соня приводила факты, рассказывала истину о срочных потребностях нашего движения и его участников. Ее голос звенел в огромном просторе в темноте. А нам казалось, что мы видим ее большие, теплые, умные глаза, пока слушали пламенные речи о революции. В конце своего выступления Соня выделила самые активные города и поселки в акции Красной помощи:

— Второе место в Воеводине занимает г. Вршац.

Слушая эти ее взволнованные речи, я чувствовала гордость и радость. Когда я уходила из темной комнаты Соня мне шепнула:

— Передай привет Уче ! [*При праздновании 50-летия СКМЮ (Союз коммунистической молодежи Югославии) 21 апреля 1969 года в Новом Саде газета «Дневник» напечатала статью об этом нашем собрании, в которой были написаны имена членов сбора красной помощи: председатель Соня Маринкович, секретарь Тоша Тишма, члены — Слободан Малетич и Янко. — *Примеч. авт.*].

РЕНЕССАНС ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВОЕВОДИНЫ

Секретарь КК КПЮ Воеводины

В связи с предательством и провалами партийная организация Воеводины оказалась в тяжелом положении. Чтобы обновилось и развилось то, что было разрушено, необходимо было приложить много сил, терпеливой работы, понимания, много самопожертвования и самоотрицания.

— Этот Ренессанс и революционную роль взяла на себя одна новая группа и здоровое ядро молодых коммунистов, между ними самый авторитетный был Зренянин, — пишет Данило Кечич в своей статье «О жизни и работе Жарко Зренянина» (Сборник Матице — 34). И дальше:

— В течение 1937 и 1938 годов произошло обновление движения в Банате, Бачке и Среме. Осенью 1938 года актив КК [Краевой комитет – *Примеч. ред.*] КПЮ перерос в представительство КК КПЮ во главе с Жарко Зреняниным. Эти организационные перемены были утверждены и обновленным ЦК КПЮ [*Временное руководство, актив КК КПЮ Воеводины составляли: Жарко Зренянин, Юсуф Тулич, Светозар Маркович Тоза, Стеван Деянов и Пая Адамов. — *Примеч. авт.*].

В г. Вршац и окрестностях за относительно короткое время совершена чистка партийной организации от оппортунизма, фракционизма и других враждебных элементов. Так новый ОК (Окружной комитет) КПЮ в Вршаце уже в течение лета и осени 1937 года начал организационно-политическую работу в партийных организациях по директиве нового ЦК КПЮ под руководством Тито, когда во всех краях земли и во всех парторганизациях началась консолидация.

В г. Вршац и в районе выбрано новое партийное руководство из проверенных членов, таких, которые пользовались доверием и авторитетом в своем обществе. Таким был партийный критерий [*В МК и ОК были избраны: Деян Бранков, Янош Ленджел, Рудольф Корнауэр, Душан Йованов, Велимир Стефанов, Петар Конти и Илия Бранков — после возвращения из тюрьмы. Партийные единицы были под управлением Марко Перовича, Петера Трнянца, Рада Бранкова, Ивана Милутиновича, Здравко Бранкова, Обрада Бранкова, Густава Лайбаха, Яни Рицьема и членов комитета. — *Примеч. авт.*].

Зимой 1937 года Жарко опять арестовали вместе с Павлом Папом непосредственно перед одной очень важной партийной встречей. Каратели в Главняче [Тюрьма. — *Примеч. пер.*], меняя свои методы мучений, говорили Павлу Папу: «А это тебе за то, что ты еврей». А в это время в соседней камере лежал весь избитый Жарко. Они ничего не признали, а у суда не было на них никакого материала, властям пришлось их освободить. Они после этого ареста, как и другие коммунисты, стали более осторожными и скрывались по нелегальным базам. (Особенно это было необходимо после того, как в начале 1939 года в Билечи был основан концлагерь для наиболее активных коммунистов.)

В конце 1938 года по директиве партии в г. Вршац были проведены выборы членов комитета на демократических принципах. В выборах участвовало 15 делегатов. Были выбраны: секретарем Деян Бранков, членами комитета Янош Ленджел, Лукреция Анкуич, Милан Трнянац, Илия Бранков и Здравко Бранков. Руководителями окружных комитетов были избраны те коммунисты, которые позже в течение народно-освободительной войны в большинстве своем погибли в непосредственной схватке с неприятелем: секретарь окружного комитета Северного Баната Светозар Маркович-Тоза, Южного Баната — Сава Мунчан, Южной Бачки — Бранко Байич, Срема — Ачим Грулович, Северной Бачки — Отмар Майер. 1938 год, когда Жарко официально стал политическим комиссаром КК КПЮ Воеводины, был наполнен значительными событиями.

Это было время, когда Гитлер готовился поработить Австрию, как начало его возможного «Drang nach Osten» («Натиск на восток». — *пер. с нем. примеч. пер.*), время, когда этот враг человечества обратился к тогдашнему председателю королевской югославской власти Милану Стоядиновичу, приготовив ему военный парад в Берлине, обратился с такими двуличными словами: «Наша страна была и остается сторонником сильной, мощной и свободной Югославии». В то же время он поручил «пятой колонне» в Воеводине усилить и умножить свои ряды и свою деятельность.

12 марта 1938 года гитлеровская солдатня уже маршировала в Вене. А на следующий день ЦК КПЮ выпустило обращение, в котором, кроме всего прочего, пишет:

«Гитлеризм не является ни приятелем, ни добрым соседом, он заклятый враг свободы и независимости народов Югославии... Вчера гитлеровская солдатня растоптала свободу австрийского народа, сегодня готовит удар против Чехословакии, а завтра его отряды прорвутся через Караванки в Югославию».

Перед партией сформулированы задачи, поставленные Коминтерном — в Народный фронт привлечь все демократические партии и силы, привлечь широкие народные массы против агрессивного фашизма. К Жарко и его товарищам непрерывно приходят прогрессивные люди Воеводины. Рабочие, студенты, учителя, крестьяне... Жарко совершенствует новый стиль в работе — кратко, ясно, оперативно. Наша мама Драга была ответственна за то, чтобы накормить гостей, будить их на ночной поезд, если они уезжали, а отец отвечал за охрану дома и улицу, пока продолжаются встречи. Здесь, в доме наших родителей, я познакомилась со многими партийными руководителями Воеводины. А самыми дорогими для меня были встречи с Соней Маринкович. С ней и мама тяжело расставалась, так как Соня своим человеческим теплом очень привязывала к себе.

Здесь же я познакомилась с Радивойе Чирпановым, который на мотоцикле приезжал из Нового Сада с еще одним другом. Сава Мунчан был самым частым гостем в доме, так как он работал недалеко, на территории Белой Церкви, мы его считали членом семьи. Стевица Йованович тоже часто приезжал. Помню однажды мне мама с тревожным лицом открыла двери. Я увидела доброго Стевицу в постели с чашкой чая и лекарствами в руке. Он только что приехал из белградской тюрьмы и наша мама за ним ухаживала. Когда мама его спросила: «Что бы ты, Стевица, хотел на обед?» Он со своей теплой улыбкой ответил: «Да ничего, мама. Можно немного вареной картошки». Он был очень скромным и деликатным по отношению к маме, так как знал, что она очень занята домашними делами, а кроме того, он знал о тяжелых материальных условиях жизни нашей семьи.

Жарко все время активен. Читает лекции членам партийных комитетов и организаций: о партии; что такое ленинизм; о пролетарской революции; о стратегии и тактике; о диктатуре пролетариата. Этот материал был в сущности конкретизирован примерами из Югославии, «Краткого курса ВКП(б)», который еще в Москве перевел Йосип Броз Тито.

Историю ВКП(б) Жарко дал партийной организации в г. Вршац для тиражирования и пересылки по всей Югославии. Это был настоящий подвиг. Эта работа была выполнена в нашем доме, организовал ее Жарко лично. За техническую часть работы отвечал мой муж Чедомир. Тиражирование производили на шапирографе. Текст на машинке печатала

Драгица Петров и ее сестра Елизавета Беба Петров. Мы работали только ночью. В работе участвовали и Бранко Ракич, Браца Петров, Йованка Радакович, Неца Анкуич и два моих сына — двенадцатилетний Предраг и четырнадцатилетний Слободан. Работа была сложной, упорной, так как мы ее делали уже уставшие от дневных забот. Но мы соревновались, поделенные на группы; самые молодые часто были ударниками, как их называл Жарко. Около 90 ночей с краткими перерывами продолжалась эта работа. Жарко в это время уезжал в длительные поездки, но как только возвращался, сразу же с нами анализировал качество выполненной работы и нашу конспирацию. Жарко предложил взять помощников, чтобы завершить работу поскорее. К нам подключились мои сестры — Любима и Вера. Готовые книги мы упаковывали в ящики и переносили их на нашу гору в виноградники Милушки и Матеи Матеичей. Отсюда шло дальнейшее распространение, сначала Бранко Ракичу, учителю в Марковаце, а затем в Белград и дальше. Когда мы уже приближались к окончанию работы, Жарко нам однажды вечером говорит:

— Не исключено, что полиция заметила наше движение по дому ночью, так что мы можем ожидать и еще какие-то сюрпризы. Этого мы не должны допустить, так как это бы привело к катастрофическим последствиям. Необходимо ускорить и завершить работу.

Назавтра мы сформировали еще одну группу в доме Обрада Бранкова. Так нам удалось завершить наше дело успешно и вовремя, а материал перенесли в наш дом в связи с одним письмом, где сообщалось о переменах в альянсе женских движений, которое было направлено мне.

Мне было поручено в учительском обществе вести переписку с учителями всей страны по вопросу активизации женщин-учителей. Это заметила полиция и стала проверять мою почту. В те дни я открыла письмо одной соратницы из Македонии, которая допустила ошибку в конспирации — передала привет Жарко, Бранко Ракичу и Косте Грубачичу. Полиция в это же время произвела обыск во всех домах. В нашем доме не нашли ничего. Один ящик с книгами «История ВКП(б)» лежал закопанный в печке в детской комнате. И у Жарко не нашли ничего, хотя с десятков книг были спрятаны в дупле в уличных воротах. И хотя окрестности Вршаца были переполнены нелегальным материалом, а полиция это чувствовала, но источник этих материалов найти не могла.

* * *

Под руководством Жарко и при его непосредственной активности КП в Воеводине через легальную партию Трудового народа и ее инициативных отделов достигает хороших результатов на парламентских выборах 11 декабря 1938 года в Новом Бечее, Бачке,

Тополе, Вршаце и Шиде и в некоторых окружающих селах. Я помню результаты тех выборов в г. Вршац. Тут выделялся список партии Трудового народа с рабочими кандидатами, который был составлен в крае, 1500 голосов. С предложением выдвинуть рабочего кандидата Йоце Радивоевича-печатника, выступили Жива и Спасое Зренянин.

На муниципальных выборах в 1939 году коммунисты (опять через партию Трудового народа) получают места в муниципальных управах в Кумани, Меленци, Српском, Арадаце, Ченти и Маргити вблизи Вршаца. Этим победам предшествовала большая политико-организационная партийная работа. Так одно из значительных собраний состоялось в мае-июне 1938 года в Новом Саде.

Это было расширенное собрание руководящих кадров. Доклад о роли компартии в работе партии Трудового народа сделал Светозар Маркович. Присутствовали: Жарко Зренянин, Веселин Маслеша, Павле Пап, Радивое Чирпанов, Стеван Деянов, Юсуф Тулич и еще около 30 товарищей.

Кроме интенсивной работы по организационному укреплению партии и выполнению ее задач, Жарко непосредственно подбирает кадры и лично участвует в организации передовых манифестаций и демонстраций. Во всех массовых политических инициативах партийной организации участвовали люди демократических взглядов. Депутат Демократической партии доктор Александр Жижа был единомышленником Жарко во многих тех акциях. Точно так же и доктор Жарко Фогараш из Алибунара, который и в Народно-освободительной борьбе служил партии, как ее преданный член.

Влияние партии через массовые организации

Партия в течение 1937–1938 годов смогла взять в свои руки межпрофессиональный комитет в Объединенном рабочем профсоюзе (ОРП). Практика партийной организации в г. Вршац в 1936 году вводить сознательных рабочих-коммунистов в профсоюзы показала себя правильной. Я цитирую слова Илии Бранкова, тогдашнего члена МК КПЮ, произнесенные на Собрании оставшихся в живых борцов: «В тот период работа шла через массовые организации, профсоюзы, культурно-просветительское общество «Абрашевич», затем через женское движение, через общество альпинистов «Фрушка гора», через учительскую организацию, спортивные организации, через «Фрозин» и другие. Партия взяла в свои руки руководство в ОРП, и секретарь ОРП был членом местного Комитета партии, а председатель — тоже член партии и сельскохозяйственный работник. «Абрашевич» полностью был в руках партии.

Была дана директива, чтобы как можно большее число рабочих организовать через профсоюзы, потому что профсоюзы партия держала в своих руках. Мы читали доклады о рабочем движении и объясняли необходимость борьбы против капитализма. Где бы мы ни проводили конференции, там всегда присутствовал вражеский агент и слушал, что мы говорим, а очень часто не давал нам говорить. Мы прорабатывали брошюры. Профсоюз был школой, которая рождала членов партии».

«Абрашевич», культурно-художественное общество в г. Вршац, имело большие заслуги в объединении рабочих и в культурно-политическом их просвещении. Это общество основано в 1928 году, а уже в 1932 году молодая партийная организация в г. Вршац поставила перед ним задачу политико-идеологического просвещения рабочих. В период с 1936 – 1937 годы «Абрашевич» все шире и глубже мобилизует рабочий класс на революционные задания. Ответственным руководителем «Абрашевича» был Деян Бранков, секретарь МК КПЮ в г. Вршац.

За группу читателей отвечала Неца Анкуич, член МК, а за драматический сектор — Тихомир Токин. Группами читателей на разных улицах руководили Вера (Зренянин) Бранков, Любима Зренянин, Вида Бранков и другие, а политические темы преподавали члены и руководители партии. Представления «Абрашевича» имели невероятный успех. Сотрудничество «Абрашевича» с молодежной секцией Женской организации и их совместное выступление в Избиште и Белой Церкви возбудило большое подозрение полиции. На одном из таких представлений один офицер очень громко протестовал на спектакле драмы «Мертвые встают». Но рабочие изолировали этого офицера и не допустили никаких осложнений. К следующему спектаклю офицеры подготовили нападение и разгон публики. Об этом плане узнал и известил руководство «Абрашевича» Ратко Митрович, офицер из Чачка, который в то время был на военных сборах в г. Вршац.

«Форверц» (Forverc) и «Фрозин» (Frozin) были немецкие культурно-художественные организации в г. Вршац. Первая основана в конце XIX века, обновлена в 1910 году. Эта организация несла печать правого крыла социал-демократии.

«Фрозин» была основана передовыми людьми в 1921 году. Но и эта организация тащила на себе до 1930–1933 годов старые традиции. Однако после вступления в «Фрозин» прогрессивной немецкой молодежи, которая оторвалась от рядов социал-демократов, эта организация освоила принципы и идеи коммунистической партии Югославии. Она собрала сотню молодых немцев — рабочих, крестьян, росла, развивалась и двигалась вперед, в то время как «Форварц» распадалась.

В предвоенные годы с 1937 по 1940-й «Фрозин» состояла из 80–100 постоянных членов. За работу в организации «Фрозин» отвечали коммунисты Петар Конти и Матия Йекл. Представления «Фрозин» были на высоком культурно-художественном и политическом уровне, как и спектакли «Абрашевича». Совместные гастроли, которые организовывали «Абрашевич», «Фрозин» и молодежная секция женской организации приводили к знакомству, дружбе, укреплению рабочей солидарности и к усвоению марксистско-ленинской идеологии. Праздник труда прославлялся каждый год под лозунгом солидарности и борьбы.

Особенно мне запомнился праздник 1 Мая 1939 года. Полиция часто открывала места наших сборов и разгоняла нас, но в этот год праздник был успешно проведен с начала и до конца. Наша встреча была организована на вршацкой горе в кафе «Джьяволья язбина» [Дьявольская пещера, рус.яз. – *примеч. пер*]. Главный наш страж был сам хозяин кафе - Алекса. Он в этот день закрыл свой зал для посторонних людей и на свои деньги и риск, уважая рабочих и Жарко Зренянина, тот день посвятил празднику Первого Мая, устроив настоящий пир для рабочих. Пещера, («Язбина») откликалась и гремела как пустая и глубокая бочка. Солнечные лучи продирались сквозь окошечки и как будто радовались редким и необычным гостям, обливая золотыми лучами грубо отесанные столы и тяжелые скамейки, на которые усаживались рабочие, крестьяне и наши друзья из интеллигенции. Мы все оделись нарядно и торжественно; белые, тщательно выглаженные рубашки увеличивали свет в мрачном зале. Пожимая руки, торжественно и тихо, мы поздравляли друг друга с праздником труда. «Как бы на нас неожиданно не напала полиция! В этот раз не выйдет. Жарко помогал в организации», — перешептывались мы. Один товарищ рядом со мной спросил взволнованно:

— Почему его еще нет. Он обычно приходит среди первых на собрания.

— Не беспокойся. Жарко вынужден обезопасить каждый свой шаг, чтобы полиция не увязалась за ним сюда.

Точно в 9 часов слышались быстрые, но едва слышные шаги. Пронесся шепот: «Это он. Уча пришел». А когда мы его увидели, у нас на душе полегчало и в пещере раздался голос «Привет» и ответ «Привет».

Жарко приветствовал всех присутствующих товарищей, среди которых были сербы, немцы, венгры, румыны и хорваты. После этого он прочитал доклад, в котором подчеркнул значение и роль рабочего класса в мире, как и в Югославии в борьбе против фашизма. Этот же доклад читали на немецком языке — Руди Корнауэр, на венгерском — Яни Ленджел, на румынском — Деян Бранков. В пещере стояла глубокая торжественная тишина.

Вдруг в дверях появился Алекса и сообщил что у него на страже все в порядке. Увидев наши озаренные лица и слыша пламенные речи, он скинул свою фуражку и стал в положение «смирно». Разошлись мы дисциплинированно в четырех разных направлениях, вдохновленные и обогащенные новой силой. Дружба рабочих немцев, сербов, венгров, румын и других, как и их совместная работа в политических акциях, помогала рабочим-немцам защищаться от модной и всеохватывающей пропаганды культурбунда. Это фашистское общество было организовано в 1938 году, а так как оно имело вид потребительской организации, оно привлекало людей обилием товаров и разными скидками. Сознательные рабочие не хотели вступать в Культурбунд ни в начале его организации, ни позже, когда он стал более мощной организацией национал-социализма. Культурбунд, руководимый геббельсовским аппаратом пропаганды и поддерживаемый реакционными силами власти в довоенной Югославии, вербовал и собирал немецких поселенцев в Воеводине. Нацистское руководство Культурбунда любого рабочего называло коммунистом. Особенно их бесило влияние на народ общества «Фрозин», которым руководил известный и уважаемый в народе Рудольф Корнауэр, коммунист, выросший из рядов социал-демократии. Полиция и гестапо знали, что Рудольф Корнауэр был близким соратником Жарко Зренянина [*Однажды сразу после оккупации Югославии гестаповцы заявили к Рудольфу Корнауэру в его дом на теперешней улице Анджи Ранкович, 21. Они старались уговорить Рудольфа защищать идеи национал-социализма, а он перебил их словами: «Не теряйте времени. Вы знаете, что я коммунист. И знайте, что я им и останусь. Скажите вашему Гитлеру, что он самый большой враг немецкого народа». — *Примеч. авт.*].

Югославские власти, Лётич, «пятая колонна» — были верными союзниками Культурбунда. Председателем Культурбунда был доктор Вольф. Мы видели, проходя по улице царя Душана, теперь улица Анджи Ранкович, мимо дома этого Вольфа, как молодежь гитлерюгенда беспрепятственно занимается упражнениями с оружием. А если бы откуда-нибудь между «югендовцами» падал какой-нибудь камень, полиция Вршаца бросалась догонять виновника. К борьбе против коммунистов призывал Культурбунд и Лётич в своих официальных выступлениях. Однажды он на собрании заявил: «Провидение создало такую великую силу, которая как только сдвинется — разрушит безбожную страну — Советскую Россию. Божье провидение дало счастье человечеству, такого человека, который раздавит страну-антихриста. Этот великий человек — Адольф Гитлер».

Немецкие рабочие сжимали кулаки, голодали со своими семьями — без привилегий Культурбунда. Чтобы не идти на фронт против Советского Союза, они сами себя калечили, их арестовывали, преследовали, расстреливали. Многие немцы и во время

оккупации, несмотря на запрет, были в хороших отношениях с сербскими жителями, а когда могли, то даже им помогали. Так, когда Вршац был оккупирован, наши родители оказались в неприятном положении, так как до сих пор брали воду у соседа-немца. Около дома наших родителей все соседи были немецкие семьи. Тогда Жарко поговорил с соседями и с тех пор они тайком давали воду родителям.

Женское движение — секция молодежи

Однажды осенью 1938 года Жарко вызвал меня на разговор. Спрашивает меня, что я знаю о работе молодежной секции в Белграде, так как он знал, что я ездила туда преподавать и что я связана с Женским движением в Белграде. Потом он мне говорил о необходимости основания в г. Вршац Женского движения с молодежной секцией. Я хорошо знала ситуацию в обществе в г. Вршац и взаимные отношения между женскими обществами, нетерпимость обществ «Коло српских сестра» (Кружок сербских сестер) и «Кнегиня Зорка» (Княгиня Зорка) по отношению к обществу «Женска задруга» (Женская община). Я сказала Жарко, что самая большая трудность будет в самом начале организации нашего движения. Жарко задумался, расспрашивал меня подробнее о препятствиях в этом деле, говорил, кто еще может мне помочь, а затем сказал:

— Коммунисты должны хоть головой разбить стену, если она — препятствие, — и ушел.

Я чувствовала себя так, как будто мне на плечи легла огромная тяжесть. Чтобы избежать запрет полиции в самом начале необходимо было заручиться поддержкой женских организаций в качестве защиты. Я обратилась к Милушке Матеич, председателю «Женской общины», в которой и сама участвовала, и нашла понимание. Мы пригласили Елену Бокур и Фриду Будисавлевич. Затем расширили круг основателей даже с председателем «Кола сербских сестер» Ольгой и ее соратниками. Чтобы образование общества состоялось, я предложила для этого самую широкую программу: борьба за право голоса и просвещение женщин. Этому кругу женщин такое предложение импонировало, и они согласились со мной и помогли мне при образовании нашего Женского общества. На конференции, посвященной основанию нашего общества, председателем избрали Милушку Матеич, ее заместителем Елену Бокур и меня — секретарем. Теперь можно было взяться за организацию молодежной секции при помощи Елизаветы Бебы Петров, Драгицы Петров, Йованки Радакович, Ольги Радишич (Петров

позднее в замужестве), Кати и Милы Матеич, Веры и Любимы Зренянин, Марии Джурич и других. Так стало возможным партийное влияние и через еще одну массовую организацию.

В г. Вршац по официальным данным в 1931 году было 29 411 жителей. Из них 16 394 серба, остальные немцы, венгры, румыны и евреи. Женщин примерно 50 процентов, из них 50 процентов крестьянок, 28% — ремесленников, 7% — интеллектуалок (чиновницы, преподаватели, школьная молодежь) и 15 % работниц (в швейных мастерских, индивидуальных закройщиц и вязальщиц, работниц на фабрике шоколада и на пивзаводе, на колбасной фабрике, домработниц и т.д.). Общей и самой большой проблемой женщин и девушек была неравноправность с мужчинами: они не имели права голоса, не имели равную с мужчинами оплату за равный труд. Как и вообще рабочий класс, женщины были угнетенными, эксплуатируемыми и подвергались политическим преследованиям.

Молодежная секция в г. Вршац утвердила декларацию VIII конгресса Альянса женских обществ, который состоялся весной 1939 года и по чьим принципам женщины должны и дальше бороться за свои права, и в то же время за истинную демократию, мир, свободу и общее благосостояние, как и рабочий класс.

Молодежная секция Женского общества в г. Вршац основана осенью 1938 года с таким руководством: Елизавета Беба Петров – студентка, Драгица Петров – деятель просвещения, Ольга Радишич-Петров – студентка учительской школы, Неца Анкуич – студентка, Любица Харшани – работница, Катя Матеич – деятель просвещения, Ковилька Иванович – учительница, Малчика (Амалия) Якшич – медицинская сестра, Любима Зренянин – служащая, Елена Варяшки – ученица гимназии, Ольга Йованчич, а позже Йованка Радакович, профессор гимназии, которая участвовала как делегат в работе Конгресса в Копенгагене. В ряде акций молодежной секции в г. Вршац были известны активные девушки: Мила Матеич, Корнелия Анкуич, Вида Груич, Гергей Берта, Ленджел Илонка, Наталия и Бети Вргович, Ольга Илиевич, Вера Бранков-Зренянин, Вида Бранков, Деса Марила, Смиля Боянич, Юлка Поштин, Милица Гугич, Елка Кончалич, Злата Ракич, Цвета Радулович, Мария Гузина, Иванка Куцински-Димич, Джурджица Попов, Соня Матеич и другие. Руководство женского движения и его молодежная секция в г. Вршац объединяло все больше молодежи через праздники, группы читателей, через различные курсы — кройки и шитья, домоводства, кулинарии и другие.

Состоялись успешные празднования в содружестве с «Абрашевичем», с молодежной секцией из Белграда и со студентами из «Воеводинской столовой»

(Войводжянска менза) [*В Белграде на улице генерала Жданова, находилась популярная «Воеводинская столовая», где собирались передовые студенты. — *Примеч. авт.*].

Партия через своих лучших членов превратила эту столовую в трибуну по марксистскому образованию студентов. Был подготовлен и успешно проведен праздник 8 Марта 1935 года в Белой Церкви и в Избиште. Проведен курс «Первая помощь» зимой 1939/40 года. Организованы разброс и расклейка антифашистских плакатов и листовок и размножение плакатов с фотографиями Долорес Ибаррури – La Pasionaria [Руководитель Компартии Испании и антифашистской борьбы в Испании периода Гражданской войны — *Примеч. пер.*] Собраны подписи и анкеты за мир и установление дипломатических отношений с Советским Союзом. Также собраны подписи за право голоса женщинам, собрана помощь для испанских борцов, для арестованных товарищей и их семей. В забастовке рабочих на фабрике «Павлович» участвовали и члены Женского движения. 25 марта собраны подписи граждан как протест против договора с фашистской Германией, а накануне 27 марта 1941 года на огромных и успешных антифашистских демонстрациях, которые проводила партийная организация г. Вршаца, участвовали все члены Женского движения и молодежной секции.

Совместные чтения молодежная секция организовала по домам. Читали статьи из газеты «Женщина сегодня», роман «Мать» Горького в отрывках, вести из газет, обсуждали такие вопросы, как: кто хочет войну и что такое фашизм. На курсах кройки и шитья учились 40 девушек и молодых женщин. Уроки кройки и шитья проходили в помещениях общества «Женская община» в Профессиональной школе. Большой класс в конце зала был похож на улей трудолюбивых пчел. Ученицы на этих курсах были в основном работницы. Приходили усталые, но с большим желанием и волей научиться этой профессии. С таким же вниманием они слушали наши лекции по истории, географии, биологии и о политической ситуации в мире. Ольга Петров Радишич, студентка учительской школы, рассказывала им о положении учительниц и об их бесправности как женщин. Йованка Радакович, преподаватель гимназии, рассказывала о Конгрессе Альянса женских обществ в Копенгагене, где она была делегатом, а Елизавета-Беба Петров рассказывала о правах молодежи. Я преподавала географию и историю. На этих уроках я объясняла девушкам и женщинам события после Первой мировой войны в России, СССР и в Германии. Объясняла ситуацию, при которой Гитлер пришел к власти, и какие планы кует национал-социализм. Девушки были очень заинтересованы: рассматривали географическую карту, потом смотрели на меня, потом на свою работу — вязанье. А больше всего их тронул мой рассказ о гибели Розы Люксембург и Карла Либкнехта, великих учителей немецкого пролетариата.

Обновленный Союз коммунистической молодежи Югославии

Краевой комитет снова организовал отделения Союза коммунистической молодежи Югославии, который в 1936 году был распущен. В г. Вршац также благодаря усилиям Жарко был основан комитет СКМЮ с Бориславом Брацей Петровым во главе.

Однажды в полдень в июне 1938 года Жарко мне говорит, что к вечеру он придет ко мне с друзьями, а в комнату пусть никто не входит, пока идет разговор. Я с другого окна второй комнаты должна была следить за двором, быть на страже. После того, как встреча завершилась, я вошла к ним открыть окна. В середине комнаты стояли Жарко и Браца. Двери были открыты настежь, и я при входе слышала слова Жарко:

— Так, Браца, как мы и договорились — это лето ты проведешь среди рабочих-мясников.

Брацины темные глаза сияли от какого-то удовольствия. Он сказал:

— Все будет так, как мы решили. С крестьянами я буду работать осенью.

Стройная фигура ученика VIII класса гимназии быстро удалилась, остановившись на минуту у двери, ожидая, что я дам знак от окна, что на улице никого нет. Жарко тоже спешил уйти. Угостив его кофе, я спросила:

— Что Браца будет делать в среде рабочих?

— Браца — скоевац [Член СКМЮ – СКОЈ. — *Примеч.пер.*] невероятной интеллигентности. Это видно и по его отличным успехам в школе. Марксизм осваивает невероятными темпами. Он обогатил себя теоретическими знаниями намного больше, чем любой другой комсомолец. Но если интеллигент знает только теорию марксизма-ленинизма, а не связывает ее с практикой, живя и работая с пролетариатом, и не слышит голос масс, — он может легко сойти с линии партии в тяжелых условиях революции и диктатуры пролетариата. Такие теоретики в своих кабинетах могут сотворить доктрины и теории, которые могут легко свернуть с правильной линии. Поэтому и необходимо, чтобы интеллектуалы-коммунисты время от времени работали и жили с рабочими.

Будучи преподавателем в учительской школе, я знала студентов III и IV года обучения, которые уже были кандидатами в учителя; по правилам школы мы проводили уроки практики в своих классах. У меня и у Чеды наиболее передовые ученики брали педагогическую и другую литературу. Для СКМЮ партия предлагала готовить

кандидатов. Олгу Радишич, студентку III года обучения в учительской школе, девушку с пышными черными волосами и темными глазами, я заметила еще раньше — ее серьезность, скромность и жажду знаний. [*Ольга позже стала руководителем СКМЮ в учительской школе. Являлась организатором диверсионных антифашистских групп. Была арестована и расстреляна 9 мая 1942 года. Она Народный герой Югославии. — *Примеч. авт., примеч. пер.*] Об этом я напомнила Жарко. Он мне сказал, чтобы я поддерживала связь с ней и давала ей передовую литературу. Я помню ее первый визит ко мне. Радостно удивленную я ввела ее в комнату, где стояли книги. Она сразу попросила меня дать ей одну педагогическую книгу и, пока я ее искала, в руки мне попало что-то другое, что захватило мое внимание. Я обрадовалась и спросила Олгу, читала ли она «Песню о соколе» Максима Горького и его же «Буревестник». Она отрицательно завертела головой. Я внимательно смотрела на ее выражение лица.

— Прошу вас, дайте мне их почитать, — ответила она звонко и лицо ее зарумянилось.

Я начала читать ей несколько стихотворений. Олга меня слушала, не шевелясь. Эти дивные стихи я знала наизусть, но читая их, опять наслаждалась, как в первый раз. Я поглядывала время от времени на Олгу. Ее румяные полуотворенные губы мягко вздрагивали; она была возбуждена. Она мне казалась кем-то, кто сейчас решает судьбоносный вопрос; у меня было ощущение, что эта красивая девушка на моих глазах вырастает. Когда я закончила, Олгин голос дрожал шепотом:

— Я знаю соколов, и знаю буревестников...

Мягко дотронулась до книги. Открыла ее и прочитала:

— ...а море славит безумство храбрых...

Обняла меня сердечно, поцеловала и поблагодарила за книгу.

До Олги секретарем комсомола при учительской школе был Ица Йованович, студент IV года обучения, полный энтузиазма и воодушевления от всего, что хорошо и красиво, а больше всего от идей коммунизма, он учился и работал, тратя больше сил, чем ему позволяло его здоровье. Еще будучи подростком, он заболел туберкулезом, но тщательно скрывал это, особенно от матери. Болезнь разгорелась, и он перед самым выпуском умер. Ица был похоронен без священника, без креста и других церковных церемоний. Были это первые похороны такого типа в г. Вршаце. Яркая пятиконечная звезда, красные гвоздики, школьные подруги в белых платьях и печальные речи друзей перед гробом — были знаками нового вида прощального почета. Профессор Коста Грубачич говорил о молодежи того времени, подчеркивая пример Ицы. Храбрые, преданные школьные друзья послали последний пламенный привет любимому другу.

Священники в г. Вршаце были шокированы такими похоронами. Поп Миятович просто бегом примчался на кладбище и смотрел все до конца, а затем написал донос полиции.

Это событие имело свой эпилог в течение 1941 года, когда полиция допрашивала коммунистов, меня обвинял поп Рада, лётичевец [*Лётичевец — сторонник предателя фашиста Лётича. — *Примеч. пер.*], в том, что я выступала на тех похоронах, а когда я потребовала очной ставки, он не явился. Этот поп сбежал с немцами в 1944 году. Организация СКМЮ в г. Вршац и районе расширялась и развивалась настолько это позволяли возможности, тяжелая ситуация в мире и у нас. Важно было то, что в дружбе с комсомольцами почти вся молодежь поняла свое положение в капиталистическом обществе, как и необходимость борьбы не только за свои права, но за права рабочего класса. Во всех манифестациях и демонстрациях рабочих, коммунистов, патриотов участвовала и молодежь, во главе с комсомольской организацией. В семьях подчеркивали, что у них дети стали лучше, аккуратней, человечней с тех пор, как дружат с лучшими из молодежи, а в школах самые лучшие ученики были из рядов передовой молодежи. На официальном собрании в связи с успешным празднованием 8 Марта профессор гимназии Йованка Радакович заявила, что между наказанными за плохое поведение учениками не было ни одного представителя передовой молодежи. Это заявление горячо поприветствовали все присутствующие матери. Одна из них, возможно в первый раз в жизни, попросила, чтобы ей дали слово. Она возбужденно развязала платок на голове и сказала:

— Мои две дочери с тех пор, как дружат с Еленой Варяшки, Ольгой Радишич, Любицей Харшани, с тех пор, как посещают молодежную секцию женского движения — совсем переменялись, стали другими. Помогают мне по дому, отлично учатся в школе и примерно себя ведут. Это большая заслуга и вас, кто собирает молодежь, дает ей хорошие книги читать и указывает им путь в новую жизнь.

По домам комсомольцев и им сочувствующих распространялись передовые книги — «Мать» Максима Горького, «Железная пята» Джека Лондона, а позже «Как закалялась сталь» Николая Островского, статьи из передовых журналов, а также текущий нелегальный материал. Всего один лишь раз полиции удалось открыть собрание узкой группы комсомольцев. Случилось это весной 1940 года в доме Здравка Бранкова, рабочего из мясной лавки. Он, уходя служить в армию, оставил свой ключ руководству комсомола. В доме, насколько я помню, Любица Харшани, Велько Маленов и еще два рабочих с Нецей Анкуич и Елисаветой-Бебой Петров прорабатывали «Пролетер» (Пролетарий), «Комунист» и первомайскую листовку, которые переходили в комсомольских и читательских группах из рук в руки. Они не видели, что за ними следит агент Навра. Когда полиция ворвалась в дверь, Неца быстро схватила весь материал и запихнула его в

печь. Но материал был объемный, он не сразу загорелся, так что его один агент выхватил из печки и засунул в свою сумку. Комсомольцы были арестованы, но их спасли три фактора. Первый — отличная выдержка, второй — промах полиции, которая не составила список на месте, а третий — добродушие нового шефа полиции. Случилось так, что шефом полиции в г. Вршац был назначен человек по убеждению индивидуальный демократ и симпатизирующий коммунистам. Обо всем этом Жарко Зренянина оповестил Бора Проданович, коммунист из Белграда. Жарко сумел организовать разговор с шефом полиции. Очевидно довольный, он мне все это рассказал. Мы верили, что арестованные будут освобождены, так это и произошло.

Ученические дружины во всех школах работали хорошо. Комсомольцы разрабатывали самые сложные темы и добивались отличных успехов. Это было потому, что они читали намного больше, чем остальные ученики, и тем самым в них воспитывался научный взгляд на мир. Браца Петров, например, подготовил все пять рефератов [По пяти различным школьным дисциплинам. — *Примеч. ред.*] для школьного праздника Святого Савы. Так, когда в огромном зале теперешнего театра «Стерия Попович» были объявлены результаты жюри — Браца Петров пять раз был вызван на сцену для получения первых наград по всем его пяти рефератам. В зале бушевали аплодисменты, Браца благодаря этой своей победе стал известным.

Вообще часто были запрещены или осуждаемы со стороны реакционных школьных органов рефераты и семинары передовых школьников. Так мой сын Слободан, тогда ученик четвертого класса гимназии, написал реферат о книге «Мать» Максима Горького. Но эта работа, которую похвалила учительница сербского языка, вызвала настоящую бурю в школе. Лётичевцы протестовали, директор гимназии предложил исключить из школы Слободана Миличевича, а передовая молодежь протестовала против этого. Эта весть быстро ширилась по городу. Я пошла к директору и потребовала объяснения; у меня было впечатление, что он колеблется. Я ему сказала, что роман «Мать» переведен на все европейские языки и находится в очень многих библиотеках и спросила его, а почему никто не предлагает наказать эти библиотеки. Кроме того, сын директора Сучевича был тогда моим учеником по работе с домашними заданиями. К ним домой я приходила как учительница, которая обязана посещать дома учеников, кроме того я приходила к жене Сучевича, которая платила взносы в Женское движение. Передовая общественность в городе оказывала давление на коллегию гимназии. Так ученик Слободан Миличевич был освобожден от наказания. Из революционного гнезда комсомола в г. Вршац вылетали дивные птицы. Я многих из них знала, они были мне близки: Ольга Петров (Радишич), руководитель диверсантских групп в секторе Вршац–Панчево; Славко Родич, служащий в

водоснабжении. Он по директиве партии в 1941 году с Чедомиром Миличевичем переходит в родной край бороться с оккупантами. Славко боролся героически, стал генералом ЮНА и Народным героем Югославии. Йованка Радакович, член молодежной секции Женского движения, храбрая подпольщица, расстреляна фашистами в 1941 году. Амалия Малчика Якшич, медицинская сестра, расстреляна в 1942 году. Ковилька Иванович, студентка учительской школы в г. Вршац, тихая, скромная девушка. Позже она держала связь с Вршацкой передовой молодежью, так как на месте ее службы в Македонии не было такой организации. Арестована вместе с группой из г. Вршац. Держалась храбро. Перед расстрелом сказала Драгице Петров: «Идем на смерть вместе, и я не жалею. Мне только жаль, что я не вступила в партию». Драгица, тогда член ОК КПЮ, сказала ей, что она должна себя считать коммунистом. Потом она собрала группу и провела партийное собрание в лагерьной камере. На этом собрании Ковильку Иванович приняли в члены партии. Это потрясло даже шпионов в комнате, так что они ничего не передали полиции. Елена Варьяшки, ученица VIII класса гимназии, молчаливая, активная и дисциплинированная, бриллиант, а не человек. Мила Матеич, студентка из обеспеченной демократической семьи, родители ее были симпатизирующими партии. Несгибаемая, пламенно преданная движению, счастливая, когда ей поручали сложные задания. По ее просьбе родители одобрили размещение части партийной техники и оружия в их винограднике. Мила повешена фашистами 21 июня 1942 года в Панчево. В Доме комсомола в Москве в 1946 году засверкала среди портретов других героев Мила Матеич.

В VI классе гимназии был известен Пера Стойкович, комсомолец, активный участник всех демонстраций. Расстрелян фашистами в 1942 году в Делиблатской пещере, тогда же были расстреляны Миле Милутинович, храбрый комсомолец и Йован Мишич, беспартийный, готовый на жертвы юноша.

Реля Стефанович – замечательный комсомолец, как выпускник Учительской школы он не отдыхал дома даже во время школьных каникул, а по директиве партии обрабатывал нелегальный материал с комсомольцами в Избиште. Во время восстания он становится политическим комиссаром Южно-Банатского партизанского отряда. Пересекая румынскую границу зимой 1944 года, он погиб в бою с фашистами.

ПРОГРЕССИВНОЕ УЧИТЕЛЬСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Издательство «Вук Караджич»

[*Вук Караджич — сербский выдающийся лингвист, просветитель, реформатор сербского языка и кириллицы, инициатор и участник Венского литературного соглашения о единстве сербскохорватского языка.. — *Примеч. пер.*]

Прогрессивное движение уже вовсю охватило и наше учительское общество. Борьба между передовой и реакционной частью учительства была очень острой. В 1938 году в Белграде было основано культурно-издательское общество «Вук Караджич». Передовые учителя развернули эту акцию, чтобы в ней объединить все здоровые и прогрессивные силы учительства и мобилизовать их для решения прежде всего как основных вопросов школьного обучения и просвещения, так и своих личных проблем. В обществе учителей в г. Вршац были и такие, которые не хотели понять, что эта борьба и за их права. На одной бурной конференции в дискуссии мне крикнули две учительницы:

— Зачем нам сейчас еще и «Вук Караджич». У нас есть свое общество.

Я им ответила, как положено. Тогда еще выступали и Чеда (Чедомир Миличевич – супруг автора – *Примеч. пер.*), Бранко Ракич и Жикица Йованович. Я не могла успокоиться даже дома. Было мне очень тяжело из-за такого непонимания сословной и классовой борьбы. Мои мысли летели к первой и в то время единственной земле социализма, где учительство уже решило эти проблемы, а потом мысли возвращались в этот сумрак королевской Югославии. Почувствовала желание выплакать эту беду или все это описать в каком-то письме поколению, или в некоем рассказе. Решилась на последнее и самое тяжелое. Назавтра, когда выкроила немного времени продолжить с написанием, неожиданно появился Жарко.

— Что ты пишешь, Анджа?

Погруженная в свои мысли, я подумала, что задремала и слышу дорогой голос. Мне не хотелось ему показывать то, что пишу, так как еще не завершила работу, кроме того я была недовольна написанным, поэтому машинально прикрыла тетрадь руками. Это еще больше заинтересовало Жарко.

— О чем ты пишешь? — повторил он вопрос.

— Вот, читай. Но это еще и наполовину не готово. Черновик мне был ясен в мыслях, а стала писать и запнулась.

Жарко вслух читал незавершенный рассказ о событии на учительской конференции в г. Вршац. Он смеялся с удовольствием.

— Это у тебя неплохо, но литературно труднее выразить эти мысли. Лучше напиши репортаж об этом для газеты «Учительская стража».

Но рассказ бы более эмоционально воздействовал на читателей и настроил бы их против реакционеров — так я думала про себя.

— Вижу, что ты не можешь смириться с тем, что есть учителя, которые мешают проводить классовую борьбу. Разве ты не видишь, что есть и пролетарии, которые медленно занимают свое место в борьбе рабочего класса? Над этим работает капиталистическое общество, что нам и усложняет борьбу. Тебя это волнует, и ты стараешься все выразить на бумаге. Это хорошая тема для написания, но мы должны понимать ситуацию, Анджа. Как ты думаешь, где бы этот большой рассказ мог быть напечатан в современных условиях? А во-вторых, сколько времени ты уже потратила и сколько еще нужно потратить на литературную обработку этого материала?!!

— Еще много часов работы, — ответила я.

— Видишь, дело в том, что эти часы сейчас важнее для партийных заданий, для еще более активной работы в массовых организациях и в учительском сообществе. Кроме того, в нашем доме работает партийная техника целую ночь, месяцами. Знаешь, что ты и Чеда перестали заниматься на философском факультете как раз из-за этих важных заданий.

— Значит не нужно мне писать, я поняла.

— Будешь писать обязательно, когда мы возьмем власть. Тогда подготовим многочисленные кадры, а у тебя будет время писать о современных событиях. Тебе в этом поможет Йован Попович и другие наши писатели, как и Максим Горький помогал людям писать, — завершил Жарко.

* * *

Прогрессивное учительское движение в обществе «Вук Караджич» расширяло свое влияние и свои отделения. Запланированы новые педагогические издания, организация педагогических недель в Белграде на время школьных каникул, а также совместный отдых летом. Развивалась все больше активность в борьбе за учительские права, за передовую качественную школу и политический и идеологический подъем учительства. Мы

требовали отмены распоряжений и предписаний, которые нарушали материальные и моральные права учительниц. Эти требования поддерживало большинство учителей, точно так же как и задачу и план активизации учительниц. Хотя в учительском обществе было 16 000 учительниц, а 10 000 — учителей, голос учительниц на собраниях слышался очень редко.

Учительский конгресс в Баня-Луке

1939 год был переломным годом в истории борьбы передового учительства. Тогда наше движение настолько окрепло, что имело возможность разорвать отношения с остатками социал-демократии и с гражданско-демократической группой в верхах Учительского Содружества. Конгресс учителей Югославии состоялся в Баня-Луке с 20 по 23 августа 1939 года — это означало переломный момент.

— Как делегат районного учительского сообщества в г. Вршац, я имела возможность участвовать в этом Конгрессе в борьбе «третьей группы» учителей, чьим членом я сама была. За несколько дней до конгресса ко мне обратилась председатель Альянса женских сообществ в Белграде с просьбой срочно приехать к ней. Она сообщила, что из-за болезни она лично не сможет приветствовать конгресс учителей, и Совет решил, что представлять Альянс на Конгрессе буду я, поскольку была активной и в этом движении. Мы договорились о теме текста приветствия, который должен был быть в духе конгресса международного Альянса женского движения в Копенгагене, где было предложено борьбу женщин за свои права объединить с борьбой рабочего класса.

Когда я вернулась из Белграда, встретила Жарко и сообщила ему решение Совета.

— Блестяще! Напиши текст приветствия! Завтра я зайду и мы вместе посмотрим этот текст, — сказал он мне.

Назавтра мы читали текст, а он объяснял новейшую политическую ситуацию в мире и в нашей стране — об ориентации демократической югославской буржуазии на гитлеровскую Германию, о Пакте о ненападении между СССР и Германией и т.д. В связи с этим он дополнял мой текст мыслями о фашистской опасности, о борьбе женщин за права рабочего человека вместе с рабочим классом...

Я записывала лозунги, которые он мне диктовал: «Да здравствует борьба передовых женщин», «Долой фашизм», «Долой захватнические войны», «Да здравствует справедливый мир» и другие. Мне очень сильно хотелось выполнить свое задание как можно успешнее, это было задание Коммунистической партии.

Первый день был торжественным. После того, как Конгресс приветствовали посланники короля, армии и другие, выступила я от имени Альянса женских обществ. Говорила, не глядя в текст. Вначале голос мой был тихий, а когда первые мысли и лозунги были громко поддержаны аплодисментами с галерки и из партера, сила моя удвоилась. Аплодисменты не стихали. Шеф полиции подошел к председателю Тоше Димитриевичу:

— Эти аплодисменты сильнее, чем королевскому посланнику, — протестовал он и требовал, чтобы мне запретили продолжить речь.

Председатель заколебался, а я еще энергичнее продолжила и когда завершила выступление, меня проводили овацией. Председатель объявил перерыв. Товарищи с галерки мгновенно спустились вниз. Велько Дугошевич, Слободан Галогача и еще несколько человек понесли меня на руках из зала. В течение рабочего времени конгресса я участвовала в дискуссии. Шеф полиции записал меня и всех выступавших в свой блокнот. Передовая «третья группа» (коммунисты) выступила с заявлением, что она не ведет узкую сословную борьбу, а гораздо более широкую за интересы самых обширных народных слоев. Совет Содружества неожиданно объявил выборы, чтобы нас, «третью группу», поставить перед свершившимся фактом: они хотели нашу группу застать врасплох, подчеркнуть свои требования, чтобы Содружество было теперь и в будущем без своих представителей. Но они ошиблись, коммунисты подготовили свой список. Так на выборах были избраны и представители «третьей группы». Борьба продолжилась вечерними демонстрациями в городе, которые мы, учителя, организовали вместе с рабочими. Когда я в Белграде посетила Алоизию Штебу, председателя Альянса женских организаций, чтобы отчитаться перед ней о конгрессе, она меня встретила холодно, сказав:

— Вы выступили как коммунистка, подвели нас и наше приветствие конгрессу.

Я смотрела на ее бледное лицо, которое кипело от ярости, и ответила ей:

— У меня есть конспект нашего договора о приветствии конгрессу. Я ничего не меняла, но, может быть, вы в течение ночи перестали быть демократкой.

«Третья группа» учителей-коммунистов»

Вдохновителями нашей борьбы в учительском сообществе в г. Вршац, кроме «третьей группы» учителей (коммунистов) были я и Чедомир, Бранко Ракич, Жица Йованович при содействии симпатизирующих демократов: Милисава Лукича, Владана Павловича, Грозды и Миты Вуичей, Иванки Ивачкович и других. [*В начале ноября 1939 года Елизавета Беба Петров сообщила мне, что меня приняли в партию, и что я буду работать в ячейке с

Миланом Трянцем – рабочим, Еленой Варяшки – выпускницей гимназии, и Джорджем Варяшки – крестьянином. Она мне объяснила, что я числилась в течение года кандидатом. А по принципам и критериям для интеллигенции я полностью достойна доверия Коммунистической партии. — *Примеч. авт.*]

Из-за вмешательства власти в дела Содружества и угроз районного начальника молодым учителям за их выступления на конференциях, из-за этого в открытой борьбе и в дискуссиях выступало небольшое количество от нас. Но при тайном голосовании на выборах Совета Содружества или на выборах делегатов конгресса — большинство всегда голосовало за нас. Наша борьба в Содружестве становилась все более жесткой. В нашем Содружестве появляется и Коста Грубачич, который как явный коммунист, несмотря на университетское образование, направлен на работу лишь учителем в гражданской школе: он посещал конференции Содружества.

Весной 1940 года, как взрыв бомбы раздалась в Вршаце весть, что нас, несколько работников просвещения, удаляют с наших должностей в школе. Это были: Коста Грубачич — учитель гражданской школы, Жица Йованович — учитель в Потпорне, и я, преподаватель в классе педагогической практики учительской школы. Бранко Ракич переведен в Горний Милановац, а мой супруг, Чедомир Миличевич, на болгарскую границу. В это время министром просвещения стал Корошец, и он сразу же принял решение используя дискреционное право, что из школы удаляют или переводят на пенсию, некоторых работников просвещения, в основном учителей «третьей группы» (коммунистов), тех, кто замечен как активист в Учительском Содружестве и в других прогрессивных организациях. Родители учеников в г. Вршац организовались самоинициативно и, сообщив об этом директору Учительской школы Заричу, собрали несколько сотен подписей, требуя от Министерства вернуть меня на прежнюю должность. Это требование поддержали родители учеников немецкой основной школы, в которой я работала годом раньше. Но наша акция была безуспешна.

* * *

Партийный курс был необходим, как дополнительное идеологическое образование нас, учителей. Ежедневная жизнь и работа дома и в организациях отнимали у нас все наше время и очень утомляли. Мы могли читать, уставшие, только в ночные часы. [*Жарко постоянно поддерживал связь с учительским движением. С 1938 по 1941 год как секретарь КК КПЮ Воеводины и кандидат в члены ЦК КПЮ, он получил задание поддерживать связь с группой учителей-коммунистов, используя «Учительскую стражу». Он поддерживал связь с Велько Дугошевичем и Милисавом Миошковичем, председателем учительской культурно-просветительской общины «Вук Караджич» в связи с проведением педагогических недель 1939 года, которые полиция безуспешно пыталась

сорвать. Этой педагогической акции много содействовал и Жарко своим присутствием, предложениями, манифестацией передовых учителей. — *Примеч. авт.*]

Курс должен был состояться в 1940 году во время летнего отпуска учителей под непосредственным руководством Жарко.

Но Жарко был арестован в начале мая, так что курсом в Сиеринской бане [Санаторий – *Примеч. пер.*] руководил «Темпо» — молодой революционер, высокий, как пирамидальный тополь, с жизнерадостным лицом и теплым взглядом. Он был на высоте задания. В это же время состоялся и партийный курс комсомола на Фрушкой Горе, в котором участвовали и мои сыновья Слободан и Предраг. Курс был проведен по заранее утвержденной программе и плану. Теоретические работы сопровождались дискуссиями. Изучение истории ВКП(б) и другого нелегального материала проходило дисциплинированно по группам. Я узнала экземпляр истории, который печатали в нашем доме. Дотронулась до страниц, которые проходили через руки наших комсомольцев, через руки моих сыновей, через мои руки. Я еле удержалась, чтобы не вскрикнуть от радости и гордости. Содержание мне было хорошо известно, так как я читала книгу в процессе тиражирования.

* * *

Заседание Секции в Новом Саде состоялось 10 августа 1940 года, оно было бурным. Присутствовал 71 делегат. Учителям – не делегатам, вход был запрещен, но в зал все-таки смог пройти представитель КК КПЮ. Руководство секции состояло из 5 членов, из которых один был из «третьей группы», этим членом была я. В дискуссии после открытия руководство получило упрек за большое количество неактивных людей в сословной борьбе, но не было указано на то, что в этом в основном виновато Главное руководство Югославского Учительского Содружества.

Реальную объективную критику идейной работы руководства секции провели сторонники «третьей банялукской группы»; как член этой группы и как член руководства я в часовом выступлении объективно, критически оценила годовую работу руководства и ее отступление от сущности сословной учительской борьбы. Вначале я указала на некоторые позитивные акции, в которых и сама участвовала, это была прежде всего работа по активизации учительниц. Потом я осыпала критикой руководство. Упрекнула его за то, что оно согласилось, чтобы на собрании не присутствовали учителя — тот самый учительский народ, о чьих интересах и шла речь, упрекнула руководство, что оно не ведет до конца борьбу за жизненные интересы учителей, школы, просветительской

работы, а только декларирует эти важные темы в мягком тоне, подчеркивает их с мольбой, а не по-боевому — даже часто замалчивает их, если власти ее членам, т.е. руководству, обещают какие-нибудь привилегии. Я говорила и о тяжелом материальном и юридическом положении учителей, рабочих и служащих. Пока я выступала и говорила об этом, в зале стояла глубокая тишина. Но когда начала указывать на причины такого состояния, на необходимость и на способы борьбы против этого, в зале поднялся шум. Сторонники так называемой «сельской линии», правые, начали мешать мне говорить, и чем больше я предъявляла фактов, шум становился все сильнее. В середине моего объяснения событий в Баня-Луке, в момент, когда я обращала внимание аудитории на доносы и тексты из «Просветы» [«Просвещение» – *Примеч. пер.*], делегат из Градишта замахнулся на меня стулом и, если бы не подскочили самые ближайшие делегаты, реакционер бы обрушил на меня свою ярость. Эту бурю утомили делегаты «третьей группы» — Влада Живкович, Стеван Журж и Стеван Крунич, выступившие в мою защиту, так как я говорила правду. Для выборов нового руководства наша группа подготовила свой список, и мы получили одного члена в главном руководстве и одного в надзорном органе, а еще двух членов в профессиональном правлении.

1939 — 1940

«Вот твоя невестка, мама!»

Конец сентября 1939 года. Вршацкая гора украшена зрелым виноградом. Листья липы, дуба, ясеня переливаются в желто-красной палитре. Улицы забиты телегами, наполненными виноградом и кукурузой. Мама, как и всякая домохозяйка, совершает в эти теплые дни генеральную уборку дома, а особенно старается все как можно красивее окрасить. В сербском краю преобладают дома, окрашенные в зеленый и ярко-желтый цвет, а в немецком — бледно-желтый. Когда мама собрала щетки, метлу и все остальное и уже хотела войти в дом, она заметила Жарко, как он подходит с конца улицы. На другом углу к нему подошла девушка. Мама пошла им навстречу.

— Мама, ты знакома с Бебой? — спрашивает Жарко, открывая калитку.

Девушка покраснела и хотела напомнить матери, где они познакомились, а мама сама вспомнила — праздник 8 Марта, на котором Беба говорила о правах молодежи, а полицейский не давал ей говорить.

— А я помню, — говорит мама и приглашает гостью в большую комнату.

— Какая здесь чистота! — говорит Беба, глядя вокруг.

Мама пошла на кухню приготовить кофе. А я за ней, чтобы помочь.

— Почему они пришли не вместе, и почему Жарко так спешил в дом? Может полиция следит за Бебой? А почему они вошли вместе? — спрашивает мама, приготавливая угощение.

— Можно я Вам помогу, мама? — послышался теплый голос, а затем шаги из комнаты и прежде, чем мама обернулась, Жарко ее нежно обнял.

— А вот вам и невестка, мама. Она тебе поможет, — говорит Жарко, просто показывая на свою подругу, которая уже протянула руки, чтобы взять поднос.

И хорошо, что она крепко взяла его в руки, а то бы мама от возбуждения и неожиданности могла его уронить. Мама хотела спросить, но посмотрела на Бебу — все ей стало ясно. Тогда ей Жарко и Беба объяснили, что они не могут официально пожениться из-за политической ситуации, они объявили свой брак нелегально своим друзьям. Мама долго держала в теплых объятиях своих сына и невестку. Тут послышался шум открываемой калитки. Жарко выбежал во двор и подождал человека, который как будто искал какую-то немецкую семью.

Лживые глаза встретились с острым взглядом Жарко. Человек растерялся и выбежал из двора.

— Кто это был? — спросила мама.

— Шпион, тот лётичевец, который был у нас в торговой палатке на Темишварской улице.

Жарко вскоре распрощался с Бебой и с нами и поспешил куда-то. Перед этим он сказал:

— Мама, Беба сейчас остается, но не жди от невестки, что она будет часто приходить, видишь и сама сейчас, какова наша ситуация.

Сердце матери забило от счастья. Тут, около нее, осталась веселая, жизнерадостная, улыбчивая невестка. Ее голубые глаза и звонкий голос были для нас как бальзам. Беба осталась на более длительное время. В тот день мы радостно отметили вступление Елизаветы Бебы Петров в семью Зреняниных.

«Я здесь не защищаюсь, я обвиняю»

В 1939 году Жарко участвует в июньском совете руководящего актива КПЮ в Тацане (Тацне) под Шмарной Горой. Здесь были разработаны задания коммунистам в борьбе против все более очевидной фашистской опасности. Весь 1939 год прошел и в Воеводине под знаком массовых демонстраций против профашистского режима в стране и против войны, а в 1940 году эти акции приняли характер борьбы против удорожания жизни и против голода: в Новом Саде, Суботице, Сремских Карловцах, Сремской Митровице, Петровом Селе в Бачке, Меленцах, Вршаце и других местах Воеводины.

Так, благодаря влиянию партии, все больше растет число антифашистов, людей, симпатизирующих нашему движению и коммунистам. Королевская власть зорко следила за прогрессивным движением масс и не выбирала средств, чтобы его остановить. В первые дни мая 1940 года арестован 21 коммунист и среди них Жарко. Дни проходили за днями и никаких вестей о них. Мы ездили в Петровград и требовали разрешение на встречу с Жарко, но нам всегда отказывали. И продукты, которые мы приносили для Жарко, не принимали. Мы поняли, в чем дело — Жарко был избит и чтобы никто не видел его в таком виде, запретили свидания с ним.

Прошел май, за ним июнь, а группа арестованных еще не была передана в суд. Мы узнали, что поводом для ареста была первомайская листовка, которую захватили у рабочего Милоша Йовановича в Петровграде. В связи с этим полиция по своему плану арестовала всех видных коммунистов. Шеф полиции имел достаточно полномочий, чтобы этим арестом обезглавить движение в Воеводине и нанести ему как можно более тяжелый удар. Я часто ездила в Петровград и узнала, что, наконец, оформлен судебный совет. Было известно, что судьи, в основном, лётичевцы, реакционеры, так что на основании сфабрикованного обвинения ожидалось самое суровое наказание.

Жарко очень хорошо знал судью по расследованиям Крунислава Бечаревича, коммуниста, так что он с ним посоветовался, как сорвать цель обвинения и для Жарко обеспечили возможность вступить в связь с товарищами из других камер.

Так что вскоре началась голодная забастовка, арестованные коммунисты потребовали для них общую камеру, более длительные прогулки, доставку печати и посещение родственников. Их семьи и симпатизирующие им люди распространили эту весть далеко. Работники фабрики ковров объявили забастовку в знак солидарности с арестованными товарищами, написали даже листовку, которая кружила по городу, общественное мнение протестовало против состава суда.

Начало августа 1940 года. Двадцать один коммунист в переполненном зале суда свидетельствуют о чудовищном насилии полиции и остро критикуют сфабрикованное обвинение. Жарко спрашивает, почему не присутствуют органы полиции, обвиняет их за преступное избиение людей, чтобы выбить из них ложные признания. Показывает на обвиняемого крестьянина Раду Дайина, у которого и после четырех месяцев после избиения до сих пор глаза отечены и налиты кровью. Пока он далее описывал чудовищные методы мучений и приспособления, с помощью которых ему стягивали голову и суставы, пока он объяснял, какую боль вызывает все это и какие последствия оставляет — публика, среди которой была и я, громко протестовала против полиции. Мы подходили к низкой ограде и угрожали дежурным полицейским.

— Долой насилие! Желаем слушать Жарко Зренянина! — гремело в огромном зале, как только государственный обвинитель перебивал Жарко.

Защита обвиняемых требовала новый состав суда из-за того, что некоторые его члены были в сговоре с полицией. Это было подкреплено доказательствами. Суд был остановлен. Продолжение его перенесено на 3 сентября 1940 года с новым составом. В это время я посещала Жарко вместе с мамой и отцом, мы видели следы избиения на нем. На суде Жарко блистал, а свое выступление завершил обвинением:

— Я здесь не защищаюсь. Я обвиняю, так как я перед своей совестью и народом и перед идеей, которой я служу, не чувствую себя виновным. Мы сейчас, в 1940 году выступаем в те дни, когда гитлеровские концентрационные лагеря и места пыток покрывают несколько европейских стран, когда темницы и все нечеловеческое угрожает уже всей Европе, всему человечеству. Сегодня меня обвиняют и называют антидержавным элементом и неприятелем своей страны только за то, что я коммунист и что всеми силами борюсь за то, чтобы моя отчизна не стала добычей фашизма. А судят меня как раз те, кто гитлеровской солдатне открывают все пути к нашей стране. Я обвиняю полицейские органы, которые нарушили конституцию и законы, которые нанесли урон основным правам человека! Требую их посадить на скамью подсудимых вместо нас!

Мы слушали, замерев, и одобряли его речь. Девять адвокатов самоотверженно и изо всех сил защищают обвиняемых. Бранко Байич (Член КПЮ. Погиб в 1942 году при открытии типографии «Свободной Воеводины» в Новом Саде) и доктор Братич защищают первомайскую листовку. В листовке КПЮ – требование, кроме всего прочего, чтобы власть установила дипломатические отношения с СССР, что уже многие державы сделали, и этого хочет весь рабочий народ Югославии. И сейчас, здесь перед нами сидит обвиняемый рабочий, которого обвинение хочет засадить в тюрьму на 15 лет только за то,

что он прочитал листовку и прочитал это требование. Мы должны спросить: может быть нужно осудить весь народ и все те страны, которые уже эти требования выполнили, установив дипломатические отношения с СССР, и создали даже дружеские отношения с этой великой страной, одной шестой Земного шара. Государственный обвинитель постоянно протестует. И все-таки Жарко и еще 17 товарищей были освобождены от обвинения и вышли на волю. **Об этом суде была объявлена весть по Радио Москвы.**

* * *

Дивна Албуль на основании фактов, которыми располагает исторический архив Краевого Комитета КПЮ Воевоины, пишет, что с тем политическим поражением и неудачей полицейские власти и режим не могли смириться как с окончательным решением. Они пытались спасти то, что еще можно было спасти. Хотели навязать массам и общественности мнение, такое, какое им было необходимо, что они не сложили оружие перед коммунистами, в противном случае можно было предвидеть, что это бы привело к абсолютно нежелательным для них последствиям. Поэтому государственный обвинитель в Петровграде требовал ревизию решения суда. На это требование государственного обвинителя часть коммунистов, а среди них и Жарко Зренянин, пишут обличительные замечания — против ревизии решения окружного суда, которые они отправляют в Окружной и Кассационный суды.

В том документе коммунисты Воевоины раскритиковали решение Окружного и Кассационного судов, а через них и государственного обвинителя. Документ содержит аргументы, написанные четко и резко, с необычайно точными оценками юридических и политических отношений в то время. Его строки дышат великой духовной силой коммунистов, чьи принципы и оценки далеко превосходили новые понятия и практику буржуазного аппарата. Эта уверенность в принципах распространяется от серьезного анализа и оценки политической ситуации до остроумной едкой шутки в адрес государственного обвинителя, так как его аргументы были такими, что к ним коммунисты не могли относиться серьезно.

Вот фрагмент этого документа:

«... Что касается меня, обвиняемого Жарко Зренянина, ревизия гл. государственного обвинителя меня нисколько не затрагивает, и я просто удивляюсь, что ревизия в отношении меня не была отозвана! В полицейских допросах единственный

человек, который меня упоминает — это обвиняемый Сечень. Между тем из этого протокола допроса Сеченя, о котором известно, что он получен под пытками и представляет собой фантазию полицейских властей, ясно видно, что меня обвиняют только за то, что я говорил Сеченю о Партии трудового народа. Эта партия, между тем, была легальной и имела свои легальные газеты, проводила легальные собрания, шла под своим именем на выборы и именно в Воеводине завоевала 4 места. Поэтому, что же противозаконного было бы даже если бы и пришли полицейские и выступили свидетелями в том, (что ни в коем случае не было бы истиной), что я говорил Сеченю о Партии трудового народа? Я бы должен был быть освобожден, в любом случае. Меня не смели посадить на скамью подсудимых, так как я обвинен в событиях, которые по существующим законам не являются преступлением. Таким образом, и в связи с вышеизложенным, что касается меня, нет доказательств ни даже в формальном нарушении закона. Поскольку формальное нарушение закона может иметь место лишь при таких обстоятельствах, которые бы привели к тому, что решение суда должно было бы быть другим, несмотря на то, что нарушений закона нет. А в данном случае решение суда должно было быть таким же (как было раньше) даже если бы допрашивали полицейских...

— Под пунктом «Р» ревизии государственный обвинитель считает, что нарушен материальный закон тем, что История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) квалифицирована не как пропагандистский материал, а как научный труд о развитии Коммунистической партии в России, соответственно в СССР. С этой точки зрения государственный обвинитель опирается на старые обвинения Кассационного суда, по которым известные труды Маркса и Энгельса квалифицированы как коммунистический пропагандистский материал...

— Государственный обвинитель особенно подчеркивает те обстоятельства, что в упомянутой Истории ВКП(б) написано, что Маркс и Энгельс учили пролетариат, что

добиться свободы можно только революционным путем и что Ленин говорил, что в 1905 году в России при первой революции (демократическо-гражданской [Терминология Жарко Зренянина – *Примеч. ред.*]) нужно было еще решительнее наступать вооруженным путем. Из этих слов государственный обвинитель делает вывод, что речь идет о пропагандистской брошюре. Позиция государственного обвинителя совершенно неуместна. Прежде всего, потому, что о том, как и чему учили Маркс и Энгельс, что и как советовал Ленин, написано не только в этой Истории, а пишется во всех наших учебниках по политэкономии, по которым учат студентов во всех университетах. А если некоторые ученики не знают, что Маркс и Энгельс призывали к революционным методам, то тогда такой ученик провалит экзамен, даже если он ежедневно посещает церковь и является наиактивнейшим противником всех марксистских доктрин...

Что касается решения Кассационного суда, в котором известные научные книги объявлены пропагандистским коммунистическим материалом, тут мы бы могли заявить следующее:

Если Кассационный суд ранее некоторые научные дискуссии квалифицировал как пропагандистский материал, это не значит, что всегда любая научная книга будет считаться пропагандистским материалом.

Далее, здесь необходимо иметь в виду и политический момент. Всякое решение суда, кроме всего прочего, есть результат своего времени и ситуации, при которых решение было принято. Всякое решение суда в какой-то степени есть выражение жизненной ситуации этого момента и той страны, где и когда это решение принято. И сам закон о защите общественной безопасности и порядка в стране – это результат своего времени. А время меняется, правовые отношения меняются, как и решения суда (приговор). И если бы это было не так, то всякий приговор был бы лишен всякой связи с жизнью, был бы беспредметным, мертвым

словом на бумаге. Со времён, когда были вынесены эти приговоры, на которые ссылается государственный обвинитель, изменилась ситуация и в стране, и за границей. Различные книги, брошюры, журналы, газеты, заявления, за которые бы в то время их писавшие люди были бы привлечены к суду по поводу защиты страны с самыми тяжёлыми обвинениями за коммунистическую пропаганду, сейчас распространяются сотнями тысяч экземпляров легально и читаются по всей стране, и никому даже в голову не приходит, что все те люди, которые пишут эти многочисленные книги, должны быть обвинены в коммунистической пропаганде..

— В те времена, когда никто не смел даже заикнуться о Советском Союзе, и то время, когда каждое слово хоть чуть-чуть содержало намек на свободу, такое слово было бы квалифицировано как коммунистическая пропаганда, в те времена и выносились такие приговоры, на которые ссылается государственный обвинитель. Сейчас, между тем, никто в стране, даже Кассационный суд, разговоры о Советском Союзе не квалифицировал бы как коммунистическую пропаганду, сейчас никто все те многочисленные газеты и брошюры не квалифицировал бы как коммунистическую пропаганду, сейчас это сделать не может никакой суд, не смог и Окружной суд в Петровграде..

Закон о защите общественной безопасности и порядка в стране не говорит, что именно считать коммунистическим пропагандистским материалом. Что является пропагандистским материалом — это устанавливает суд. А суд должен учесть состояние общественного мнения. Суд не может быть ни над жизнью, ни вне жизни. При современной ситуации и учитывая общее мнение История ВКП(б) не может быть квалифицирована как пропагандистский материал, поэтому постановление первостепенного суда совершенно законно..

— А кроме всего прочего эта книга может быть куплена в наших книжных магазинах на французском и немецком языках, так почему же она не может быть куплена на сербском? Что касается того, что суд решил все же уничтожить те книги по Истории ВКП(б), которые найдены у некоторых обвиняемых, на это мы можем ответить так: с одной стороны, это ошибочное решение суда, а с другой стороны, что бы суд мог сделать с двумя-тремя экземплярами этой брошюры, когда их ни один обвиняемый не требует для себя?...

— Государственный обвинитель говорит, что эта книга пропагандистская — иначе, зачем ее распространяли они между обвиняемыми, которые и при самом обыске заявили, что они по убеждению коммунисты?

По этой логике характеристику пропаганды одной брошюры дает не ее содержание, а личность, которая дает другим эту брошюру читать. По той логике бы, например, «Голос Сербской православной церкви», «Голос сердца Иисуса», «Голос общества святого Иерусалима» были бы пропагандистским коммунистическим материалом, если бы эти газеты и журналы распространяли люди, которые говорят, что они по убеждению коммунисты. Эта книга распространяется и читается людьми не ради пропаганды, а потому что существует в народе, в стране интерес к Советскому Союзу. А когда истина нравится народу, тогда не может ни один государственный орган, ни государственный обвинитель быть против истины, а если так — это ни к чему полезному не приведет...

Коммунисты на процессе открыто осуждают режим. Полиция беспомощно терпит поражение. В Окружной и Кассационный суды посылаются документы такого содержания, из-за которых раньше люди получали годы тюрьмы. А что суд предпринимает? Ничего. Освобождает обвиняемых. Это происходит потому, что суд вынужден считаться с общественным мнением, притом не из уважения к этому

мнению, а просто он вынужден, другого решения нет, так как это уже 1940 год, когда очень заметно недовольство и боевое настроение народа, который 27 марта очень ясно и глубоко выразит свое мнение».

* * *

В эту же осень (1940 года), как только Жарко вышел из тюрьмы, он куда-то уехал. Куда? Тогда мы этого не знали. Когда он вернулся домой, он был бодр, полон энергии и готовый к дальнейшей работе, несмотря на то, что полученные в тюрьме раны еще не зажили. О том, где он был, он сказал только младшему брату Спасое. Позже от Спасы мы узнали, что Жарко участвовал в V партийной конференции в Загребе, на которой его избрали членом Центрального Комитета КПЮ.

АПРЕЛЬСКАЯ ВОЙНА

«Лучше война, чем пакт»

Фашистские оккупанты оказывают давление на Югославию, требуя заключить с ними пакт, угрожая войной. Режим князя Павла Карагеоргиевича 25 марта подписывает пакт: Югославия присоединяется к оси Рим–Берлин–Токио. Коммунистическая партия Югославии вместе с рабочим классом и патриотами требует разорвать позорный союз. В это же время, пока в Белграде готовился путч, в Вршаце готовятся демонстрации широкого размаха. Жарко для этого приезжает в Вршац. В нашем доме на улице Стевана Високог, 8, 26 марта в полдень произошла встреча представителей местных комитетов партии, СКМЮ, «Абрашевича», «Фрозина» и молодежной секции женского движения (Илия Бранков, Яни Ленджел, Рудольф Корнауэр, Неца Анкуцич, Браца Петров, я, Елена Варьяшки...). Утвержден план наступления, текст лозунгов и способ самого широкого оповещения людей о готовящейся огромной массовой демонстрации. Жарко для этого и приехал в г. Вршац.

Вечером около 19 часов двинулись колонны демонстрантов с трех сторон: от Учительской школы, от Неманиновой и Темишварской улиц. Они сливались на главной

площади, скандируя: «Долой пакт!», «Лучше война чем пакт!», «Долой предательскую власть Цветковича-Мачека!». Молодежь пела песню «Защитим земли наши...» [Бранићемо земљи наши. – *Примеч. пер.*] Площадь перед Городским административным зданием была вся заполнена, а река демонстрантов и дальше приближалась к главной улице. Молодежные ряды прибывали от Учительской школы и от широкой Белоцеркванской улицы (Сейчас улица Жарко Зренянин). Никогда до сих пор, кроме может быть, во время Венгерской революции, г. Вршац не видывал такую массовую демонстрацию. Демонстрации рабочих-обувщиков, год назад, против «Баты» (обувная фабрика) значили для рабочего движения Вршаца крупный шаг вперед. Но количество демонстрантов было довольно скромное в сравнении с демонстрацией 27 марта. Ни манифестации в связи с событиями в Чехословакии, а затем и в связи с проводами новобранцев не могут сравниться с мощью и массой антифашистских демонстраций 27 марта.

Колонна двигалась вперед, масса народа походила на волны быстрой реки, глаза людей сияли от возбуждения. «Долой предательскую власть Цветковича-Мачека».

Приближался вечер. Колонна все шире и длиннее. Члены Гитлерюгенда стоят ошеломленные перед Учительской школой. Один из них, наиболее бешеный, начинает провоцировать нашу молодежь. Пера Стойкович ударил его кулаком и расквасил ему нос. Полиция и армия на главной площади нападают, хватают демонстрантов: двух рабочих, трех юношей и двух учителей. На помощь полиции прибывают вооруженная жандармерия и военный комендант города лично. Толпа, толкотня. Генерал морщится, нервно расхаживает туда-сюда.

«Требуем союз с СССР!», «Требуем свободу!» – раздается со всех сторон.

Те, что более храбрые и сознательные, в плотных рядах с воодушевлением готовы защищать честь своего народа и пойдут в самую жестокую борьбу за свободу и правду. Те, что стоят в стороне, ощущают инстинктивно, что правда и добро должны быть на стороне демонстрантов — иначе разве бы собрался столь уважаемый народ и подвергал бы себя опасности. Мещане делают вывод — это новая сила, она может быть ещё и победит. Около полуночи полиция окружила дом № 3 на Спаичевой улице и ворвалась внутрь. Поднимают отца и мать.

— Где Жарко — грубо спрашивает полицейский.

— Уехал, — отвечает отец.

— Куда? — еще яростнее кричит полицейский.

— Не знаю, — твердо и уверенно отвечает отец.

Бомбардировка и оккупация

Из Белграда мы получили поручение — Неца Анкуич, тогда член МК КПЮ, и я днем 6 апреля утренним поездом должны были уехать в Белград и дожидаться Жарко около 7 часов на углу Ботанического сада. Между тем, полиция не дала нам документы. Мы знали, что поручение дано нам срочное и важное, но на велосипедах мы не успели бы во время прибыть на встречу. Мы это восприняли как несчастье, но Жарко издалека узнал, а после это проверил, что одна бомба упала точно на место, где мы должны были встретиться.

— Счастье в несчастье, — сказал Жарко, когда позже мы встретились.

На заседании ЦК предыдущей ночью был уточнен план демонстрации рабочих, которые должны были начать движение на улице Теразие после 7 часов; поэтому члены представительства Сербии пришли уже в 7 часов туда. Между тем бомбардировка сорвала эту акцию. Проходя по Кнез-Михайловой улице, так как бомбардировка затихла, Жарко видел мародеров, как они врываются в квартиры и магазины через разбитые витрины. Чтобы прекратить грабеж, он быстро среди прохожих нашел несколько трезвых молодых людей и организовал охрану.

Оккупанты всего за 10 дней пересекли и раздавили нашу страну по вине гнилого, предательского режима и пятой колонны. В Воеводине фашисты первые же дни оккупации отметили кровопролитием тысяч патриотов. Знали они хорошо, что народы Югославии и не думают, и не чувствуют так, как их продажная власть и Генеральный штаб, поэтому они хотели террором заранее подавить всякое сопротивление. Потом настало затишье, как перед бурей. Жарко в те дни был постоянно в разъездах по Бачке, Срему и Банату. В непосредственном контакте с организациями руководство могло эффективнее и быстрее проводить в жизнь новые директивы.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, МОРАЛЬНАЯ И ВООРУЖЕННАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ ДЛЯ СОПРОТОВЛЕНИЯ ОККУПАНТАМ

«В борьбе с фашистами каждый коммунист — крепость!»

В течение мая и июня 1941 года члены ЦК и члены КК КПЮ проводили расширенные собрания с партизанскими кадрами и членами партии. На одном из таких собраний (состоялось в первую неделю июня) я и сама присутствовала. Собранием руководил Жарко, он неожиданно появился в Вршаце. Столярная мастерская на улице Неманиной была не безопасна из-за вражеского наблюдения, так что хозяин Драгутин Янкович, столяр, симпатизирующий движению, должен был караулить на улице, а на самом входе во двор стоял на страже рабочий Петар Трнянац, член МК [Местного комитета – *Примеч. ред.*] КПЮ. Столярная мастерская превратилась в просторный зал с большим количеством скамеек, члены партии сходились незаметно, один за другим, или по двое с большим интервалом. Когда я вошла в мастерскую, там было около 30 партийцев — мужчин и женщин. Жарко в одном углу беседовал с несколькими людьми. Я подключилась к ним. Глаза всех были прикованы к Жарко. **Как раз в это время говорилось о подвиге офицера Войе Атанасиевича, который с пятнадцатью товарищами на Ватинской дороге на границе с Румынией и всего с двумя ружьями задерживал превосходящего противника — немецкие войска — с утра и до трех часов дня, до тех пор, пока они не погибли от немецких пулеметов.** В этом разговоре почувствовалось у некоторых присутствующих идеализирование и преувеличение патриотизма граждан. Но Жарко их предупредил — будьте осторожны, так как под фашистской оккупацией могут проявиться многие человеческие слабости. Надо иметь в виду не только пособников оккупантов и предателей, но и колеблющихся мещан. Они постараются «помирить» мучеников с мучителями и будут настаивать на своей пассивности. Но между ними будет нарастать различие: одни в борьбе против неприятеля станут еще лучше и крепче, чем были; другие покажут себя трусами, а третьи станут еще хуже, чем были до этого, и перейдут на сторону противника. Ведь фашизм не только в структуре Третьего рейха. Он рассчитывает вовсю и на деформации человека с помощью культа силы, аморальности в странах, которые они оккупировали — объяснял Жарко. На

примерах он показывал как наивные и неинформированные люди могут легко поддаться фашистской пропаганде и силе, и нанести урон народному движению [*Фашизм, как понятие, в сознании некоторых присутствующих товарищей не был достаточно ясен до тех пор, пока они не увидели фашистских оккупантов на родной земле. Конечно, еще в течение 1939 и 1940 годов многие из них читали дневник из нацистского концлагеря Вольфганга Лангхофена «На западе что-то новое», и могли убедиться, как фашизм уничтожает все вокруг. — *Примеч. авт.*].

— Поэтому коммунисты должны быть бдительны и ничто не должно их заставить врасплох. А когда речь идет о неразбуженной и нераскрытой силе человека и о методах вооруженной борьбы, условие для этого создаст сама борьба, а указания будет давать наша партия — продолжил Жарко.

В этом спонтанном разговоре Жарко быстро создал нужный климат, так что мы к дневному заседанию пришли почти подготовленными. Основные темы дневного заседания были — оккупация и задачи членов партии в оккупированной стране. Жарко свое обширное выступление разделил на 4 части: о ситуации в целом; о характере фашизма; о чрезвычайно тяжелой новой ситуации, в которой окажется любой член партии; о подготовке вооруженной борьбы. Жарковы речи — решающий призыв. Товарищи возбужденно дышат, на висках выступают жилы... Жарко излагает свои мысли, внимательно смотрит на них, он был хороший знаток людей и умел по глазам читать их мысли. Открывается дискуссия. Говорилось о том, какие виды и остроту будет иметь дальнейшая борьба, где достать столько оружия для борьбы против мощных немецких танков, орудий и до зубов вооруженных фашистских солдат, которые уже переполнили Банат.

— Гестапо не остановится ни перед какими-либо чудовищными методами, чтобы подавить сопротивление народа. Вам известно, какие преступления совершало гестапо и в самой Германии, когда нацисты во главе с Гитлером взяли власть. Мы должны быть готовы к столкновению с самыми свирепыми зверствами. Матери, будьте готовы, что фашистские бандиты будут мучить и зверски убивать ваших родных детей у вас на глазах, чтобы сломить ваш отпор и разбить классовое сознание. Все это мы должны иметь в виду уже сейчас, когда утверждаем задания, которые должны выполняться в новых условиях, — говорил Жарко, чувствуя, как присутствующие проверяют сами себя в мыслях.

— Если кто-либо из партийцев не чувствует себя довольно сильным и способным к жертвенности, что не может вынести все, что партия и борьба от него требуют, тогда лучше это сейчас сказать открыто и не принимать такие задания. Пусть каждый себе напомнит: человек сам себе хозяин и ничего нет вне его. У меня партия в каждой моей клеточке, в моей крови, в ткани моей жизни. И только я в себе могу найти силы, если дело

дойдет до искушения. Таково наше революционное задание в это время — никто ни за какую цену не предает своих товарищей, свои связи и организацию. Каждый должен испытать свои особенности, через которые бы гестапо могло его спровоцировать, — продолжал Жарко.

— Лучше всех будут выполнять задания те члены партии, которые решительно, без всяких отступлений готовы уже сейчас их выполнять, хотя бы и ценой своей жизни. Не допускайте никаких сомнений, принимайте любое мучение заранее, как свершившийся факт. Мир вокруг нас, народ — это одна клеточка вашего организма. Вы хозяин своей жизни, а не гестапо. Как вы будете судить другого, должны уметь судить и себя. Жизнь человека в свободе — единственный облик счастья. Без свободы жизнь — беда и унижение, она — смерть, которая хуже, чем на виселице.

Мы слушали его, впитывая каждое слово и веря ему безгранично. Мы все знали, что Жарко многое из того, что нам рассказывал, испытал на себе и доказал свое мужество, пройдя через полицейский ад, оставаясь при этом несгибаемым коммунистом. Мы впитывали его мысли и речи как чистую истину и необходимое знание. Поэтому он и мог в нас разбудить чувство ответственности, преданности, бодрости и веры в будущее в той тяжелой, суровой ситуации.

Сава Мунчан громко поддержал призывы Жарко, глаза его сверкали решимостью.

— Действительно, в наших руках и своя жизнь и жизнь многих наших товарищей. В случае, если кого-либо арестуют, никто не сможет извлечь из нас признание. И даже когда нас будут зверски мучить, мы останемся твердыми и бодрыми. Я чувствую, что в каждом из нас есть по две жизни и по две смерти. Если нас будут бить до крови, это будут удары перепуганных зверей, которые бьют, потому что обезумели от страха за свою жизнь. Товарищ Жарко ясно нам осветил наш путь.

Говорила и Ольга (Радишич) Петров:

— Мы решились на вооруженную борьбу. Уже сегодня — мы ударный отряд и голос воли народных масс. Мы не станем на колени перед врагом, пусть он вооружен намного лучше нас. Мы его хорошо знаем уже сейчас, а он нас скоро узнает!

В дискуссии участвовали и Рудольф Корнауэр, Яни Ленджел, Яни Ритхен, Неца Анкуцич, Милан Якшич и другие [*Все эти революционеры пали смертью храбрых в течение народно-освободительной борьбы. Первым погиб Сава Мунчан, как секретарь ОК КПЮ в сентябре 1941 года. Из этого племени революционеров народные учителя: Жица Йованович, он был крепко связан с семьями Миличевич и Зренянин, погиб как командир в 1944 году; Миле Оморац, которому гестаповцы в 1941 году, зимой топором отрубили голову на пне; и Чедомир Миличевич, мой супруг, технический руководитель нелегальной партийной техники, опытный коммунист, погиб в ноябре 1942 года —

Примеч.авт.].

Наше собрание было посвящено и способу сбора оружия. Это была большая проблема, так как в эти дни оккупанты закрыли путь через Вршац к Румынии.

Один мальчик, ученик техника, был расстрелян, так как у него немцы нашли ствол от ружья. То же самое произошло и с одним пенсионером. О такой своей дикой мести оккупанты развесили многочисленные плакаты.

Где и как найти оружие? У кого? Задание срочное и требует решения. Жарко предложил, чтобы коммунисты объединились в малые группы, дал инструкцию, как это надо делать и на кого можно опереться. Также он изложил план создания контакта с патриотически настроенными людьми. Определил связи для конспиративной работы по добыванию ружей, револьверов, гранат и т.д. В то время в тех местах чаще всего источниками оружия были колодцы, куда югославские воины, после капитуляции старой Югославии в апреле 1941 года, бросали ружья, револьверы и иногда пулеметы. Кроме того, кое-кто в доме прятал оружие или ствол от ружья. Об этом оружии требовалось узнать и уметь его собрать. План был деликатным. Из обсуждений на этом собрании выявлялись все новые источники оружия. Собираем сейчас только мелкое оружие. Оно нам необходимо как воздух, чтобы мы поддержали свою силу. Оно нам нужно как голосовые связки, чтобы сообщить народу, что мы здесь, что мы с ним, с народом. Каждая наша ночь должна быть тревожной для врага. Это было одно из последних обширных собраний, организованных Жарко в Вршаце. В этот день Жарко собрал и узкий состав с коммунистами и симпатизирующими людьми средних лет. Он старался объединить в них человеческие и революционные эмоции, внушал им, объяснял новую форму нелегальной работы. В полдень он дал Яношу Ленджелу (члену МК) и мне свою рукопись с текстом «Обращения КК КПЮ к народам Воеводины», чтобы мы перевели его на венгерский язык, что мы и сделали к вечеру. В этот же вечер перед отъездом, Жарко задержался на несколько часов дома, в семье. В доме все на ногах, как на собрании. Все в семье в возбуждении. Все сосредоточены на одном— на глазах Жарко. На стене тень Жаркового торса остро очерчена и беспокойно движется. Браца Петров взволнованно спрашивает, а Жарко отвечает.

— Мы должны быть готовы к самым тяжелым ситуациям, где нам придется самостоятельно принимать решения. Запомните главное — в борьбе с фашистами каждый коммунист должен представлять собой мощную крепость. Все надежды народа обращены к нам. Мы всегда боролись за защиту жизни человека, за его достоинство. Но жизнь человека около озверевших нацистов хуже смерти. И когда мы в нашей ранней борьбе определяли в полицейских камерах на что решиться — на активный или пассивный образ жизни — всегда решались на активную жизнь. Ни одна клеточка нашего организма не

может мириться с рабством. Пуля в нашу грудь?! Но ведь жизнь не может остановиться! Что такое виселицы гестапо? И в критической ситуации и обратном счете — «та башня светлее, с которой видно свободу». Этого наш враг не знает. И, наконец, что это за жизнь в предательстве? Самое отвратительное человеческое убожество. В предательстве еще никогда не было спасения. В нескончаемой моральной силе, которой мы обладаем и распространяем вокруг себя, — в этом спасение. Жизнь не может быть дорога и красива до тех пор, пока около нас кишат нацистские орды. Наши товарищи тоскуют по героическим песням старых баррикад и восстаний. Мы с ними заодно. Мы — часть их духа, отражение сияния их пламени. Часть народа. И в этот час мы становимся самим народом, слившимся в одно напряженное тело, готовое к прыжку.

Его горящий взгляд переходил с лица на лицо его дорогих друзей и родных. Потом он подошел поближе к матери.

— Эх, мама, перед нами великая борьба. Пришло время выпрямиться гордо перед врагом. Многие матери зальются слезами. Но ненависть к врагу родины может быть впереди нашей боли. Вместо теплых объятий и поцелуев и материнского благословения приходит месть за все страдания и унижения. Будь готова к тому, что мы все, твои дети, погибнем. Я знаю точно, что если понадобится, и ты отважно отдашь свою жизнь.

Так говорил Жарко матери.

— Да, Жарко, конечно, все так и есть, как ты говоришь, поняла тебя, — тихо произнесла мама.

— Пришло время, мама, для нас, коммунистов, чтобы мы еще больше закалились и из железной воли преданных людей мы делаем сталь для защиты. Законы все более тяжелой нелегальной борьбы вынуждают нас переходить к суровым условиям войны и неравной борьбы. И поэтому я не смогу больше приезжать домой.

На Спаичевой улице эхо шагов Жарко...! Последние его шаги по этой улице и последнее расставание с семьей...!

Дома с нами остались Деян Бранков, Руди Корнауэр, Сава Мунчан, Браца Петров, Елизавета Беба Петров и Янош Ленджел. Все мы думали об одном — увидим ли Жарко еще когда-нибудь? Как же мы будем без Жарко в тяжелые дни? Руди Корнауэр это и сказал вслух, а за ним и Деян Бранков. Но, Жарко показал нам, как надо держать всегда палец на спусковом крючке и теперь это наша задача нажать на него и держаться до победы.

Гестапо пока еще не арестовывает коммунистов. Работу продолжим через партийные собрания. По поведению нацистов, по сообщениям радиовестей и печати, привозимой из Берлина, мы узнаем о многих намерениях «Майн кампф-а», которые

относятся к уничтожению славян и предугадываем то, что скоро случится — гитлеровское нападение на СССР.

«Мы, коммунисты, лучше погибнем с честью, чем будем жить в позоре»

Холодная весна резко сменилась теплым летом. Густая, липнущая грязь, которую части СС нанесли на асфальтированные улицы Вршаца, высохла и превратилась в пыль под гусеницами танков и многочисленных машин неприятельской военной техники. Забиты улицы, забиты шоссе. Грубое тяжелое железо давит на черную землю. Как наводнение оно движется на восток. Мы знали. Они идут на Россию — шептали люди. Солнце уже пекло жестоко, когда пришла весть, что гитлеровская Германия нанесла коварный удар по СССР. Гестапо начало аресты коммунистов, симпатизирующих движению и патриотов.

* * *

Через год тяжелой борьбы и страшных потерь... после длительного мучительного заключения в камерах 21 июня 1942 года была совершена казнь 25 коммунистов из тюрьмы в Петровграде: рано утром открылись ворота и осужденные на смерть пошли в свой последний путь. Гордо подняв головы, они прощались с оставшимися товарищами и принимали в ответ поднятые вверх сжатые кулаки. В поезде на Панчево мучительная тишина. Только звон цепей и звук локомотива. В левом углу купе сидит первый из списка осужденных — Пера Ацкета, рабочий из Избишта. Около него немецкий офицер, он смотрит прямо на девушку с противоположной стороны и спрашивает ее:

— Вы больше любите смерть, чем жизнь? Такая молодая и красивая девушка? Даю вам время на размышление.

Пера на секунду затрепетал, неужели Мила Матеич поколеблется? Но когда увидел ее гордо поднятую голову, ее упрямый взгляд и улыбку, он успокоился.

— Коммунисты лучше погибнут в чести, чем будут жить в позоре, — отвечает она отважно.

Офицер встал и яростно замахнулся на Милу, угрожая ей. Пепел с его сигареты посыпался на чудесное новое, как небо голубое Милино платье. В

третьем углу сидел самый молодой осужденный. Темные глаза его были полны слез. Мила на него посмотрела нежно и крикнула ему:

— Не плачь, товарищ! Как мы вместе боролись за свободу, так вместе и погибнем.

И вдруг зазвучала песня: «Молодежь будь с нами» («Омладина, буди сада са нама») и «Пшеница колосилась, Воеводина голосовала» («Пшеница је класала, Војводина гласала»). На большой площади в Панчево их уже ждала готовая виселица. Люди со слезами на глазах и с болью в сердце проходили, смотрели и запоминали.

Мила посмотрела на небо. Вспоминала дивные дни, когда она плыла в небе на планере над городом Вршац, вспоминала свои бесстрашные фигуры в воздухе. Пера, угадав ее мысли, шепнул:

— Орлу подрезали крылья, но он бесстрашен.

Когда палач по команде подошел к Миле, она его оттолкнула, сама взяла петлю и громко крикнула:

— Не портите эту виселицу, фашисты, дойдет очередь и до вас! Да здравствует Коммунистическая партия! Да здравствует Советский Союз! Да здравствуют наши партизаны!

* * *

«Борьба будет долгая, тяжелая и кровавая»

Наш дом перерыт до основания. Гестаповские агенты обшарили каждый угол. Из 12 членов семьи только отец и мать были дома. После обыска в их дом долго не смел зайти ни один приятель. Мы сами со своими заботами в страхе и неизвестности. Однажды в теплый вечер совсем поздно, когда мама и отец закрывали окна с улицы, как будто солнечный луч сверкнул из мрака — радостная широкая улыбка Сава Мунчана. С быстротой молнии его взгляд пробежал по дому, оценивая, можно ли зайти на 1–2 минуты.

— Что нового, Сава? Где наши дети? Как они? — быстро спрашивали отец и мама, обнимая Саву.

— Не беспокойтесь. Начинается великая борьба. О Жарко не беспокойтесь. Вот нам всем привет от него. Сава открыл папку с белыми листами исписанными четкими

словами: «Обращение Краевого комитета КПЮ к народам Воеводины». В обращении к народу сообщается о нападении гитлеровской Германии на братский Советский Союз. Текст был написан на всех языках народов и народностей Воеводины.

В тот же день, когда Гитлер напал на Советский Союз, 22 июня 1941 года, в Белграде на улице Молеровой в 2 часа дня состоялось заседание Политбюро ЦК КПЮ.

На следующий день 23 июня из Белграда в Петровград прибыл Жарко. С ним приехал и Ратко Митрович. Они ушли прямо на хутор Жарко Туринского. Здесь и состоялось заседание Краевого комитета КПЮ Воеводины. На заседании присутствовали Жарко Зренянин, Светозар Тоза Маркович, Гордана Ивачкович Црна, Соня Маринкович, Джордже Зличич, Иван Вийоглавин, Жарко Турински, Данило Груич и Ратко Митрович, который был кооптирован в Краевой комитет.

Заседание открыл Жарко Зренянин.

Распорядок дня: разработка линии ЦК КПЮ и призыв партии к вооруженному восстанию.

Жарко объяснил общую политическую и военную ситуацию и передал решение ЦК КПЮ: **С оружием бороться против оккупантов и их приспешников.** Военные десятки постепенно превратить в партизанские отряды. Отряды будут формироваться по территориальному принципу. Один Уездный комитет — один отряд.

Принимается решение, чтобы коммунистов, известных полиции, сразу включить в партизанские отряды, и формируется штаб партизанских отрядов Воеводины. Командиром штаба избран Данило Груич, заместителем Жарко Туринский, а комиссаром — Светозар Маркович Тоза. Решено, что Иван Вийоглавин и Гордана Ивачкович Црна переходят в Бачку и помогают Радивое Чирпанову. В Северном Банате остаются Жарко Зренянин, Ратко Митрович и Светозар Маркович Тоза. В Южный Банат уходит Стевица Йованович. Там его ждет Сава Мунчан, секретарь Окружного комитета Южного Баната и член Краевого комитета КПЮ Воеводины.

Жарко завершает заседание словами:

— Борьба будет долгой, тяжелой и кровавой, и очень мало надежды, что кто-то в результате этой борьбы останется в живых... Партийная организация в Воеводине очень молодая и поэтому потребуются огромная работа и напряжение руководящих кадров в моральной поддержке организации. Есть вероятность, что некоторая часть людей будет колебаться, не будет подчиняться дисциплине, даже одна часть из национальных меньшинств перейдет к неприятелю. Особое внимание нужно обратить на немцев и венгров, которые работали в Объединенных рабочих профсоюзах и которые знают

большое количество наших активистов... Мы ни в коем случае не должны допустить, чтобы наши люди попали в руки врага...

Уже на следующий день состоялось заседание штаба партизанских отрядов Воеводины. На заседании присутствовал и Жарко. Принимается решение, о том, как организовать Краевые, Окружные и Местные штабы и кого из людей нужно отобрать в них. Будет основан Народный партизанский судебный совет — комиссар и два бойца, которых выберет отряд. Устройство отряда будет базироваться на устройстве единиц старой югославской армии. Одобрено предложение, чтобы при каждом отряде был специальный разведывательный сектор — начало будущей разведывательной службы.

Пока проводилось собрание на хуторе Жарко Туринского, и разрабатывался план восстания, посреди Петровграда на просторной площади перед старым зданием, фашисты развернули огромный лозунг:

«Dieses Land War Ist und Bleibt Deutsch!» [Эта земля была, есть и останется немецкой – *пер. с нем., примеч. авт.*].

Гитлеровской директивой от 12 апреля 1941 года о разделе Югославии, было решено, что Банат и часть восточной Сербии будут единое экономическое пространство под управлением немцев. Между тем, после оккупации это решение было изменено, и Банат был передан под управление Ачимовичей, а после — под управление Недичевой квислингской власти [*Квислинг — нарицательное имя любого предателя. Квислинг — лидер фашистской Норвежской партии. — *Примеч. пер.*]. 26 декабря 1941 года образован Банатский округ, которым сначала руководил подбан [заместитель или и.о. руководителя округа – *Примеч. пер.*], а затем начальник, которого, с согласия руководителя немецкого национального меньшинства, поставил министр внутренних дел власти Недича. Районами управляли районные начальники. Оккупанты обеспечивали контроль над Банатом через «Фельдкомендатуру 618» (Feldkomandature), которая находилась в Панчеве, а с июня 1941 года через «Окружные военные управляющие команды 823», расположенные в Петровграде. Оккупационный полицейский аппарат в Банате был очень мощный. В конце 1941 года там было около 4000 полицейских. Полицией руководило «Второе отделение, подчиненное подбану» («Друго оделење надлештва подбана»), чьим руководителем был известный садист Франц Райт. Шефом полиции был Юрай Шпиллер (военный преступник), который «прославился» борьбой с коммунизмом еще до войны во времена старой Югославии в Загребе и Новом Саде.

Нагло маршируют немецкие подразделения, которые уходят на восточный фронт. Маршируют и местные немцы, фольксдойчеры, все еще в гражданской одежде — записываются в немецкие военные подразделения. Через многие громкоговорители

немецкое радио беспрестанно сообщает, что гитлеровские военные части прорвались глубоко на территорию Советского Союза. А члены Краевого комитета КПЮ расходятся по широкой Воеводине, чтобы поднять народ на восстание. Уже 24 июня Иван Вийоглавин и Светозар Маркович Тоза переходят через реку Тису, в болотистой низине встречаются с Радивое Чирпановым и договариваются о создании штабов партизанских отрядов на территории Бачки. [*Радивое Чирпанов — самый близкий соратник Жарко Зренянина. Еще будучи молодым рабочим-обувщиком, становится членом КПЮ. За время «шестиянварской диктатуры» часто бывал арестован и осужден. В начале 1939 года он становится членом КК КПЮ Воеводины. Первые военные акции и диверсии в Бачке и в Банате во время национально-освободительной войны были совершены под его непосредственным руководством. После тяжелого ранения в плену он отказался сказать свое имя врагам. Когда он вскоре умер от полученных ран, на его могиле написали — Ismeretlen — Непознат (Неизвестный – пер с венгер. и серб.) — *Примеч. авт.*]

После совещания Краевого комитета в Северном Банате формируются из существующих военных десятков восемь партизанских отрядов. (Меленачки отряд состоял из пятидесяти бойцов, Кикиндский – из двадцати пяти бойцов, Караджорджевачский – из 11 бойцов, Стайичевский – из тридцати бойцов, Мокринский – из тридцати бойцов, Куманчский – из двадцати, Александровачский – из пятнадцати бойцов и Драгутиновачский – из тридцати бойцов).

И в Южном Банате в 1941 году тоже организованы партизанские группы. Одна из них была уничтожена еще в июле, когда пыталась заминировать железную дорогу вблизи Владимировца. А позже формируется Южно-Банатский партизанский отряд в Делиблатских песках, район Ковиньский.

Первые акции восстания. Великое всеобщее кровавое наступление на коммунистов и патриотов.

Группа комсомольцев-диверсантов 25 июня 1941 года нападает на немецких охранников на железнодорожном мосту в Петровграде. Мост выведен из строя, 10 дней ни один состав не может проехать по мосту. В селах земель Меленоваца около Кумана совершены первые акции – с молотилок сорваны приводные ремни.

В конце июня Окружной комитет Северного Баната созывает совещание. Секретарь комитета — Серво Михаль [*Серво Михаль — народный герой; закройщик, член КПЮ с 1920 года. За участие в революционной борьбе осужден в 1929 году на 10 лет тюрьмы. Он был секретарем ОК КПЮ Северного Баната и член КК КПЮ Воеводины. Арестован и расстрелян в 1941 году в Белграде. — *Примеч.авт.*].

Принято решение жечь жито! Как можно меньше пшеницы неприятелю! Пылают стога вблизи Петровграда и Кикинды...

Недалеко от одного спаленного стога немцы в знак мести расстреляли Ружу Шулман, Владимира Коларова и Брацу Арсенова. [*Владимир Коларов Коча — секретарь Местного комитета КПЮ Петровграда. Он был одним из наипринципальнейших и преданных членов коммунистической партии в Воеводине. Многообещающий одаренный поэт. Арестован и расстрелян 26 июля 1941 года в Петровграде вместе со своей супругой Ружой Шулман, членом ОК Северного Баната. Народный герой. — *Примеч. авт.*]

Убит и судья Крунослав Бечаревич. Гестаповцы его зверски мучили, а потом инсценировали его самоубийство в туалете.

Жарко максимально осторожен. Однажды идет на встречу, заказанную в доме отца Сони Маринкович в Петровграде. [*Соня Маринкович — народный герой, инженер агрономии, член КК КПЮ Воеводины. Вместе с Жарко она работала над подготовкой восстания и над переправкой борцов в партизаны. Арестована 14 июля 1941 года в Панчево. В тюрьме держалась геройски. Когда 31 июля 1941 года в Петровграде ее повели на расстрел вместе с большой группой коммунистов и хотели ей выстрелить в спину, она повернулась лицом к бандитам и закричала: «Стреляйте в грудь, это коммунистическая грудь!»]. — *Примеч. авт.*] Соня уехала в Панчево, чтобы передать курьеру деньги для ЦК КПЮ. Каждую минуту ожидалось, что она вернется. Жарко не входит сразу в дом. Проходит вдоль проволочной ограды, как обычный прохожий, бросив как бы случайный взгляд во двор и в глубину дома — около окна замечает немецкую униформу. Это была засада. Жарко медленным шагом спокойно продолжает свой путь.

Через два дня узнает ужасную весть. Соня в Панчево передумала, несмотря на категорический запрет Жарко, она решила, что сама поедет в Белград и передаст деньги. На переходе ее узнали вражеские агенты и арестовали.

В тот же день, когда расстреляли Соню Маринкович, был расстрелян и Рудольф Корнауэр, первый немец, которого гитлеровцы расстреляли в Югославии; затем — Михайло Предич, доктор, которого Иво Лола Рибар послал к Жарко в Банат как представителя ЦК СКМЮ и Милан Трнянац. Сердце Жарко сжалось от боли. Точно происходило то, что он предвидел — погибали самые преданные члены партии. Были арестованы и расстреляны из-за невнимательности и неопытности, или из-за того, что попали в акцию фашистов. Руди Корнауэр и Милан Трнянац арестованы и расстреляны из-за личной невнимательности, но прежде всего из-за завербованного гестаповцами партизанского курьера, которому доверяли борцы. Он работал курьером между Белградом и Новым Садам. Это был — Петр Алдан.

* * *

Помню, в тот же день, когда партийная организация в г. Вршац получила директиву – предписание о том, что все известные коммунисты, которых вызывали на допрос, арестовывали, осуждали, должны перейти на нелегальное положение, – 21 июня 1941 года в полдень пришел к нам в дом незнакомец — молодой, бегающего взгляда и сурового вида с кожаной торбой под мышкой. Спросил меня, знаю ли, где Неца Анкуич, так как он должен с ней встретиться. Мне показалось нелогичным и странным, чтобы Неца организовывала встречу без договоренности со мной. Я знала, что она где-то в пути и сказала, что не знаю, где она находится, а кроме того не может быть и речи о встрече с ним в нашем доме. Он посмотрел на меня сурово. А потом спросил о Лидии Алдан. Я знала, что Лидия находится в Вршаце строго нелегально и ответила ему, что не имею понятия, где она, так как мы даже не знакомы лично. Посетитель удалился очень недовольный. Из соседней квартиры выходил тогда Милан Якшич, член МК. Он и незнакомец громко и сердечно поздоровались. Позже я узнала, что это был Петр Алдан, брат Лидии. Я задумалась о его странном поступке. Когда в тот же день к нам пришел член МК Янош Ленджел сообщить о предложении МК остаться мне с младшим сыном Предрагом – членом СКМЮ, на нелегальной партийной работе в г. Вршац, я ему сообщила о посетителе. Товарищ Ленджел согласился со мной, что поступок Алдана был неправильным, и что он нарушил законы конспирации. Через три дня полиция в доме Милана Трнянца на ул. Спаичевой, 9, нашла листовки, предназначенные для немецких солдат, которые там положил Петр Алдан с согласия хозяина и Рудольфа Корнауэра. В дом Трнянца Алдана отвел Милан Якшич вместо Неци Анкуич. После возвращения из Вршаца Алдан был арестован, он сразу же признался во всем и всех выдал. Трнянец и Корнауэр были расстреляны 31 июля 1941 года, а Милан Якшич арестован позже и тоже расстрелян. Это был первый провал в партийной организации Вршаца и первая предательская акция Петра Алдана, который под крылом гестапо озверел и уничтожил Никицу Живановича и Момчилу Стефановича. Характерную оценку Алдану дал сам Шпилер, который его допрашивал после ареста (Стенограмма допроса Шпилера после его ареста после освобождения Югославии находится в архиве КК КПЮ в Новом Саде и в отрывках в газете «Дневник»):

«...В те дни (после 22 июня 1941 г.) арестован один студент, о котором известно, что он был настроен как левый. Его звали Петер Алдан. Когда этот молодой человек был отведен в сборную тюрьму в панчевской шелковой фабрике, выбор гестапо пал на него. Его оценили еще при первом допросе, как сангвиника, и гестаповцу-следователю показалось, что на этом “материале” он может строить свои дальнейшие заключения,

предположения и вербовку. Смысл всего это был в следующем: найти соратника в рядах противника; в этом нестабильность личности играет безусловно главную роль. А Алдан был как раз таким. Основное во всем этом было — это студент, молодой, темпераментный, любит жизнь, в каждом его шаге в жизни ощущалась склонность к авантюризму. Неизвестен ему был «свет в черной ночи», около него он вертелся как безумная мушка. А так как его скрытности и сообразительности нельзя было отрицать, его этика была ущербная, была полна щелей, в которые в любой момент могла втиснуться грязь. Гестаповец предложил перебросить Алдана в Белград, в тюрьму гестапо. В сопроводительном листе было подчеркнуто, что Алдан хорошо знает коммунистические круги, и он был надежным курьером между Белградом и Новым Садом. Вербовка Алдана состоялась, и он получил главное задание — выяснить пути следования Жарко Зренянина. Алдан был выпущен на свободу и был прикреплен к фашистскому капитану Бранту».

* * *

Была, таким образом, необходима еще более глубокая конспирация, еще большая осторожность. Со всех сторон подстерегают агенты: немецкая полиция в движение сопротивления засылает своих провокаторов. Немцам нужен спокойный Банат. Они тут мобилизовали свою фольксдойчерскую СС дивизию «Принц Ойген»; здесь же больница, переполненная ранеными немецкими офицерами с восточного фронта, здесь же начинается строительство огромного аэродрома вблизи Эчке, укрепление моста для восточного фронта и подразделений Ромеля в Африке.

Но все же и на равнине появляются партизаны, точно по решению ЦК КПЮ от 4 июля 1941 года.

Мокринский партизанский отряд 21 июля заминировал мост на канале «Аранка» вблизи Падейя. Куманачский и Меленачский отряды 29 июля вместе нападают на немецкую полицию в Меленцах; часть полицейских отрядов в здании школы разоружена, а архив уничтожен. Из Белграда прибывает курьер и приносит радостную весть об освобождении 32 каторжан-коммунистов. Немцы рассчитывают любой ценой до зимы разбить банатские партизанские отряды. Они формируют карательные экспедиции. Над сербскими селами летают немецкие штурмовики «щуки». Карательные акции и облавы продолжаются несколько дней, лагеря полны заложников, идут массовые расстрелы.

В районе Меленаца фашисты безуспешно пытаются уничтожить объединенный Куманачско-Меленачский отряд. Немцы терпят потери — 2 убитых, 17 раненых. Из тех дней сохранилось сообщение Краевого комитета КПЮ Воеводины от 2 сентября 1941

года Центральному Комитету КПЮ о состоянии партийной и военной организации. В сообщении, которое подписано «УЧА» [*Жарко Зренянин, Уча. — *Примеч. пер.*], кроме всего прочего стоит:

«Ваше письмо от 21/VIII прибыло в наше бывшее расположение 23/VIII, а мы его получили 26-го. Причина была в том, что произошел новый провал и бешеные облавы в городе и в некоторых селах в те дни...

Состояние организации в Банате. Мы знаем имена и проверили арест 51 члена с момента нападения на Советский Союз примерно две недели назад. Между тем число арестованных в тот период колебалось до 70–80 человек. За последние две недели совершены новые аресты в ряде мест. Так в Великом Бечкереке провал организации с 20/VIII до сих пор захватил большое количество комсомольцев, симпатизирующих, людей из отрядов, многие семьи, которые скрывались от оккупантов. Особенно большое количество арестовано городских партийцев и функционеров...

Расстреляно или убито десять человек, о которых нам известно, но на самом деле их больше. Среди них Соня Маринкович, Вл. Коларов, Рудольф Корнауэр, Ружа Шулман, Д. Йовичин, П. Радойчич, Ал. Радосавчев, Бр. Вуйин, М. Кулич, Эльза Задрувец. В борьбе с полицией погиб член МК - В.Б. (Велики Бечкереке) Богдан Теодосин. Когда полиция хотела арестовать его и девушку из МК, он отстреливался, а девушке удалось спастись. Полицейский был ранен, а товарищ Богдан не успел уйти от врагов, был окружен и убил себя. Арестованы главным образом самые опытные люди, которых мы имели. Мало таких на “свободе”. Как это могло случиться? КК КПЮ еще перед нападением фашистов на СССР всем организациям очень серьезно объяснял необходимость крайней бдительности и необходимости скраться. Небольшое количество людей не придерживалось этой инструкции, и они были арестованы в первой волне. Остальные погибли, как жертвы предателей, шпионов, провалов, облав и т.д. Очень велико число предателей и доносителей — на каждой улице десятков. Масса немцев, румын, сербов, лётичевцев и некоторые венгры служат неприятелю. Оружия очень мало, а без оружия мы не могли посылать людей на кукурузные поля, которые показали себя как довольно слабое укрытие. [*Воеводина — равнина, на которой сажают кукурузу, подсолнухи — они в благоприятном климате достигают высоты до трех и выше метров. Партизаны летом использовали их как укрытие, хотя и не очень надежное. — *Примеч. пер.*]. С другой стороны, оппортунизм и паника, которые охватили часть членов партии, могли быть разбиты только активизацией людей; те, которые нас уговаривали не допустить, чтобы люди себя открыли, и чтобы на самом деле ничего не делали...

Недавно мы получили письмо о том, что все заключенные в Митровице совершили побег. Это вы знаете. Письмо – от товарища Кнежича (Цото). Он в том краю.

Последний провал (СКМЮ) открыл всем прекрасных девушек и юношей. Их били беспощадно, но они ничего не признали. Провал совершил один, который в течение провала стал провокатором. Его выпустили, и он продолжает предательства на свободе. За то, что он и еще некоторые предатели еще не уничтожены, мы исключили из партии человека, который должен был это сделать — уничтожить предателя».

Всего через 3 дня - 5 сентября в г. Вршац в борьбе с неприятелем погиб Славко Мунчан Сава, секретарь ОК КПЮ Южного Баната и член КК КПЮ Воеводины.

Банатские партизаны продолжают акции

Между Мокрином и Валканем 17 сентября была заминирована железная дорога в шести местах.

Объединенные северобанатские отряды совершили 25 и 26 сентября нападение на куделяру [Завод по обработке конопли, шерсти и выработке нитей и веревок – *Примеч. пер.*] и на румынский пограничный караул в районе Српске Цне. Сожжено 40 вагонов конопли, разогнано 14 румынских солдат, еще трое — убиты. 30 сентября напали на куделяру в Башайде. Сожжено 170 вагонов кудели (конопли) и совершено нападение на полицию в городе.

Немцы готовят контрнаступление.

Немецкий комендант в Сербии приказывает, чтобы сейчас же начали резать кукурузу и начать жатву, так как поля кукурузы служат коммунистам как прикрытие. В приказе фашист написал: «Кто будет мешать выполнять приказ, будет расстрелян».

КК КПЮ Воеводины решает перебросить главные силы партизанских отрядов из Баната в Бачку и Срем, где бы они перезимовали и весной 1942 года вернулись в свой район.

Передислокация должна была произойти 1 и 2 октября. Враг сорвал этот план тем, что перекрыл все переходы через реку Тису и не дал партизанам выйти из Баната.

Жарко перешел в Бачку. В конце сентября в Новом Саде на заседании Краевого комитета принято решение о дальнейшем развитии национально-освободительной борьбы в Воеводине.

В Среме руководили восстанием бывшие заключенные-коммунисты Йован Веселинов Жарко, Станко Паунович Велько, Слободан Баич, Йовица Трайкович, Юсуф

Тулич и Ачим Грулович. В Бачке останутся Светозар Маркович Тоза с Радивоем Чирпановым и Иваном Вийоглавиным. В Банат вернется Жарко (Зренянин), чтобы реорганизовать Окружные и Местные комитеты. С ними он должен разработать тактику борьбы в зимних условиях и в условиях жестокого террора оккупантов.

Гордана Ивачкович Црна, член КК КПЮ Воеводины попала в руки гитлеровцев и стала предателем и провокатором.

ЖАРКО ВОЗВРАЩАЕТСЯ В БАНАТ

«Облава на красного генерала»

5 октября 1941 года. В засаде на улице Кралевича Марко в Новом Саде агенты ждут Жарко Зренянина, Светозара Марковича Тозу и Радивое Чирпанова, которые договорились здесь встретиться.

Воскресенье, вечер, улицы полны народа.

Раздается выстрел.

Падает Радивое Чирпанов.

Жарко и Тоза — в непосредственной близости. Услышав выстрел, оглядываются и печально удаляются от места засады. Навстречу им идет жандармский поручик с револьвером в руке. Жарко мгновенно достает свой револьвер и будучи более ловким, смертельно ранит жандарма. А его самого пуля только царапнула над широким поясом. Он обращается к людям, которые спешат увидеть, что случилось.

— Вон там, ниже, убит человек! — говорит Жарко.

Люди бросаются в том направлении. Толпа, толкотня. Жарко договаривается с Тозой, где они встретятся и спокойно удаляется. Позже они встречаются, как и договорились — на базе.

— Предательство. Гордана предала, — говорит Жарко. — Полиция придет и сюда.

Он прислушивается. На улице шум. Угрожающие голоса приближаются. Уже здесь. У наших — времени только чтобы через окно выскочить во двор. Бегут в разных направлениях. Встречаются в Чуруге. В Шайкашской остались до 4 ноября, когда в

Джурджеве последний раз собрались члены КК КПЮ Воеводины: Жарко Зренянин, Светозар Маркович Тоза, Стеван Дивнин и Джордже Зличич. На собрании решено, что Жарко перейдет в Банат и там займется партийными делами, а в Бачке нужно оставить Тозу Марковича. В эти дни в Суботице хортиевцы [*По имени Хорти — фашистского диктатора Венгрии. — *Примеч.пер.*] повесили Отмара Майера, секретаря окружного комитета КПЮ Северной Бачки и члена Краевого комитета КПЮ Воеводины. В каждом поезде, в каждом автобусе, на каждом шоссе — обыски, циркуляры о задержании со всех сторон. По всей Бачке и Банату плакаты:

— «Получит большую награду тот, кто укажет местонахождение Жарко Зренянина».

Шпилер обещает каждому арестованному патриоту:

— Договоримся, наградим тебя 500 000 динаров, если сможешь схватить этого красного генерала.

* * *

Тиса разделяет Бачку и Банат. На Тисе стража увеличена вдвое.

Поздняя осень 1941 года. Красивая, солнечная.

Ранним утром перед караулом № 7 останавливается телега набитая сушеным клевером.

— Пропуск! — строго обращается венгерский жандарм к крестьянину, венгру из Мужле. Когда он прочитал на пропуске венгерское имя Иштван, он сбавляет тон.

— Что везешь? — И начал винтовкой шуровать по клеверу.

— Что ты спрашиваешь, когда и сам видишь, — отвечает крестьянин.

Стражник пожимает плечами.

— Должность есть должность, — и прибавляет, — ищем великого коммунистического зверя.

— Может быть это я! — отвечает Иштван и оба начинают хохотать над остроумным ответом.

Получив пропуск, крестьянин ударил лошадь прутом, и телега с клевером оказывается на мостках. Когда они заехали далеко в Банат, крестьянин оглянулся и спросил:

— Ты слышал?

— Слышал, — раздался голос из середины телеги с самого ее дна.

Это был голос Жарко.

Приезжают в Мужлю, село вблизи Петровграда. Жарко остается в доме кретьянина Иштвана, того самого, который его перебросил через реку Тису. Он останется на несколько дней. Жарко спешит в Петровград, чтобы там сформировать новый Окружной комитет КПЮ Северного Баната. Секретарем после гибели Серво Михалья стал Жарко Турински [*Жарко Турински — заместитель командира партизанского отряда Воеводины. В конце 1941 года был секретарем ОК КПЮ Северного Баната. Ему удавалось избежать немецких облав до 1 января 1943 года, но в этот день на базе посреди города Петровграда, окруженный со всех сторон, он погиб. В этом неравном бою он ранил Франца Райта и Юрая Шпилера, известных карателей, руководителей немецких фашистов в войне против народного сопротивления в Банате. — *Примеч. авт.*].

Приспособление тактики к тяжелым условиям войны

Жарко указывает на то, что организация партийной работы должна приспособиться к новым условиям. Он дает директиву, согласно которой встречи или собрания должны собираться лишь маленькими группами. Партизаны скрываются в селах. Должны быть исключены провалы, аресты и расстрелы известных коммунистов и борцов партизанских отрядов.

С этого собрания посылается инструкция Окружного комитета Северного Баната об организации диверсионных групп и о приемах борьбы партизанских единиц в зимних условиях.

В той инструкции написано, кроме всего остального: «Новая форма организованной борьбы — это диверсионные группы. Они характерны тем, что имеют 3, 5 до 7 человек, которые живут в этом месте и которые совсем не скомпрометированы или только незначительно. Но в диверсионных группах могут быть и люди, которые строго скрываются. Группа собирается для того, чтобы утвердить план и для проведения акций.

Как только акция завершается, люди расходятся по своим домам и занимаются своей обычной работой. Задачи диверсионных групп следующие: уничтожение всякого материала и продуктов, которые использует противник или для него подготовленные. Разрушать, поджигать, взрывать железнодорожные пути, грузовые поезда, склады, подвижные мельницы, сушилки; убивать шпионов, доносчиков, предателей. Все это записано в циркуляре ЦК КПЮ. Диверсионные группы не вступают в непосредственную борьбу с подразделениями врага, они не партизанские отряды в прямом смысле.

Но было бы ошибочно, если бы работа по уничтожению всего, чем пользуется оккупант, была бы задачей только диверсионных групп. Напротив, коммунисты должны объяснять и многим одиночным гражданам, чтобы в любое время они наносили вред врагу. Затем, кроме постоянных диверсионных групп, нужно создавать группы для выполнения только одной акции, для которой создадутся условия, для которой можно использовать людей, которые не были бы членами постоянных диверсионных групп. Нужно многим рабочим, крестьянам, интеллигентам и другим людям давать идеи, воодушевлять, чтобы они на своем месте, в кругу коллег наносили вред врагу, какой возможен. Партийные организации в Воеводине должны во всем придерживаться руководства циркуляра № 1 КК КПЮ. Далее. Должны сами находить возможности и средства для акций, не ожидая указаний, предложений, инициатив от высших органов. Это особенно необходимо, так как в этих тяжелых условиях партийные материалы, инструкции слишком поздно доходят до организаций, либо вообще до них не доходят.

Таким образом, требуется инициатива и самостоятельность в борьбе всех местных организаций и ответственных партийных руководителей...»

Так написано в одном из последних партийных документов 1941 года, в составлении которого участвовал Жарко.

Обновление и усиление партийных организаций Южного Баната

Жарко остается в Северном Банате три недели. Настаивает на восстановлении связей разбитых рядов, организует партийные руководства, чтобы они обошли борцов партизанских отрядов, которых зима и снег вынудили скрыться в села и базироваться по домам. А затем 20 декабря 1941 года Жарко отправится в путь в Южный Банат.

Крестьяне его перебрасывают от села к селу. В каждом селе имеется база. Подбадривает людей: нужно пережить зиму. Цель Жарко — Панчево. Там он договорился о встрече со Стевицей Йовановичем, который после гибели Савы Мунчана стал секретарем Округного комитета КПЮ Южного Баната.

Панчевская полиция идет по следам Стевицы Йовановича, с подачи провокатора она узнает, в каком доме в Панчево он находится и туда направляет агента, чтобы арестовать Стевицу Йовановича.

«Восьмого сентября 1941 года, — написано в одном из оккупационных документов, — полиция в Панчево успела узнать, что там, на улице Освобождения, 44, скрываются член ОК КПЮ Южного Баната Стеван Йованович, как его называли Стевица, и Йова, студент медицины из Панчево, а также еще некоторые коммунисты. Между полицейскими и коммунистами дело дошло до перестрелки, в которой Стевица Йованович тяжело ранил в грудь полицейского агента Готфрида Брумана пулей в грудь, а сам убежал...».

Погоня за Стевицей продолжена. Панчевская полиция получает 24 декабря 1941 года – накануне назначенной встречи с Жарко – сообщение, в каком доме скрывается Стевица...

Прибыв в Панчево 25 декабря 1941 года, Жарко направляется к нелегальному дому Стевицы Йовановича. Осторожен, как всегда. Не входит сразу в дом. Подходит к окну. На улице нет никого. Стучит, так как они договорились. Открывает окно, а там голова под немецким шлемом. Жарко быстро бросает в комнату бомбу (взрыватель не успел активировать), он хочет испугать немцев и боится ранить Стевицу, если он еще жив. Бежит к ближайшему углу, а потом спокойным шагом продолжает дальше. Вброшенная бомба напугала агентов. Пока они пришли в себя и выскочили на улицу, от Жарко нет и следа.

В этот же день он узнал, что Стевица геройски погиб. Когда его окружили, он попробовал выскочить на улицу, и тут на пороге его скосила пуля. Лежал целый час мертвый на тротуаре.

И сейчас живет легенда о том, как молодая красивая девушка белым платком собрала его кровь с тротуара, отнесла платок на кладбище и похоронила его. Многие искренне и глубоко жалели Стевицу, особенно коммунисты, он был примером революционного горения и жертвенности.

Смерть немилосердно косит секретарей ОК КПЮ Южного Баната. Первым погиб Сава Мунчан, потом Стевица Йованович. Через несколько дней после гибели Стевицы, Жарко в Панчево успевает собрать разбросанные организации и формирует новый Окружной комитет с секретарем Бориславом Брацей Петровым ...

* * *

Жарко почти весь 1942 год до своей гибели лично ездит по Южному Банату, обновляя и укрепляя партийные организации с целью создания лучших условий для дальнейшего развития народно-освободительного движения в том краю.

Он собирает активистов, делится опытом, закаляет друзей для вооруженной борьбы против фашизма.

Миле Чолаков пишет в своих мемуарах:

«...прибыл Жарко Зренянин “Милош” [Одна из подпольных кличек Жарко – *Примеч. ред.*]. Из Бачки он вернулся в Южный Банат. В полях села Избиште в необозримых просторах кукурузы Жарко провел встречу с друзьями: Стефановичем Страхиной (“Джока”), Златаром Жарко (“Ерней”), Йовановичем Живой (“Андра”), Пиштиным Мичей (“Литке”) и Бранковым Деяном. Это было в сентябре 1942 года.

На этой встрече было решено, что из партизанских групп и нелегальных товарищей в Южном Банате формируется партизанский отряд. Отряд будет находиться в Румынии в области Клисуре, где население в основном сербское, а совершать акции в Южном Банате.

Жарко Зренянин “Милош” организует в это время партийный курс с группой нелегальных товарищей из района Белой Церкви в кукурузных полях села Избиште на ниве Велимира Бате Стефанова.

Сейчас на этом месте стоит мемориальный памятник-хижина, который украшает мраморная плита с надписью об этом курсе.

На том курсе присутствовали: Стефанович Страхиная, в то время секретарь ОК Южного Баната, Йованович Жива, Златар Жарко, Йованович Пера, Кнежевич Сава, Радивоев Тодор, Ацкета Драгомир, Йованович Милутин, Живич Сретко, Вуканович Илия, Домба Аца, Рупар Анджелко, Радивоевич Лазар. Курс был завершен и его участники разошлись в определенные места: Загаицу, Избиште, Потпорань, Ульму, Ясеново, Дубляйю, Кусич, Врачев Гай, Банатску Суботицу и в другие места белоцеркванского и вршацкого районов. Задание им было дано такое — чтобы они реорганизовали партийные организации, обновили работу народно-освободительного движения и чтобы они посылали в отряды новых борцов».

ТЮРЬМА В ПЕТРОВГРАДЕ

Камера № 11

31 июля 1941 года арестована была и я.

Немецкая полиция переправляет нас из Вршаца в Петровград — нас четверо: Яни Ленджел, Яни Рихтен, один молодой человек из Ульмы и я. В длинный коридор петровградского здания полиции доносится шум и звон цепей во дворе. Меня провели направо в здание во дворе, где были тюремные камеры. Наш проводник что-то объяснял охраннику, а я с удивлением и ужасом смотрела на лужу крови прямо около моих ног в передней части здания.

Охранник объяснил проводнику, что прошлой ночью и этой ночью ССовцы избивали коммунистов.

Он открыл тяжелые двери камеры № 11, захлопнул за мной их и закрыл на ключ. В тесном душном пространстве – группа женщин и девушек. Освободили для меня место. Я посмотрела налево и направо. Передо мной одна бледная блондинка тихо бормотала: «Я его видела во сне. Он скакал на белом коне к небу... Нет, его не расстреляли. Он мой единственный сын. А ты, подруга, слышала ли что-нибудь о расстреле?» Она остановила на мне свой взволнованный и помутневший взгляд, ожидая ответа. Я не нашла, что ей ответить — ни о каком расстреле я ничего не знала. Я поглядела на нее внимательнее и тогда ее узнала. Это была Кочина мама, Коче Коларова. Я ее спросила:

— Что случилось?

Одна девушка мне объяснила:

— Прошлой ночью в этом коридоре перед нашей открытой дверью, избивали Ружу, Кочу и Брацу [Ружу Шулман, Кочу Коларова и Брацу Арсенова – *Примеч пер.*]... А потом их отвели куда-то.

— Я не слышала выстрелов! — громко заметила Кочина мама, и наступила тишина.

Ружина сестра лежит и вся корчится от боли. Мне стало ясно — фашисты убили их всех троих. И Ружина мать со мной в камере. Сидит неподвижно и смотрит в одну точку на стене. Так уже 18 дней и ночей. Ноги у нее отекли, тяжелые как олово и неподвижны.

Одна девушка мне шепнула, когда их вели по городу, Коча, Ружа и Браца [Браца Арсенов – *Примеч пер.*], громко кричали на улице: «Да здравствует освободительная борьба!» (Эта улица сейчас называется улица Коче Коларова)

В полдень откуда-то пробился луч июльского солнца. Вдруг с треском открылась дверь и в камеру ворвался префект полиции Райт со своей свитой и новоназначенным кровопийцей Шпилером. Смотрели на нас с ненавистью своими кровавыми глазами.

Первым заорал Райт: «Теперь очередь за остальными! Вот вам ваши коммунисты на Багляше (кладбище)! Расстреляли мы их — 96; а теперь думайте!»

Затем Шпилер по очереди каждую из нас спрашивал, за что нас арестовали. Ружиной маме и сестре сказал, чтобы они собирались и шли домой. Кочиной маме – тоже, но она как будто не понимала, где она и что должна делать. Спросил меня — кто я. На мои слова, что я не знаю, за что арестована, потому что ни в чем не виновата и нет никакого обвинения, он посмотрел на Райта, а тот закричал:

— Это же сестра Жарко Зренянина! Подождем свидетелей, может быть, кто-нибудь появится!

Нам полегчало, когда дверь захлопнули. Освобожденные женщины пошли домой. Мы им пожелали счастья.

Поздним вечером этого дня опять с треском распахнулась железная дверь и в камеру вошла новая арестантка. Сразу около меня она приготовила себе место.

— Кто ты? — спросила ее глазами.

— Стоянка Арсенова, учительница из Кикинды, сестра Брацы и Милана Арсеновых. Моего брата расстреляли, — ответила она и, не выдержав, зарыдала.

Я ее обняла, как сестру, сочувствуя ей и стараясь найти слова утешения.

Она мне рассказала, как она помогала брату в нелегальном печатании обращения КК КПЮ, как приходил Жарко проверить, как идут дела с печатанием и напомнил им, что надо поспешить, так как фашисты в городе проводят свою карательную акцию. Через несколько часов акция их застала на деле и всех арестовали.

Долго потом мы разговаривали о ситуации в стране, а особенно в Воеводине.

В субботу Стоянку вызвали на допрос, там ей сказали, что оставят ее в живых, если она согласится следить за Анджей Миличевич, чтобы она записывала все, что Анджа говорит и каждую субботу вечером она перед ними обо всем будет отчитываться. Долго мы молчали. Я размышляла о том, как мне ее ободрить и помочь ей держаться и не

выполнять приказ врага. Изложила ей план и обратила ее внимание на то, что они пощечинами и угрозами будут принуждать ее на сотрудничество с ними. Напомнила ей о ее геройских братьях и о чести семьи.

* * *

Проходили дни. В камере по привычке разговаривали о ситуации, но я в присутствии Стоянки была сдержана. Проходила суббота за субботой. Стоянка возвращалась поздно вечером после рапорта и спокойно сообщала мне, что все в порядке. Пришла и весна. Префектура расчищала оставшиеся дела. Однажды в мае мы все получили путевые и отпускные документы из тюрьмы, так как здание требовало ремонта. Мы стояли в кругу, чтобы нам прочитали «лекцию». Справа от нас, окруженные особой стражей, стояли девять партизан, схваченных в конце апреля, в связи с саботажем в «куделяре». И вдруг неожиданно стражник позвал Стоянку в канцелярию. Когда она вернулась, на лице ее были следы пощечин.

Меня и ее не освободили. Присоединили нас к группе партизан, провели через мост в судебную тюрьму. Стоянка позже использовала удобный момент в камере и мне рассказала, как ее Шпиллер в присутствии попа Рады, лётичевца из Вршаца, допрашивал в связи со мной и ударил ее по лицу в знак недоверия, так как тот поп говорил Шпиллеру, что если Анджа Миличевич выйдет из тюрьмы, в Вршаце вновь могут появиться коммунистические группы. Стоянка была упорной в своем заявлении, что она от меня ничего не слышала, в чем можно было бы меня обвинить. Но когда она услышала, что группа партизан утром будет расстреляна, Стоянка побледнела и сказала, что, наверное, и нас двоих расстреляют. Я ее убеждала, зная тогдашнюю систему полицейских служб в Банате, что нас двоих без конкретного обвинения, допроса и очной ставки — не могут просто так расстрелять. Это не помогло. У Стоянки от страха случился нервный приступ и она решила пойти на рапорт и умолять ее помиловать, конечно, обвиняя меня. Когда она постучала в дверь, я подбежала к ней и стала ей угрожать. А когда сторож открыл дверь, я быстро сказала, что Стоянке плохо и ей нужно лекарство из аптеки. Стражник показал рукой на камеру через коридор и сказал — здесь. Стоянка растерянно смотрела на меня, потом на стражника, а я ее быстро потащила в ту камеру за лекарством. Там я попросила валерьянку и как можно быстрее налила воды в чашку и большое количество валерьянки. Взяла и для себя. От большой дозы Стоянка моментально заснула.

Утром нам одна женщина, которая была с нами раньше в камере, сообщила, что партизан отвели очень рано. Стоянка извинялась передо мной из-за своей слабости. Между тем до конца лета с ней было достаточно тяжело.

Рассказ о семи прутиках

С 1941 года и до освобождения Петровград был центром гестапо и всевозможной фашистской полиции в Банате. Первые два года войны первичная тюрьма, в которой находилась и я — была переполнена политическими заключенными.

Зимой 1941 года управление наказаний использовало бывшую «капеллу» в здании для заключения в ней женщин. Было их около 60 — коммунисток и комсомолок из Баната, евреек из Белграда и Бачки и членов партизанских семей из окрестностей города. Среди последних групп полиция привезла из Стайичева и семью товарища Тозы Марковича — его отца и мать, одного брата, сноху и троих детей. Привели и жену Жарко Туринского, Бисерку с двухлетним сыном Момчилом и трехлетней дочерью Надой. Вообще было много детей из различных мест Баната, и даже несколько молодых евреек. Всех вместе их было 16, из них большинство было арестовано прямо со школьной парты. Договорились, что кто-нибудь из нас начнет систематическую работу с ними, чтобы их внимание отвлечь от тюремной жизни, а обратить его на воспитательно-образовательное направление.

Это задание поручили мне еще и потому, что я была учительницей. Собрала я около себя и детей и взрослых. Для начала я им рассказала притчу о семи прутьях. Я ее приспособила к современным условиям, но довольно аккуратно. Все, главным образом, поняли ее смысл. Потом я их учила читать, писать, основам арифметики, географии, истории. Учебу по арифметике я приспособила к степени их знаний и поделила их на 3 группы. Достали тетрадки, карандаши и учебники. Родственники арестованных женщин из города принесли нам эти предметы для учебы. И занятия начались.

Браша Марков очень интересовался арифметикой. Я ему говорила:

— Ты будешь инженером, когда вырастешь.

Однажды он мне шепнул на ухо, что то же самое ему желает его дядя Тоза. Девочка Ката любила географию. Когда мы рисовали или на песке рельефно формировали территорию района Петровграда, она все что-то искала и отмечала на нивах и полях. Девочка постарше Ирена с нетерпением ожидала уроки сербского языка. Она умела

красиво рассказать обо всем, что она прочитала в Белграде. Она тайком показала мне свой черновик стихотворения «Ненавижу фашизм», а затем тихо спросила:

— Правда ли, что нас, евреев, всех убьют?

Долго я с ней разговаривала, чтобы осушить ее слезы в умных глазах. Улыбаясь, как Белоснежка из сказки, она сказала мне:

— Я люблю вас, тетя Анджа! Если нас поведут отсюда, пойдите и вы с нами.

Уроки шли, и дружба развивалась и укреплялась. Мальчики и девочки серьезно относились к учебе, а также мы отлично договаривались о всяком деле в камере. Конечно, и разговоры о конспирации нашли полное понимание детей. Вскоре в камере случилось что-то, что нас, взрослых, поставило перед тяжелым испытанием. Нам сообщили, что в нашей камере есть шпион и это Елена. Она немка, но хорошо знает сербский язык. Она находится среди нас уже 8 дней. Чаще всего она крутилась около нашей «школы». Глаза ее затуманивались от слез и она долго смотрела на мальчиков из первой группы, которые ей напоминали ее сына. Я постаралась приблизиться к ней как к человеку. Знала из психологии, из жизненного опыта, что если хотим из ребенка или взрослого создать хорошего человека, должны ему оказать доверие, как раз в том, в чем и есть его недостаток. Решила, разумеется, договорившись с подругами, с помощью человеческого тепла сломить в ней, так называемого шпиона. Дети заметили, что мы ее сердечно встречаем, но многие другие смотрят на нее недружелюбно. Особенно Стоянка Арсенов не пропускала момента, чтобы ей сделать замечание или показать свое отношение к ней. Однажды вечером после того, как погасили свет, и первый сон уже охватил заключенных, я подошла к Елене и тихо ей сказала:

— Вы еще не спите, Елена? Вас что-то мучит. Хочу вам помочь. Будем говорить откровенно, и если в вас не будет ничего человеческого, можете передать меня в руки людоеда Шпиллера. Но я в вас верю. Вы мать шестилетнего ребенка. Отец его арестован и подвергнут мукам, как и мы здесь.

И пока Еленино сердце билось изо всей силы, и грудь вздымалась, я ей откровенно говорила о том, что такое фашизм и что он обязательно будет побежден. Говорила ей о будущей свободной Югославии, где ее сын будет счастливым человеком.

Елена заплакала. Она мне сказала, что арестована за то, что перевезла еврейскую семью через Тису. Призналась мне, что ее следователь спрашивал, о чем говорят в нашей камере, потому что вчера Стоянка, Мара и Гроздана замечены около окна, как они поют какие-то песни и бросают сигареты арестованным партизанам, когда у них была прогулка во дворе. Об этом спрашивали и меня, сказала Елена, так что меня завтра поведут к Шпиллеру на допрос.

— Знаете, Елена, что девушки будут расстреляны, если вы это подтвердите, так как стражники об этом ничего точно не знают.

Елена мне пожала руку в знак обещания того, что она что-нибудь придумает. Я ей предложила, как она может это сделать, и станет нашим другом ради себя и своего ребенка. При расставании она мне шепнула, что завтра вечером, когда выйдем на прогулку, один полицейский войдет в нашу камеру и останется под кроватью всю ночь, чтобы подслушивать, о чем мы говорим. Завтрашний день был решающим для всех нас. Напряженно мы его ожидали. На уроке истории малышка Барбара меня спросила:

— Тетя Анджа, вы не больны?

Вдруг все детские глаза повернулись ко мне, и я была вынуждена собрать всю силу, чтобы их разуверить. Только одно я не смогла — не смотреть на дверь, откуда должна была появиться Елена. Я хотела сразу же перехватить ее первый взгляд, чтобы по нему понять, что было и как. В это время я детям преподавала историю — о Первой мировой войне, о ноябрьских событиях 1917 года. Дети мирно и внимательно слушали, но я заметила, что они обращают внимание на мой взгляд, прикованный к двери. Вдруг оба крыла двери с треском открылись и через них проследовали повара с кукурузной кашей и супом. Из-за них я заметила Елену. На ее бледном лице красные пятна, а на правой щеке след грубой пощечины. Но ее черные глаза сияли гордостью. Подошла прямо в наш угол. Мы молча смотрели друг на друга. А когда полицейские ушли в коридор, она меня обняла и сквозь слезы сказала «ненавижу их».

Позже она мне рассказала, что с большим трудом выдержала допрос, и они от нее никогда ничего не узнают. Помогала мне и далее с малышами. Тепло обнимала Ивана, Стевицу и Станка, так как они были похожи на ее Божу. Десятилетняя Милена, тихая, молчаливая девочка, поняла кое-что в этой ситуации и сказала:

— Тетя Елена все-таки хорошая женщина.

Это подтвердилось, когда Елену отпустили домой и весной 1942 года от нее нам передали огромный пакет для арестованных детей и для их школы: тетрадки, карандаши, книги, сладости и т.д. Однажды через раскрытое окно мы смотрели как полицейские направляют огромного пса на Станко Стефанова, мальчика из Избишта, хотели заставить его, чтобы он выдал свою мать, которую подозревали в связи с партизанским отрядом. Мои маленькие ученики глядя на все это сжимали кулачки, а когда потом мы продолжили работать — у нас был диктант, они почти все дописали в конце диктанта: «Не сдавайся!» Станко Стефанов не сдался. Молчал, жмурился, сжимал челюсти и кулачки. Ни одного слова не проронил на допросе. А однажды всех нас заставили смотреть на расстрел во дворе тюрьмы. Это были кошмарные минуты, они даже влияли на некоторых

стражников, банатских немцев, которых гестапо еще не успело перевоспитать в своем духе. Два стражника удалились с места преступления. Из-за этого их вызвали на допрос к Шпиллеру. Нам передавали, что их сразу же послали на восточный фронт.

«Что хорошего в нашей смерти»

В полумрачной камере № 7 мертвая тишина. Пятьдесят женщин стоят как вкопанные, не могут прийти в себя. Час назад во дворе прочитан список женщин, которые в течение ночи будут выведены на повешенье. Осталось всего двенадцать часов жизни. Никто не пошевелился со своего места. Только глаза говорят — в камере есть шпион. Как по уговору осужденные взялись писать прощальные письма своим детям.

— Пусть будут прокляты фашисты всего мира! — загремел Смилин голос. — Не жалею, что умираю. Помогала партизанам, как могла и как умела! Своими руками копала тайник в стене дома. Неприятель не смог его найти. Не узнали ни то, что в этом тайнике часто скрывались товарищи — Жарко (Уча) и Жарко Туринский. Меня мучили, били проклятые гестаповцы, а я им ничего не сказала! Умру гордо!

С твердого низкого подголовника поднимается седая голова тети Зорки из Идвора. Она правой рукой оперлась на серую железную трубу военной кровати. Из горла ее разлилась любимая песня: «Пшеница зрела, Воеводина голосовала».

В камере — тишина. Волосы на голове встали дыбом.

Без слез в глазах тетя Зорка встает, садится за стол и пишет письмо сыновьям: «Не плачьте, дети мои! Вы еще молоды и не знаете, чьи жизни мы спасали, кого мы прятали в нашем кафе вблизи дороги. Примите и выполните два моих желания: уважайте мою могилу и не ссорьтесь при разделе имущества. Через жизнь идите путем, которым народ Воеводины ведет наша партия».

Мара Адамова стоит у окна. Заметила на улице около забора своих шестерых детей. Борется со слезами. Обращается к Вере Бранков [Вера Бранков, сестра автора и Жарко Зренянина, супруга Деяна Бранкова, так же была в тюрьме. — *Примеч. пер.*]:

— Я была сиротой. Мой муж и я работали постоянно, а часто не имели даже хлеба для детей. Эта борьба принесет свободу и лучшую жизнь. На смерть иду без большой тревоги, так как знаю, что партия будет заботиться о моих детях.

Драгиня Стефанович:

— Вырастили Милан и я пятеро детей. Трое моих сыновей в партизанах: Страхиня, Момчило и Реля. Однажды вечером пришел ко мне в тяжелую пору Момчило со своим другом, чтобы переодеться и взять немного продуктов. Шпионы их заметили. Два полицейских пришли в дом проверить. Началась борьба не на жизнь, а на смерть. Полицай потянулся за оружием. Я схватила большой нож со стола и изо всех сил воткнула ему в спину. Момчило и его друг во время скрылись, а второй полицейский убежал и привел своих бандитов и нас с Миланом арестовали. Схватили и сына в другом месте.

Перед тем как пойти на расстрел, Драгиня сказала:

— Вот вам, возьмите эти деньги. Это все, что мы имели. Не хочу, чтобы они попали к фашистам. Угостите всех подруг в память о нас.

Молодая учительница Мара лежит бледная, без сил от мучений. Слушает, что говорят подруги. Там, далеко, в Южном Банате на берегу голубого Дуная в симпатичном городке оставила самую лучшую часть своей жизни. Только начала любимую работу — воспитание детей, как началась война. Она соединила свою жизнь с жизнью своего многострадального народа.

— Я бы вам кое-что сказала, — проговорила Мара слабым голосом. В камере настала тишина. — Знаете, смерть может быть легкой, если в ней видим что-то хорошее. Это может быть непонятно. Так и быть скажу вам сейчас, в чем добро в нашей смерти. О коммунистической партии и ее идеях я узнала в то же время, когда узнала о Жарко Зренягине — Уче, и о его революционной работе. Может быть, пламя в моей груди было бы слабее, если бы понятие об идее не совпали бы с представлением о личности революционера. Слышала о геройском поведении товарища Учи перед полицией, когда его арестовали и подвергали мукам. Слышала, как он обвинял полицию и требовал их посадить на скамью подсудимых. Слышала о его выступлениях перед государственным судом. Мы все знаем, что пламя революции в нашей Воеводине распространяется из его груди и что борцы сейчас погибают с его именем на устах. Очень хотела видеть Учу, так в середине июня 1941 года я встретила в Панчево с Ольгой Петров (Радишич), она кого-то провожала. Когда я начала разговор об Уче, она посмотрела на меня испытывающим взглядом, наши взгляды встретились на той светлой точке, которая выдает любую ложь.

— А что бы ты хотела услышать от товарища Учи? — спросила она меня мягким голосом, а этот голос мог и ударить. Спросила я коротко: Что бы мне товарищ Уча сказал, когда бы услышал от меня, как я ценю коммунистическую партию и ее идеи?

Олгины большие глаза тепло улыбались.

— Неужели это бы спросила? Да, сказал бы он, как и другим товарищам: Докажи, товарищ, на деле, на заданиях. Но тяжелые задания не принимай, если ты не готова собой пожертвовать для партии.

Это для меня звучало, как песня и я осмелела:

— Ольга, я горю желанием видеть человека, которого народ называет героем.

Она мне тихо ответила:

— Товарищ Уча скромный и простой человек, как и всё, о чем он говорит. Его героизм, как тебе объяснить, как аскетизм опытных революционеров, которые непоколебимо верят в возможность социальной справедливости. Его героизм в том, что во имя той великой справедливости и борьбы за нее, за счастье людей, он отказывает себе во всех личных людских радостях.

Мара осторожно подняла голову. На лице одной девушки она заметила слезу. Из другого угла около окна проговорила старая женщина:

— А сегодня Ольги больше нет. В мае этого года ее убили фашисты в Яинцах.

Тишина... Затем Мара продолжила:

— О товарище Уче рассказывают легенды. Каждое его слово, его поручение исполняют, не боясь за свою жизнь... Мы сейчас здесь в челюстях гестапо. Дают нам на выбор — унижение или смерть. Мы выбрали смерть, так как на деле хотели доказать, как мы любим партию и ее идеи. Это и есть то добро в этой нашей смерти.

«Эх, вот это человек!»

Мы считали долгие дни, полные неизвестности и волнения. От новых заключенных узнавали, что делается на воле. Во двор на воздух выводили нас очень редко. Мы жаждали свежего воздуха, а также надеялись, что сможем поделиться мыслями со своими, если удастся с ними встретиться. Однажды ко мне в углу двора подошел незнакомый человек:

— Вы сестра Жарко — Учи?

Я кивнула головой и с интересом поглядела в его умные глаза и серьезный вид.

— Я с ним познакомился и если я живым выйду отсюда, никогда не забуду Жарко. Эх, какой же это человек! — сказал он с теплотой и громко, как будто на мгновение позабыл, где мы находимся.

Мирно смотрела в его добрые глаза, которые по-своему, как и я внимательно наблюдали за обстановкой вокруг нас. Ловким движением руки он натянул шляпу на

голову как можно глубже. По виду шляпы и по его акценту я поняла, что он из верхнего Баната и спросила его, лишь бы что-нибудь сказать:

— Неужели Жарко приезжал так далеко и в ваше село?

— В моем хуторе проводили встречи и собрания. Осенью однажды перед началом уборки урожая кукурузы, сказано мне, чтобы я на определенное место вблизи моей нивы и в определенное время подъехал на телеге, и по паролю перевез в свой дом одного человека в сельской одежде. Я пошел немного раньше и другим путем, чтобы сначала обойти другую ниву. Между кустов кукурузы на узком пути заметил неизвестного человека. Посмотрел на него более внимательно. На нем чистая аккуратная сельская одежда. Шагал уверенно, что абсолютно гармонировало с его статной фигурой и с его серьезным видом. Я подумал, может быть это «он» и остановился, чтобы его подвезти. Он отказался, потому что не идет далеко и у него достаточно времени. Я стукнул коня прутом и поспешил к первой ниве. Все время у меня перед глазами облик незнакомца. Может быть все-таки это «он»? Интересно, он из села? Я бы не сказал. Он не выглядит, как крестьянин. Я поспешил на место встречи из-за точности и очень хотел убедиться побыстрее — «он» ли это.

Точно вовремя мы появились на договоренном месте. Еще издалека я узнал человека с дороги. Обменялись паролями и рассмеялись. Поспешили на мой хутор. Солнце уже заходило, и румяные лучи пробивались через густые заросли зрелой кукурузы. Сумерки раньше напоминали людям о расставании. А сейчас? Сейчас вечерние часы являются важными в организации решающих встреч. Это почувствовало и гестапо. Поэтому акции фашистов участились и по нашим хуторам. С тех пор, как сгорел цех по производству ниток - куделяра, фолькполиция развила бешеную деятельность на нашем участке земли. Мы прибыли на хутор. Гость подошел ко мне помочь распрячь коня и делал это очень ловко. Я подумал — может быть все-таки он крестьянин. Он обходился со мной сердечно, как будто он мой родственник. Когда пал ночной мрак, начали появляться и другие товарищи. Один за другим, но с интервалами в связи с конспирацией. Встреча продолжалась до полуночи. Только тогда я узнал, что мой гость Уча.

Когда прошла полночь и когда некоторые усталые друзья задумались, не пора ли расходиться, Уча им энергично сказал:

— А сейчас быстро наведем здесь порядок и расходимся. Для отдыха времени нет.

И только они ушли не прошло и часа, как вот тебе и полиция. Обыск дома, допросы. Не найдя никаких следов, они ушли...

Острый звонок — пора возвращаться в камеру — прервал наш разговор. Он не успел мне рассказать, за что его арестовали.

НЕЛЕГАЛЬНЫЕ БАЗЫ

Алибунар

После формирования нового ОК КПЮ Южного Баната с Брацом Петровым, секретарем, Жарко уходит в Алибунар и там базируется сначала у товарища Душе Живойинова. О тех днях рассказывает доктор Жарко Фогараш из Алибунара:

«Было воскресенье, январь 1942 года. Утро ясное, холодное. В мою ординаторскую влетела девочка.

— Прошу вас, дядя доктор, мама заболела и просит вас срочно придти.

Я знал маленькую Ракилу и ее болезненную маму. Сразу же пошел к ним. На улице мне попадались фольксдойчеры в униформе хильфсполиции. Один из них поздоровался со мной. Я прибыл к маленькому домику с тремя окнами, он был как вкопанный в глубокий снег. Подошла ко мне хозяйка с закутанной головой, пожаловалась на головную боль, для вида. После этого за мной закрыли дверь. Из под занавески из углубления в стене вышел Жарко Зренянин. Радостно мне протянул руку и я ее пожал, возбужденный и изумленный, счастливый, что он жив. Это была моя вторая встреча с ним, после 22 июня 1941 года. Я ему рассказал, как мы фабриковали документы для партизан, рассказал о Хуго Зингере, помощнике секретаря общины, который давал нам формуляры и печати и подписывал паспорта.

— Что движет им, немцем, что он так много помогает партизанам? — спросил Жарко.

Я ему объяснил, что Зингер — социалист, антифашист по убеждению, вырос среди сербов в Боснии, он очень переживал и стыдился, когда гитлеровцы как для развлечения расстреляли 150 сербов в Алибунаре, и он решил подать в отставку на службе. Только на мою просьбу очень настойчивую он откликнулся и остался тут дальше и без колебания начал выдавать нам документы.

— А кто фотографирует партизан? — спросил меня Жарко.

Он был очень доволен, когда услышал, что фотограф — моя дочь Лидия. Так получили свои документы Браца Петров, Елизавета Беба Петров, Страхиня Стефанович...

— Скажи Лидии, чтобы она завтра пришла сюда с фотоаппаратом, — сказал Жарко и начал расспрашивать об оружии.

Я ему рассказал о колодце около моего дома, в который мы спрятали гранаты, ружья и револьверы. Говорили мы о конспирации, и он обратил мое внимание на почту, которая находилась в моем доме. В конце он меня спросил, не могу ли я обеспечить еще одну надежную базу, резервную. Я ответил, что поговорю с Миленком Миливоевичем рабочим - металлистом.

А после этого мы расстались. На вторую встречу Жарко меня позвал в село Добрицу к учителю Саве Вельковичу, где была главная база этого края. Опять маленькая Ракила прибежала в ординаторскую. Протянула мне маленький влажный комочек папиросной бумаги. Четким Жарковым почерком было написано приглашение на встречу.

— Где ты это держала? — спросил я девочку.

— Под языком, — говорит и объясняет, что она бы записку проглотила, если бы ее немцы схватили».

* * *

«Первого февраля 1942 года вызвал меня дядя Жарко на встречу. Он был в доме Душе Живоиновича в Алибунаре», — рассказывает инженер Слободан Миличевич [Сын автора и племянник Жарко Зренянина – *Примеч. пер.*]. «На первый взгляд, если бы я его встретил на улице, ни за что бы не узнал. Он был в суконной крестьянской одежде и в опанках [Крестьянская обувь в Сербии – *Примеч. пер.*], а на голове большая меховая шапка. Пышные черные усы делали его намного старше, а он только должен был отметить свое сорокалетие. Разговаривали с ним до полуночи. Всё его интересовало. Я ему рассказывал о Подгорском отряде, в котором отец и я были в 1941 году, о причине моей переброски в Банат, о членах нашей семьи. Он мне показал свой револьвер калибра 9 мм и гранаты. Другое оружие он не носил с собой, так как часто переходил из одного места в другое под различными сложными условиями. Рассказал мне о предательстве Горданы Ивачкович и гибели Радивоя Чирпанова. Я просил его показать рану, полученную тогда, над широким поясом, который был на нем. Когда прошел полицейский час, мы расстались, договорившись встретиться через два дня.

На этой второй встрече Жарко просил меня детально рассказать о восстании в Сербии. Он сравнивал условия войны в Сербии и в Воеводине. Сказал:

— Война будет долгой. Условия партизанской борьбы в Банате очень тяжелые. Первые акции партизаны начали вовремя... Кукурузу и высокие растения мы использовали хорошо [*В Воеводине кукуруза и подсолнечник растут очень густо и высоко – до трех

метров в высоту. — *Примеч.пер.*] Гитлеровцы боялись наших засад, так как их со всех сторон поджидала смерть из нашего оружия. Но когда пришла осень и наша равнина стала голой как Сахара — нельзя было даже ползком проползти незаметно.

Жарко начал вслух размышлять как военный о реорганизации системы борьбы в Банате в новых условиях.

— Нашей ситуации подходит формирование ударных троек. Руководитель тройки получает задание, а двое остальных не смеют знать, кто дает директивы. Погибли у нас драгоценные кадры. Мы должны остальных беречь как зеницу ока.

И добавил. — И новые кадры надо готовить.

Провел я с ним день и ночь. Дом был надежной базой. Дядя Жарко здесь имел три тайника: углубление за дверью в комнате за полками, в сарае и в коридоре, где он спал ночью. Он долго ходил и размышлял. Левой рукой он касался уха, а взгляд его отлетал куда-то вдаль. Я прятался у доктора Фогараша. Мы очень беспокоились о безопасности Жарко. Хотели его перевести в более надежное место, и доктор вскоре организовал его переброску в Белград. Когда мы ему рассказали об этом плане, Жарко нас внимательно выслушал и сказал:

— Без директивы сверху не могу покинуть Банат.

Доктор и я посмотрели друг на друга и поняли, что бесполезно настаивать на нашем плане. Жарко попросил, чтобы мы ему нашли в Алибунаре еще одну базу. Он был всегда настороже, менял базы, запутывал свои следы от гитлеровцев. Однажды вечером дядя (Жарко Зрениянин) и я пошли на новую базу. Я шел впереди него примерно на 10 шагов. Когда подошел близко к человеку, у которого должна была быть база я нагнулся завязать шнурки на ботинке (так я договорился заранее). Тогда Жарко подошел к этому человеку и с ним вошел на базу. Тогда я его видел последний раз».

Долово

«Опять акция фашистов» — прошла по селу неприятная весть. Фольксполиция шуровала по улицам, домам самого крупного села в Банате – Долово. На улице перед общиной в доме Валериана Болянца полиция обыскивает и перетряхивает как-то поверхностно, нежели в других домах, так как хозяин служит в общине. Потом они становятся на весы, измеряют вес, смеются, шутят. Наконец, уходят. За все это время хозяин и хозяйка со страхом смотрят на землю под весами и про себя благословляют крепость чугунной плиты.

Холодный пот струился по лбу хозяина, когда через час он поднял чугунную плиту и спустился в тайник. Там уже было очень душно. Яркий свет и волна свежего воздуха озарили бледные, серьезные лица.

— Что это за кавардак был над нами, — спросили хозяина Жарко и его товарищи, почти в один голос.

— Когда я узнал, что полиция идет в наш дом, мы передвинули весы на саму плиту над тайником. А фашистские волю развлекались, взвешиваясь на этих весах и, наконец, ушли, — рассказал хозяин.

Войска, полиция, гестапо с помощью многих предателей всех национальностей, обыскивали и перетряхивали каждое село и каждый дом, когда партизаны им наносили удары или когда фашисты организовывали преследования народных борцов. Но многие партизанские базы успешно действовали против фашистов. Одна из таких баз, которая не была открыта, это как раз и была база в Долове, для которой сделал чертеж сам Жарко, и строил ее вместе с Деяном Бранковым и Страхиной Стефановичем.

Вот что рассказывает хозяин дома Валериан Болянец, который выжил в этой страшной войне.

«База была удалена от общины примерно на 350 метров и находилась в непосредственной близости от общинной дороги (3–5 метров), на которой всегда было оживленное движение, так как все село должно было проходить по этой дороге. База находилась под крышей сарайчика, а по глубине в земле — на три метра. Построена она была из одной большой печи для обжига извести, которая была на половину перегороджена кирпичной стеной. Вход на базу был снаружи закрыт специальными воротами. Сверху над входом в базу на земле по линии ворот ставились обязательно огромные весы, которые измеряли груз до 500 килограммов. Случалось при обыске немецкие полицейские взвешивали друг друга со смехом, а в это время на базе находились наши товарищи. С чердака здания, в котором находилась база, был отличный вид во всех направлениях, так что не могло быть никакого неприятного сюрприза со стороны оккупантов. База не была обнаружена врагом даже после многочисленных и тщательных обысков. В 1942 году товарищ Мите Вукосавлев известил меня, что надо встретить трех товарищей и подготовить для них надежную базу. В апреле 1942 года в Долово прибыли Жарко, Деян и Страхиня, они внимательно осмотрели просторное здание, двор, огород и сад. Жарко предложил место в сарайчике, где когда-то была печь для обжига извести. Эта печь была перестроена. На месте печи, которая переделана в базу, сделан проем сверху, так что в базу вход был сверху. Дверь была сделана специальная и могла герметически закрываться. Спускаться можно было незаметно. Дверь закрывалась изнутри. Жарко

Зрениянин был с друзьями в Долово, начиная с апреля до половины июня 1942 года. Время от времени он уходил в ближайшие места — Банатско Ново Село, Црепайю, Панчево (насколько мне известно). Я хотел оставить службу в общине во время оккупации, но Жарко мне этого не позволил, и даже сказал не только остаться на службе, а, если смогу, то постараться попасть на службу в местные районные начальники. Через школьных друзей мне удалось войти в группу начальства как контролера цен и налогов. Так я мог свободнее передвигаться по территории целого панчевского района. Для Жарко Зрениянина, Деяна Бранкова и остальных товарищей я доставал оригинальные образцы легитимаций и печати разных общин, которые они химическим способом на шапирографе счищали и ставили на легитимации нужные им районы, имена и фамилии, мне неизвестные.

Получал я разные задания от Жарко, например, разузнать о передвижении немецкой полиции и военных частей. Однажды я получил задание пойти в село Добрице или Фердина, чтобы разузнать что случилось с Лидией Алдан, которая там была убита как нелегальный участник борьбы. Но в этот путь я так и не отправился, так как Жарко к этому времени уже получил нужную ему информацию.

Насколько мне известно, Жарко был необычайно смелым человеком, решительным и собранным. Он и в тайник входил с приготовленной гранатой, и своим товарищам говорил, что он не дастся в руки немцев живым, но сначала много их уничтожит, если они откроют базу и если дело дойдет до вооруженного столкновения. Когда он был тут, и я себя чувствовал в безопасности.

Что касается базы в Долово, он сказал мне, чтобы без его разрешения никого не пускал внутрь, так как могут приходиться люди, которые ищут связь, но среди них могут оказаться и предатели, работающие на Шпиллера.

* * *

С Долово связана и одна легенда о Деяне Бранкове [*Деян Бранков, член КК КПЮ, командир военного штаба Южного Баната, муж Веры Зрениянин-Бранков – сестры Жарко. Погиб 20 октября 1942 года. Награжден посмертно одной из самых высоких наград в Югославии «Споменицей», которую присуждали югославским партизанам, воевавшим с первых дней войны — *Примеч.пер.*].

Деян осенью 1941 года базировался в доме крестьянина-середняка в Долово. Хозяину в его делах помогал бедняк юноша Раденко. Однажды, когда хозяин и Раденко были на ниве, в закрытую калитку стала лупить местная полиция. Хозяйка побледнела и прежде чем открыть калитку, посмотрела в сторону чердака. Что будет, если начнут обыск

дома? За укрывательство партизан — расстрел. Удары в калитку усилились, она открыла калитку и окаменела от страха.

— Где хозяин? — строго спросил грубый голос.

— Он на ниве, — ответила женщина.

— Скажи ему, чтобы сейчас же пришел на “pforspan” (пфоршпан) - место предоставления услуги запряженных в телегу коней.

— Вот-вот подойдет слуга, и я ему передам, — ответила женщина, лишь бы что-нибудь сказать. Глубоко вздохнула, когда закрыла калитку.

Деян уже спустился с чердака и успокаивал хозяйку, говоря ей:

— Я пойду на pforspan. Не беспокойтесь. Дайте мне только старую одежду Раденко. Сейчас я переоденусь — и даже вы меня не узнаете, а тем более полиция, — быстро говорил Деян Бранков и принялся за дело.

— У нас дома только парадные кони, они беспокойные, — забеспокоилась хозяйка.

— Я сын крестьянина. Люблю коней и умею с ними обращаться, — говорил Деян, выходя из коридора уже переодетый. Он быстро и умело замаскировал лицо и руки.

Хозяйка вскрикнула от неожиданности, увидев совсем другого человека, даже похожего на Раденко. Открыла во всю ширь ворота, чтобы через них свободно пролетели вороные кони, которые несли на себе Деяна на красивом кожаном седле с резными украшениями.

— Быстро ты примчался, молодой человек, — сказал полицейский и позвал гостей гестапо в коляску.

— Вези прямо в Делиблатскую пещеру, к леснику!

Гестаповцы свободно разговаривали на немецком языке, не догадываясь, что этот “слуга” знает немецкий.

— Когда мы схватим этого Бранкова, поедem в Делиблато, чтобы схватить и Стефановича, — говорили они.

Крепко держа вожжи в руках, Деян Бранков подгонял вороных коней галопом. Ему пришлось спрятать черные прядки волос под старую пыльную шляпу, чтобы ничто на нем не вызвало подозрений.

Прибыли. Кони покрылись пеной и фыркали. Лесник Бельин [*В 1943 году расстрелян, а также и его сын и дочь — члены СКМЮ. — *Примеч. авт.*] вышел из дома и удивленно спросил:

— Кого вы ищете?

— Тебя ищем, — отвечают. — Кто у тебя прячется? Отвечай быстро!

— Никто, — ответил лесник.

— У тебя прячется Деян Бранков. Где он сейчас? Отвечай быстро! — крикнул полицейский.

Взгляд лесника случайно упал на возницу, который его подбодрил взглядом. Ошарашенный лесник повел полицейского в дом. После обыска дома и окружающей местности, вернулись в Долово. Хозяин Деяна широко открыл ворота и глаза, когда увидел Деяна. Поздно вечером Деян через хозяина послал записку в Делиблато семье Стефановичей, предупреждая их о намерениях полиции. Так Страхиня Стефанович, тогда секретарь ОК КПЮ, избежал верной смерти.

Делиблато

От Кикинды до Ковина, от Панчево до Вршаца — имеется только одна лесная территория — Делиблатские пески. Активные борцы из соседних сел Делиблато, Долово, Банатского Нового Села, Владимировца, Малого Гая, Дубовца, Загаице, Избишта имели готовый план о том, как построить базы в глубине леса и как использовать все уголки делиблатских песков. Село Делиблато в этом деле было впереди всех. На широкой улице в направлении источника, на правой стороне на одном углу стоит невысокий, скромный домик. Оштукатуренный, с закрытыми темными шторами, он был похож на все те банатские дома, которые целый день закрыты, пока все обитатели работают в поле.

Но хозяин дома Лаза Катич, которого все в селе знали как честного и трудолюбивого человека, имел в это время более важные дела, чем сбор кукурузы. Осмотрев и одну, и другую улицу через забор двора, он затем аккуратно поднялся на чердак.

— Все в порядке, — сказал он Жарко, которого он когда-то давно ребенком держал на руках и качал в люльке.

— Дошли ли люди с Бата-Живом до Долово? — спросил Жарко и спустил свои записки на ковер, который тетка Милица аккуратно развернула под лежащее место своего племянника.

— Жива мне сказал, что не было у них никаких проблем в пути. Сегодня вечером я расскажу тебе подробно, как все было, — ответил Лаза и хотел уходить.

— Если сегодня не будет видно месяца, было бы хорошо, чтобы ты в полночь сходил за Страхиной Стефановичем. Он на мельнице у своего дяди, — говорит Жарко, поглядывая на дядю из-под бровей, испытывая его храбрость.

Дядя Лаза мало знал о причине войны и о сущности народно-освободительной борьбы. Но он глубоко чувствовал две вещи: ненависть к гитлеровским оккупантам, которые убивали людей и приносили мучения крестьянам и рабочим, и он чувствовал великую любовь и преданность Жарко Зренянину. Непокколебимо верил, если Жарко просит его сделать — надо сделать как можно лучше, и это — хорошо для всех.

— Не беспокойся, Жарко, приведу его сюда, — уверенно отвечает дядя Лаза.

У дверей чердака появляется тетка Милица, веселая, с корзиной в руке.

— Ты что спешишь наверх, пока я еще не спустился? — рассердился Лаза, покачивая головой.

— Нада на окне, на карауле, а ворота на замке. Не бойся! — ответила ему тетка и с напряжением подошла к Жарко.

— Больше года из-за больных ног не поднималась на чердак. Я тебе принесла обед, — сказала она Жарко. — И поговорим немножко. Тетка спустилась на пол, поглядела на Жарко.

— Скажи мне, когда все это закончится? Сколько еще немцы будут расстреливать наш народ? Со всех сторон плач и стоны — расстреляно 150 коммунистов, и кто знает, сколько еще в других местах? Кто останется жив в этой борьбе? Скажи мне, это, скажи!

Жарко ей объяснил, почему и за что ведется борьба, уверил ее, что народ победит, хотя в Банате это очень тяжело из-за большого перевеса вооруженных до зубов фашистов. Затем сказал, что нужно, чтобы каждый честный человек боролся против фашизма, в борьбе многие погибнут, но многим и посчастливится выжить. Сказал ей, что она должна заинтересоваться проблемами села, взяться за те дела и задания, которые женщины и в военных условиях могут выполнять с успехом. На окне с улицы маленькая внучка писала пальцем на пыльном стекле букву “S”, а сама поглядывала во все стороны, карауля собравшихся.

— Что там? — спросила тетка, сойдя с чердака и увидев знак “S”.

— Мне показалось, что кто-то входит в наши ворота.

Тетка проверила.

— Нет никого. Смотри внимательней, без шуток, дело серьезное! И больше не пиши “S”, а пиши “П” — победа!

Пребывание Жарко на этой базе прошло благополучно.

Дядя Лаза Катич был повешен фашистами в 1943 году, а также и его брат Жива Катич. Над их могилой в Малом Гае у Делиблата светлеет сейчас достойный памятник.

Панчево

И в Панчево многие дома и комнаты служили базами для нелегалов. Они сейчас отмечены мемориальными досками. Но один дом на улице Гайдук-Велька, 11, мало известен, хотя спас очень много жизней, притом он не был обнаружен врагами до конца войны.

Еще в начале мая 1941 года я получила в Вршаце задание от Жарко, чтобы первым утренним поездом приехала в Панчево. На станции, которая была полна поездов и вся погружена в ужасный шум от них и прохожих, увидела Жарко в окружении пассажиров. Он подошел ко мне лишь на дорожке, которая вела в город. Сказал, что нужно срочно найти надежные, безопасные дома у хорошо известных и проверенных друзей, где бы при строгой конспирации могли находиться несколько товарищей. Договорились об этом поговорить у Брацы Петрова, который как секретарь ОК КПЮ находился в Панчево. В тот же день в полдень я передала Жарко нужный подходящий ответ. Тогда я последний раз видела Брацу и Олгу Петров.

Жарко меня подробно расспрашивал о моей подруге Смиле Ивкович, учительнице, которая от всего сердца предложила свой дом для базы.

— Со Смилей Ивкович я служила в Баваниште в одной и той же школе еще с 1928 по 1930 год. Заметила ее в коллегииуме как честную, добросовестную на своей службе, серьезную и сдержанную женщину. В семье она была преданная мать троих детей и заботливая супруга больного мужа. Как вдова с тремя выросшими девочками, она переехала на службу в Панчево и поселилась в собственном доме на улице Гайдук-Велько, 11. После нашего договора о базе мы не виделись до 1942 года. Однажды осенью 1944 года Смиля приехала в Вршац в наш дом. Рассказала нам с гордостью как Жарко жил в ее доме в течение всего 1941 года с перерывами. Наш отец и мать спрашивали Смилю, какое здоровье было у Жарко и что он говорил. Смиля, едва сдерживая слезы, говорила:

— Объяснил мне ситуацию, объяснил борьбу, перспективы, посоветовал мне, как воспитывать моих девочек. Объяснил мне значение и необходимость конспирации. За всю жизнь я не узнала столько полезного, как за время общения с Жарко. Он влил в меня надежду и храбрость. Конечно, он заметил, как я боялась, когда он пришел. О вас он часто думал. Все время вас вспоминал. Однажды в одно из воскресений в полдень он никого не ожидал. Я это знала, потому что он не сказал мне, чтобы я с детьми где-нибудь скрылась. Он что-то писал на папиросной бумаге. Потом шагал по комнате. Я вошла, чтобы его угостить пирогом с тыквенной начинкой. Тогда, все также расхаживая по комнате, он говорил о всех вас.

— Я знаю, что Анджа и Вера еще в лагере, — говорил он. — Если их кто-то будет обвинять, их расстреляют. Мать и отец в тюрьме. Чеда и Слободан в отряде в Сербии. Деян — здесь. Самый молодой член нашей семьи Гага (Предраг Миличевич – сын автора, в то время совсем юный комсомолец, активный участник подпольной антифашистской борьбы. – *Примеч. пер.*) сам, один в Вршаце и в большой опасности. О Спасе из отряда в Сербии не имею никаких вестей. Любима и Марко в Черногории в борьбе. И о них не имею вестей.

И пока Жарко, остановившись у окна, смотрел задумчиво в мутные волны Тамиша, я рассчитала в уме всех членов вашей семьи и просто вскрикнула: «Ох, вы все двенадцать в борьбе!».

Из глаз Смили полились слезы. А потом, чтобы отогнать родительскую тоску, продолжала говорить.

— Я своим детям — Наде, Бебе и Вере — говорила о НОБ, так как мне Жарко рассказывал. Девочки росли правильно воспитанные. Вера пошла в нелегалы, сердце у меня болит о ней. Поддерживал меня пример Жарко и Бебы [Елизаветы Петров – *Примеч. пер.*], все примеры наших борцов, как и пример вас двенадцати.

Рано утром 6 марта 1942 года панчевская полиция в присутствии военных и гражданских властей Баната с 60 военными и 20 жандармами, окружили маленький домик в пригороде Панчево, называемом «Топола». Шпион из полиции, портной Никола Каравла сообщил Шпилеру в предыдущий день, что в этом доме находятся нелегалы. Команда Шпилера и Райта требовала — любой ценой схватить, хотя бы одного коммуниста. Началась борьба. Фашисты, помня урок, полученный два дня назад, когда были убиты шефы полиции Крал и Рак в схватке с коммунистами, боялись ворваться в дом. Заняли безопасные места и углы около дома и кричали:

— Вы окружены полицией, сдавайтесь!..

Из дома ответили огнем. Развернулась жестокая борьба, которая продолжалась три часа. И лишь когда весь дом был изрешечен и когда из него уже не слышалось ни одного выстрела, полицейские решились войти в него. На чердаке дома, на месте последнего боя нелегалов, лежали три изрешеченных тела. Около них лежали три листа бумаги, на которых было написано: «Мы умираем за свободу народа». Это были Борислав Браца Петров — студент юрфака из Вршаце, секретарь КК СКОЮ и член КК КПЮ; его сестра Елизавета Беба Петров — студентка юрфака, секретарь ОК СКОЮ, член ОК КПЮ, жена Жарко Зренянина, и Станко Томич, член КПЮ.

После гибели Брацы Петрова, секретарем ОК КПЮ Южного Баната был сначала Деян Бранков, потом Страхиня Стефанович — воспитанники Жарко.

«Я ВИДЕЛ СМЕРТЬ ГЕРОЯ»

Измена

Жарко собирался в дорогу в Боснию на первое заседание АВНОЮ в Бихаче. В целях предосторожности он задержался на один день в Избиште. Встретился с Нисой Ивковым, секретарем МК КПЮ, одним из лучших среди 60 членов партии в Избиште, который его отвез в село Павлиш к Славке Никину, тоже члену партии. Ниса получил задание в организации в Вршаце разузнать о Зоре Крагич, члене КПЮ, которая из Панчево вернулась в Вршац, и чей муж был расстрелян, и эту информацию нужно передать Жарко как можно скорее. В доме Славко находилась и его сестра Лепосава, которая приехала из Белграда. Как старому члену партии Жарко поручил Лепосаве задание — отнести письмо в Вршац и передать его Зоре Крагич, в торговом доме ее брата. Зора Крагич пришла в Павлиш на встречу с Жарко и получила задание.

Между тем, она об этом рассказала своему брату, торговцу, который дружил с фольксполицией. Он сообщил в местную и главную команду гестапо в Петровграде о том, где находится Жарко Зренянин.

— Зора Крагич еще в начале НОБ, перепуганная расстрелом своего мужа, обещала полиции в тюрьме, что будет ей служить. Партийная организация об этом не знала. А Ниса Ивков, если и что-то узнал, то не успел сообщить об этом Жарко, ему помешала блокада Павлиша.

* * *

В заказанное время 4 ноября вечером, вместо сообщения о выполненном задании, прибыла немецкая полиция и окружила село. 700 солдат вошли в село, скинув ботинки на цыпочках. Их не слышали даже деревенские собаки. Во главе фашистов были самые высокопоставленные командиры и префект полиции Баната. Приближалась полночь. Жарко и Страхиня Стефанович сходят с чердака. Они взволнованы. Ниса не пришел — что-то случилось. Возможно, предательство. Часы отбивают время очень быстро, уже прошла полночь. Славко, хозяин дома, выходит во двор, но не замечает ничего подозрительного.

Время мучительно с неизвестностью проходит. На улице темно и очень густой туман.

Вдруг открываются ворота с улицы. Мальчик, племянник хозяина пришел по делу к своему дяде. Он дает ему необходимую вещь и быстро его провожает. Как только мальчик захлопнул ворота за собой, раздался выстрел. Мальчик схватился за правое плечо и побежал домой.

Тишина. Второй выстрел.

Женщина по соседству выглянула за ворота, чтобы увидеть, что случилось — выстрел в нее и она упала. Четверо малых детей зарыдали над мертвой мамой.

Жарко собрал всех домашних на разговор. Призывает их к спокойствию. Нет сомнения, что мы окружены, но враг не будет продираться в дом до тех пор, пока восход солнца не разгонит туман, говорил им Жарко.

Так и было.

До этого момента Жарко успокаивал маму хозяина и объяснял ей, как надо держаться перед неприятелем. Славко, хозяину и его сестре Лепосаве советовал, если хотят остаться в живых, должны быть готовы на все муки и ничего не признавать, кроме того, что он и Страхиня пришли сами незваные в дом и поставили хозяев перед свершившимся фактом.

— Если вас неприятель оставит в живых, вы узнаете, кто предатель и будете единственные свидетели этого события. И это важно для партии, для народа. Страхиня и я сейчас будем искать любую возможность пробиться через кольцо врага. Если нам это не удастся, мы живыми им в руки не дадимся. Борьбу мы поведем осторожно. С оружием будем обращаться так, чтобы не дать повода врагу спалить все село. Будем поступать так, как велит партия, — сказал Жарко спокойно, уравновешенно и вышел вместе со Страхиной во двор проверить возможность прорваться из окружения.

Но неприятельский обруч — двойной, солдат к солдату, и всё уже и уже.

Светаает.

Очерчиваются контуры соседних домов.

Жарко и Страхиня пытаются пробиться. Дождь пуль. Грохочет пулемет. Село резко разбужено и ужасается.

Страхиня бросает бомбу. Один выстрел смертельно ранит его и убивает.

Ранен и Жарко, его грудь пересечена пулями. Последним движением выхватывает свой револьвер и стреляет себе в висок.

Враг ликует.

Народ онемел. Клянется быть преданным своему герою! Своим героям!

Немецкая полиция организует пляски посреди села, но молодежь не идет в хоровод, они уходят в сторону, сжав кулаки.

«Мы потеряли замечательного человека и храброго борца. Герою Слава!»

Весть о гибели Жарко Зренянина — Учи — прожгла великой болью воеводинских жителей. Она в их сердцах укрепила ненависть к врагу и готовность самоотверженно бороться за освобождение от фашистов под знаменем коммунистической партии. Укреплялись партийные ряды и партизанские отряды все больше и больше. Весть о гибели Жарко отозвалась болью и среди наших пленных в Германии.

Доктор Душан Братич пишет в «Вечерних новостях» 5 ноября 1972 года: «В один из ноябрьских дней 1942 года через барак № 44 лагеря югославских военнопленных Бод Орб (Bod Orb) в Германии прошла весть, что Жарко Зренянин погиб. В тот день мы получили почту с Родины. Один товарищ из Вршаца получил письмо, в котором ему сообщили эту весть. Хоть сообщение и было зашифровано, не было сомнений в точности этой печальной вести. Подробности не сообщались, но, зная Жарко по его революционной деятельности и жизни в старой Югославии, заключение могло быть только одно — Жарко пал в борьбе против фашистских оккупантов.

В бараке было более 350 югославских военнопленных, старых, больных и неспособных работать. Больше всего было их из Баната, особенно из Вршаца, Белой Церкви и близлежащих сел. В тот же день, когда мы получили весть о гибели Жарко, вечером, на сборе, первая и самая значительная тема разговора была о Жарко. Мы и раньше знали, что имя Жарко и его популярность были известны по всему Банату, а на нашей встрече это еще раз подтвердилось. Не было ни одного товарища, который бы не слышал о Жарко, многие его знали в лицо, а некоторые знали близко и встречались с ним. Знали эти товарищи много фактов и деталей из жизни и революционной деятельности Жарко, и об этом говорили с большим уважением и любовью, с какими говорят о своих любимых и дорогих людях.

Чем больше о Жарко в тот вечер говорили, тем больше становилась эта группа слушателей, а внимание все интенсивнее. На лицах всех присутствующих видна была боль и печаль, которые яснее и громче всяких произнесенных или написанных слов, говорили: « Мы потеряли настоящего благородного народного учителя, замечательного человека и храброго бойца. Вечная ему Слава!»

Так в этом же месяце, в котором Жарко в неравной борьбе с фашистскими оккупантами геройски отдал свою молодую жизнь за свободу, тихо и спонтанно была отдана честь и память о нем за проволокой одного концлагеря во вражеской стране далеко от Родины».

* * *

Один соседский мальчик видел в то ноябрьское утро это событие в селе и запомнил его. В освобожденной стране мальчик учился в гимназии в городе Вршац и на первый объявленный конкурс в школе на тему «Народный герой Жарко Зрениянин» ученик пишет:

«Видел я одним ранним утром осенью смерть героя. Село было укрыто туманом, облаками и тяжелой осенней грязью. Желтые листья лежали в этом месиве, растоптанные. Но это не были следы наших ног, наших крестьян. Следы были тяжелые, глубокие от военных ботинок. Село было окутано туманом и солдатами. Кругом серые шлемы, пепельные шинели и неизвестные люди. Я стоял в комнате и смотрел на все это. Смотрел на движение солдат к одному желтому и мрачному дому. Стягивался обмундированный пехоты, автоматчиков, пулеметов, шлемов. Слышны были выстрелы, то громкие, то слабые. Туман потихоньку рассеивался. Тишина... Я видел толпу людей около “желтого” дома. Подъехал и грузовик. Солдаты построились и отошли. И грузовик отъехал. Я видел только, что они что-то поднимали на грузовик. Что-то завернутое.

Я вышел на улицу и видел людей. Наши люди. Они собирались в группки.

— Кажется, погиб Жарко-Уча. — Жарко мертв. — Он пришел сегодня ночью...

— Смерть...

Это моя картина из детства. Картина раннего осеннего утра. Оторвался один лист, но он не упал в грязь... он не затоптан... не забыт. Ветер понес этот лист по всей земле. О нем услышали все борцы. Может быть, его и видели. Крестьяне говорили — смерть. Они не знали, что смерти нет. Разве Жарко умер? Я знал одного человека, который мертвый. Он умер, всеми забытый. Забыть — самая большая смерть. А Жарко не забыт... Его всегда будут помнить».

В ОСВОБОЖДЕННОЙ СТРАНЕ

Народный герой

1944 — 1945 годы. Победа над фашистскими оккупантами озаряет весь миролюбивый свет. Красная Армия и союзники водрузили свои знамена над Берлином. Наша победоносная армия все больше и быстрее расширяет освобожденную территорию; и революционная народная власть устанавливается все шире. Борцы возвращались с фронтов. Возвращались и друзья Жарко. На аэродром г. Вршаца прилетел самолет. На его крыльях блестят красные звезды. Прибыли Иван Милутинович, член АВНОЮ

[Антифашистское вече народного освобождения Югославии. — *Примеч. пер.*], друг Жарко с каторги из Митровице, Народный герой. Ищет семью Жарко. Выражает соболезнования, поднимает настроение. Он принес весть, что Жарко награжден Орденом Народного героя.

Затем нас посещает товарищ Никола Петрович. У него мы узнаем, что Жарко был представлен к награде Народный герой еще раньше, но это представление задержалось, так как прошла весть по радио Новая Югославия, что Жарко жив, а в Павлише погиб кто-то другой. Эта иллюзия длилась долго, в такой надежде жили и мы в Банате. Отцу и матери члены Комитета в Вршаце и Петровграде помогли найти могилу Жарко. Сначала нашли Милоша Рома, который вместе со своим другом по приказу полиции должны были отвезти тела Жарко и Страхины на Багляш. Милош и его друг не выполнили приказ полиции, а веря в победу над оккупантами, погнали телегу дальше и тайком похоронили Жарко и Страхию на одном пустыре. Они там оставили свой знак над их могилой, чтобы их легче было найти после победы.

Невспаханный пустырь был сейчас совсем ровный. Знаки не смогли найти, а и память Милоша ослабла. Каждый день, шаг за шагом искали могилу. Отец тщательно проверял каждую пядь земли до тех пор, пока лопата не наткнулась на мягкую землю. Милош без передышки копал все глубже.

По городу пронеслась весть о том, что найдена могила Жарко и Страхины. Масса людей поспешила туда с цветами.

Последнее прощание с любимым Учей

Родители выразили желание, чтобы Жарковы посмертные останки были перенесены в г. Вршац.

2 октября 1945 года партия организовала перезахоронение Жарко в г. Вршац. Раннее октябрьское солнце уже поднялось высоко над вршацкой горой, когда перед железнодорожной станцией в Вршаце самые заслуженные товарищи-борцы приняли на свои руки гроб Жарко и положили его на лафет увенчанной славой пушки. Самолеты с достоинством кружили над городом, бросали букеты цветов и как крупные снежинки бросали белые, красные и голубые листы — символичное напоминание на нелегальные листовки в революции, которые люди ловили и читали «Слава Народному герою Жарко Зренянину!». «Самое славное имя боровшейся Воеводины с поля боя вошло в историю!»

Первая пушка проговорила голосом Жарко.

Его кулак поднялся первым над головами оккупантов.

Его следы искали первые партизаны на нивах и пастбищах.

Его имя сжимало зубы арестованным под пытками.

Его речь была последней мыслью осужденных с петлей на шее.

Его присутствие в борющихся окровавленных селах и городах было единственным бальзамом.

В его очах друзья впервые видели свободу.

Его смерть — буря, острая, больная, на лице каждого патриота.

Его жизнь — звезда в сердце каждого борца,

которая ему освещает путь борьбы до победы.

Около нас тишина, люди читали эти стихи поэта Васко Попе.

Десятки тысяч людей из городов и сел Баната, Бачки, Срема... Пионеры, молодежь, члены КПЮ, Народного фронта, профсоюзов и всех общественных организаций, целое село Избиште, молодежь на конях, повозках и в бескрайней колонне, несли огромные

прекрасные венки, провожали своего великого борца, героя до его могилы в центре города на площади имени Ленина. Около мельницы из-за боковой улицы послышался громкий крик. Группа мальчиков и взрослых приближалась к колонне. Они спешили как будто боялись опоздать на очень важное дело.

Пробившись к лафету, ухватились за гроб и вскрикивали сквозь слезы.

Колонна остановилась.

— Товарищ Уча, вставай! Как же мы будем без тебя?! На зерновом базаре у памятника, теперь тебя там нет! Беспокоился ты за всех нас, Уча! Хлебом нас кормил.

И плач и рыдания. Сутулый человек, венгр на своем языке рыдал:

— Uča elvtarš, nem felejtjuk el šoha-šoha Kedves tonito - Uča!

[Уча, товарищ, не забудем никогда-никогда, дорогой учитель -Уча! – *Пер. с венгр.яз., примеч. пер.*]

На прощании с Жарко от коммунистической партии Югославии выступил Йован Веселинов.

— ...Вся Воеводина знает Жарко Зренянина — Учю, великого руководителя широких народных масс в борьбе против фашизма, храброго борца, героя нашей освободительной войны...

Прощается и делегат от Армии...

Первое восьмое марта на свободе

Мать и отец остались жить в г. Вршац. Я с сыновьями поселилась в Белграде. Как только удавалось, мы навещали родителей и помогали им во всем, что требовалось. Навестила я их и на первое Восьмое марта в освобожденной стране. Поехала пораньше, чтобы помочь маме подготовиться к встрече посетителей. Спешила и лекарства им отвезти пораньше. Когда пришла в дом, мама, тяжелый инвалид войны, сидела в постели. Взгляд ее отошел куда-то далеко. На добром бледном лице блестели две крупные слезы. Я знала, что мама очень редко плачет. Она не заплакала ни в самый тяжелый момент, когда ей фашисты-убийцы сообщили в лагере, что Жарко погиб. Собрала все свои силы, сжалось материнское сердце, и она им сказала: «До сих пор меня люди благодарили и выражали уважение за моего сына как человека и учителя, а вы пришли, чтобы его убить». И пока добряк отец заливался слезами, и ташил за рукав маму во двор, она вырвалась и сказала: «Эти люди будут вечно каяться за убийство Жарко».

А сейчас в своей комнате, озаренной мартовским солнцем и после напряженного нашего разговора рано утром о Восьмом марте в историческом ключе и о женщинах-революционерках — мама не могла сдержать слез. Нежно утирая ее слезы с доброго лица, я спросила:

— Кто это приходил так рано?

Она мне протянула лист бумаги из школьной тетрадки и сказала тихо:

— Читай!

Это была школьная работа того ученика гимназии, родом из Павлиша, который описывал трагедию гибели нашего Жарко и свои размышления об этом. Маму потрясло посещение двух мальчиков из гимназии, которые ее поздравляли с праздником Восьмого марта. Один из них был очень похож на Жарко-гимназиста, напомнил ей сына.

Мама начала вспоминать... Она говорила:

— Когда мы были в лагере, я так надеялась на встречу с Жарко, когда мы выйдем на свободу... Хотела перед ним отчитаться о нашем поведении перед полицией, что его развеселило бы. И я бы ему сказала, что некоторые коммунисты слабы, им не хватало твердости характера, они не выдержали и предали борьбу. Но видишь, не дожил он до момента, когда бы это все мог узнать и услышать и помочь нам в нашей дальнейшей борьбе.

Перед наружной дверью слышались шаги. Ученики 4-го класса Основной венгерской школы «Шандор Петефи» с учительницей Еленой Берки вошли и поздравили нас с праздником Восьмого марта. Начался непринужденный разговор. Учительница рассказала об истории праздника.

В двух просторных комнатах стояла тишина. Слышались только вопросы и ответы.

— Мама, почему у вас так деформированы руки?

— ...

«Если бы стены могли говорить...»

Отец и мать, хотя уже и старые, измученные и больные, жили не пассивно и не обедненно духовно. Постоянно читали печать, дружили с коммунистами, интересовались событиями и были всегда в курсе ситуации в стране и в мире. Часто их посещали борцы, школьники, журналисты. Статья Менсура Сеферовича, которая была напечатана в газете ЮНА [Югославская народная армия – *Примеч. пер.*] в 1962 году, глубоко взволновала маму и обрадовала ее, так как он написал истину и выразил ее мысли: «Дверь открыла женщина

средних лет, с усталыми глазами, а руками она приглашала войти через порог в комнату, где я ожидал встречу со старой Драгой, матерью народного героя Жарко Зренянина. Встретила меня старшая сестра Жарко, учительница на пенсии Анджа, которая как только села, сняла очки и говорит:

— Маму мы вчера привезли из Вршаца в Белград и опять поместили в больницу. Она тяжело больна, военные кровавые раны открылись, суставы все еще помнят тюремные мокрые плиты из бетона. Это слишком для женщины в 80 лет. Я в руках

Драга и Жива Зренянин – родители Жарко Зренянина

сжимаю несколько писем, на мгновение я просто онемел, накрытый этим хмурым утром.

— Вы, наверное, из Вршаца? — говорит женщина, засмотревшись на мои руки и голубые конверты на низком столике.

Но сразу вместо разговора о письмах, которые получил из Вршаца, я повел разговор о большой рукописи, которую разложил перед учительницей Анджей, эта рукопись содержала самые дорогие рассказы в этом доме. На столе лежат многие страницы, по которым мы можем следить за боевым путем этой благородной банатской

семьи, ее самого выдающегося борца, учителя Жарко, члена ЦК КПЮ и партийного руководителя коммунистов Воеводины.

Здесь около этой рукописи и больной пожилой мамы Драги написаны и 2 письма воинам гарнизона г. Вршац, которые диктовала мама Жарко. В этих письмах мать Народного героя говорила сердцем и силой своей воли обо всем, что еще ее держит в жизни, о своей материнской любви к воинам, о ее неизмеримом счастье, когда она была оповещена, что в г. Вршац проведено торжество, на котором военной казарме дали имя ее сына Жарко, о чем она и пишет:

“Говорят мне, что Общинный комитет СКЮ расспрашивает, где я нахожусь, чтобы меня позвать на торжество кавалерийского полка. Жаль мне, что меня не оповестили заранее. Я бы вам послала поздравительную телеграмму или экспресс-письмо...”

Драге было что сказать о сыне и его товарищах, о том, что на многих страницах дневника вршацкой кавалерийской казармы вписаны имена коммунистов, напоминающие сегодняшним воинам казармы: *«В связи с торжествами, вы конечно, пользовались приведенными в порядок данными исторического отделения при Музее в Вршаце. В них упорядочена и обработана документация об аресте и допросах Жарко Зренянина и Боры Микина (Народного героя), в связи с появлением нелегальных листовок в казарме и что в связи с этим заявил член “пятой колонны” генерал Станкович. Я бы хотела здесь вам сказать кое-что другое, что историки еще не успели записать».*

Было слишком много событий, о которых мать хотела рассказать, чтобы полностью открыть свое волнение и горечь того утра, когда она, мать, пережила первый арест сына, коммуниста и учителя в селе Избиште. Обошла она и тяжелый семейный удар в 1933 году, когда ее муж, старый Жива, был схвачен с пакетом нелегальной газеты “Ленинист”, который на шапирографе издавал ее сын Жарко. Промолчала и о листовках, которые прятала запазуху, промолчала о своей молчаливой печали за сына на каторге в Лепоглаве

и Сремской Митровице, о его необычном возвращении и массовой встрече всеми гражданами, закаленного революционера, который в 1936 году был избран секретарем ЦК КПЮ по Воеводине. Все это для матери Драги как будто и не имеет особого значения в ее беседе с воинами, которым она скорее открывала менее известные события из круга их солдатских интересов». Поскольку *«когда бы стены военной казармы умели говорить, — писала она воинам, — то они бы рассказали вам интересную историю борьбы»*, говорили бы о том, что Жарко бывал и в этой казарме и брал на себя обязанность в течение лета обучать солдат грамоте, что ему школьные начальники в 1931 году запретили просветительскую работу среди солдат в казарме, к которым он снова, еще решительнее, вернулся после каторги, о чем мать дальше пишет:

«Забота о солдатах и их политическом просвещении была составной частью революционной работы. Те здравомыслящие солдаты, уверенные, проверенные жизнью воины воспринимали нелегальный материал, как и другие честные люди. Такие воины приходили и к нам домой, тогда в Спаичевой улице, 3, вблизи казармы. Я еще помню слова, которые слышала попутно, когда им Жарко объяснял, что такое настоящая народная армия...»

Мама тогда была тихий борец «в тылу». Она помнила, что Ратко Митрович из Чачка с раной на лбу после демонстрации, долго сидел с Жарко и ее детьми, пока он был на военной тренировке в кавалерийском полку в Вршаце. Принимала у себя Александра Ранковича, Соню Маринкович и других коммунистов. Она их старательно всех вспоминает и скромно дописывает: *«Пока они с Жарко разговаривали, я обычно стояла на страже. А когда товарищи из Нового Сада оставались на всю ночь, я их караулила с помощью будильника, который мне купил Жарко. Этот будильник работает и сейчас. Он мне напоминает минувшие светлые дни и светлые лики людей... Я их очень любила, хотя*

их приезд был связан с большими заботами, чтобы их не нашла полиция. Глядя на них, таких храбрых и благородных, я чувствовала что-то, что меня тогда укрепляло: мой Жарко не одинок в этой тяжелой борьбе, они с ним вместе, а люди они прекрасные. Это чувство укрепляло мою веру в безопасность Жарко. И из-за этого я их любила. А когда они так скромно и культурно проходили через наш дом, как гости, я чувствовала, как они отличаются от других людей. Многие мне казались похожими на Жарко по характеру и поведению, отец Жарко тоже это чувствовал».

Старая женщина промолчала о горести военных дней, о ее и мужа аресте и муках в немецких лагерях-тюрьмах, болезни, которая тянется из тюремных камер и геройской смерти «красного генерала», как называли Жарко немцы.

Перед ее глазами стоят только стены кавалерийской казармы и заветы, которые в конце этого первого письма она посылает воинам вршацкого гарнизона:

«Боль и муки Боря Микина, испытанные им при мучениях и издевательствах в казарме из-за листовок, должны были пропитать стены казармы, давая ей дух Бастилии. Но ни Жарко, ни Бора не дождались момента открытия ее ворот, когда настал час свободы. Они погибли. Вы пришли их заменить и отдать им свой долг. Благодарность вам и Верховному главнокомандующему товарищу Тито! А казарма имени Жарко Зренянина пусть и дальше воспитывает и закаляет молодых борцов за социалистическую Югославию».

Через пять дней воины этого гарнизона, перед которыми на торжественном сборе было прочитано письмо матери Героя Югославии Жарко Зренянина, ответили старой женщине, что она теперь и для них всех «общая мать», что их казарма не случайно носит имя ее сына, что у них чувствуется полное присутствие духа Жарко, они ей обещают, что

сделают все, чтобы сохранить и дальше развить все то, что им завещали и оставили павшие за Родину герои.

Семья Зренянин сразу же послала **второе письмо матери** в Вршац:

«Уважаемые товарищи, дорогие сыновья!

Я получила ответ на мое письмо. Вы меня очень обрадовали.

Спасибо вам. Это как письмо от сына, теплое и утешающее.

Отношения между людьми, здоровье, теплые, очень важны. Без них бы жизнь была серой, как без солнца. И это мне напоминает моего сына

Жарко. Он некоторые разговоры с людьми или со своими сестрами, братом, зятьями и другими членами семьи обычно проводил в комнате, где находилась я и мой покойный муж. Я хорошо поняла, когда говорили о том, как при социализме, кроме всего прочего, меняются и отношения между людьми. Жарко говорил о рабочих на заводах, о крестьянах в кооперативах в будущем. Но и говорил о рабочих-коммунистах — тогда в обществе “Абрашевич” — в связи с некими недружественными поступками. Он много заботился о том, чтобы в людей влить классовое сознание и гуманизм в отношениях, который тогда особенно давал жизни что-то высокое, светлое, красивое. В теплых отношениях люди подпитывались силой для борьбы. Когда бы наступали катастрофы, товарищеская любовь бывала единственной надежной опорой, как стакан холодной воды в жару на пересохшие уста. И еще больше того. Вспомним нашу народно-освободительную борьбу

и братство и единство между нашими народами и народностями и всех павших героев.

Я читала один замечательный рассказ о том, как люди где-то относились к такой же матери, чей сын геройски погиб в революцию в том городе. Вы мне напоминаете этих замечательных коммунистов, которые этой матери старались облегчить жизнь и боль о павшем сыне. Ваш ответ, теплый и содержательный, особенно та часть, где вы подчеркиваете, что сейчас больше нет неграмотных воинов и нет...

Будьте здоровы!

Материнский привет шлет вам Драга Зренянин».

ЗАМЕТКА ОБ АВТОРЕ

Анджа Миличевич (Зренянин) родилась 21 сентября 1900 года в Избиште (Сербский Банат – Воеводина, Австровенгерская монархия) в сербской многодетной крестьянской семье. Старательно и отлично училась в начальной школе в родной деревне и получила от местных властей направление и стипендию на учебу в колледж-гимназию в венгерский город Сегедин (Австровенгерская монархия). Закончила Сегединский колледж, во время учебы в Сегедине овладела в совершенстве венгерским и немецким языками и затем закончила Педагогическое училище в городе Вршац.

В 1920 году Анджа Зренянин вышла замуж за прогрессивного учителя-коммуниста Чедомира Миличевича и далее под его влиянием и влиянием своего брата Жарко Зренянина сама стала убежденным коммунистом.

Профессия педагога была ее призванием, и постепенно Анджа стала одной из лучших учительниц в Вршаце. Перед войной Анджа и Чедомир Миличевичи успели закончить заочно 1 курс философского факультета Белградского университета. Вместе со своим мужем и братом она входила в группу известных активных прогрессивных учителей Воеводины и Югославии.

После возвращения с каторги Жарко Зренянина, Анджа получила задание от партии организовать прогрессивное женское движение и молодежную секцию в городе Вршац. После исторических массовых антифашистских выступлений 27 марта 1941 года она была арестована как одна из организаторов этой акции. Во время войны с фашизмом Анджа активно участвовала в подпольной антифашистской борьбе. После освобождения Югославии Анджа Миличевич работала в министерстве просвещения, организуя всенародное просвещение в новой социалистической Югославии, являлась автором учебника для начальной школы «Познавание природы» (Познание природы). Работала членом редакции «Народное просвещение». Перевела с венгерского языка роман «Ово изнад свега» (в оригинале «This above all» английского писателя Эрика Найта). В 1948 году во время объявленной Тито дискуссии в партии Анджа Миличевич открыто декларировала принципиальную коммунистическую позицию против разрыва отношений с Советским Союзом, за что попала в бесчеловечную зловещую титовскую тюрьму «Голый оток» на шесть лет. Там, несмотря на мучения и унижения, не шла ни на какие компромиссы с властью и осталась верной великим идеалам коммунизма, верной своим погибшим в тяжелой борьбе товарищам, своим героически погибшим мужу Чедомиру Миличевичу и брату Жарку Зренянину. Впоследствии написала биографию Жарко Зренянина вместе с историком Любомиром Милиным (Изд. Рад, Белград, 1965 год, серия «Лики революционеров»). За хронику «Одно село и один город» была удостоена премии SUBNOR города Вршаца.

КНИГИ О ЖАРКО ЗРЕНЈАНИНЕ

1. **Žarko Zrenjanin.** Anđa Milićević – Ljubomir Milin. Izdavačko preduzeće „RAD“. Beograd. 1965

2. **Žarko Zrenjanin. Uća.** Izabrani spisi, Novi Sad, 1974 g. Izdaje Muzej socialističke revolucije Vojvodine, štampa „Proleter“, Bečej.

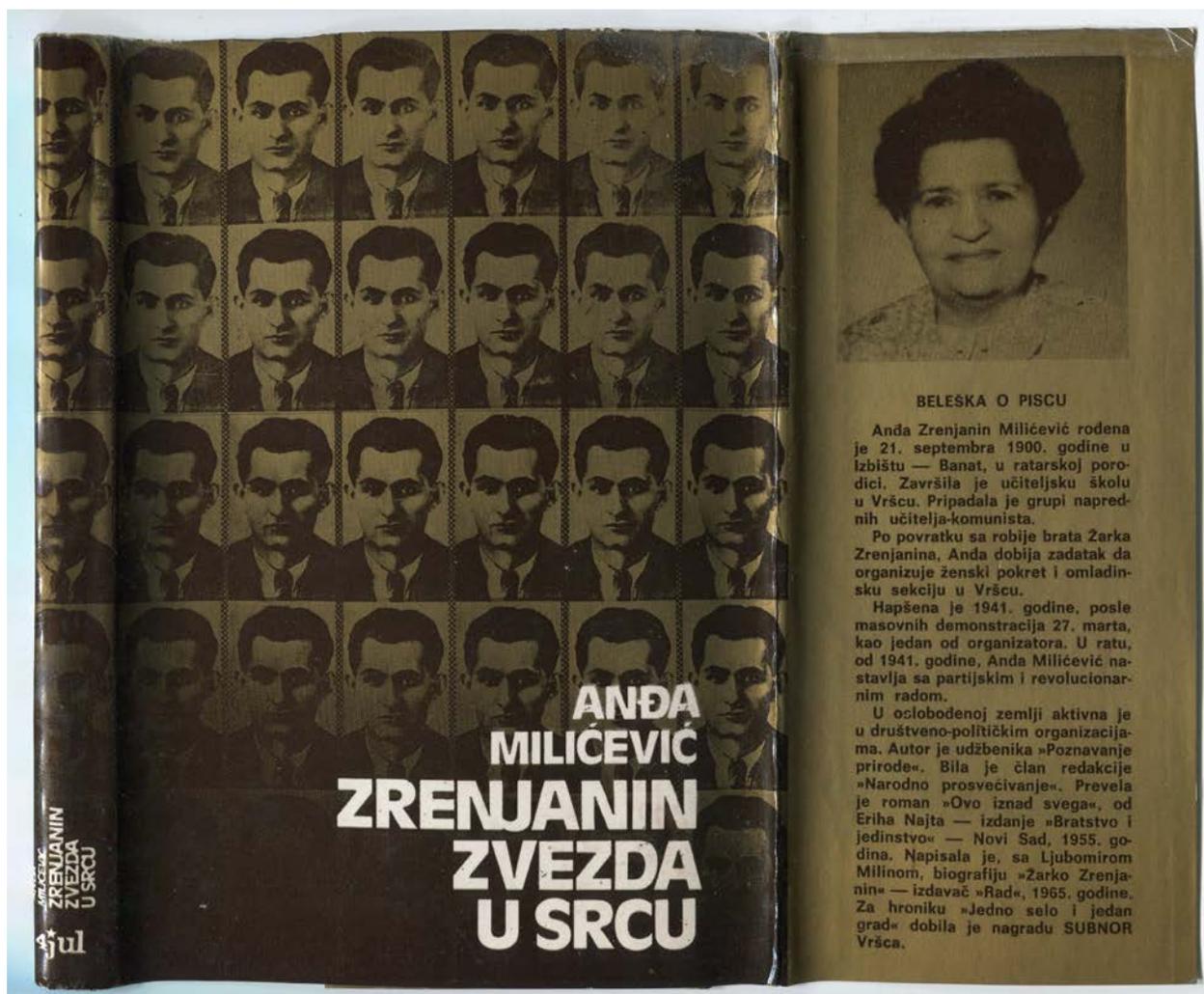
3. **Žarko Zrenjanin. Kazivanja, poema, sećanja saboraca.** Zrenjanin, 1974, Biblioteka „Ulaznica“, posebno izdanje. ZA IZDAVAČA Zoran Slavić. IZDAVAČ Centar za kulturu Zrenjanin.

4. **Kniževna reč u Zrenjaninu. 1944 – 1984. Biblioteka „Umetnost“, knjiga 1.** Povodom 40-godišnjeg oslobođenja našef grada. IZDAVAČ Gradska narodna biblioteka „Žarko Zrenjanin“. ZA IZDAVAČA Glavni i odgovorni urednik Bogdan Džuver, Zrenjanin, 1984.

5. **Песник – Борац Дејан Бранков. Споменица. КОБ.** Приредио уређивачки одбор КОБа. ИЗДАВАЧ Књижевна општина Вршац. 1982. Библиотека КОБ. 40 година погибије хероја револуционара и песника Дејана Бранкова (1914-1942).

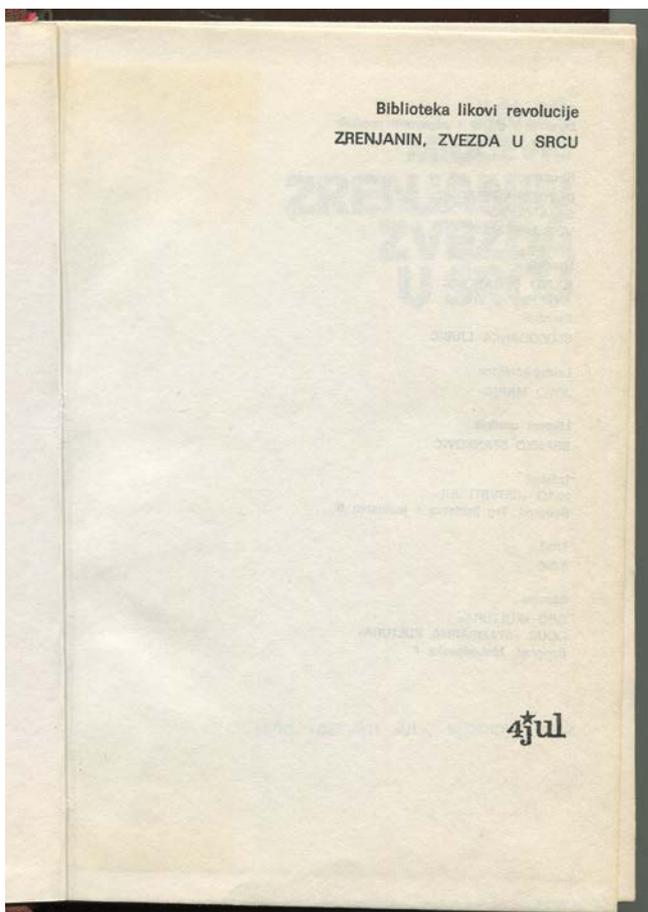
6. **Зрењанин. Поема.** Васко Попа. Ново покољење, 1949. Штампа „Омладина“, Београд.

7. **Olga Petrov. Životni put i revolucionarno delo.** A Stepić, N. Marinović. Gornji Milanovac, 1980. Biblioteka „Legende“. XII kolo. Istaknuti revolucionari Jugoslavije.

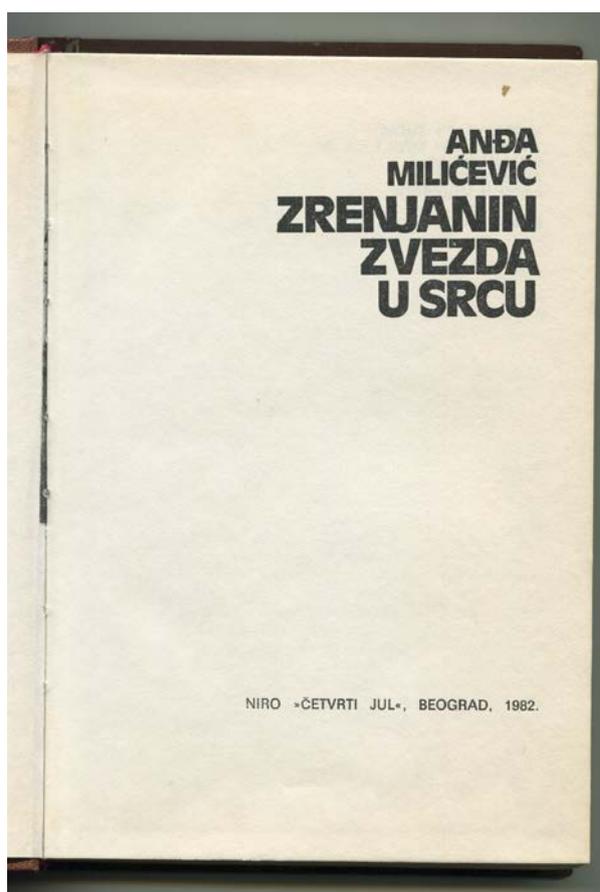
Авантитул оригиналног издања 1982. године на српско-хрватском језику

Biblioteka likovi revolucije ZRENJANIN, ZVEZDA U SRCU

Титул оригинального издания 1982 года на сербско-хорватском языке

**ANĐA
MILIĆEVIĆ
ZRENJANIN
ZVEZDA
U SRCU**

NIRO »ČETVRTI JUL«, BEOGRAD, 1982

Посвящение оригинального издания 1982 года на сербско-хорватском языке

**MOME BRATU ŽARKU
I SVIM KOMUNISTIMA I RODOLJUBIMA
POGINULIM U NOB-u**

AUTOR

